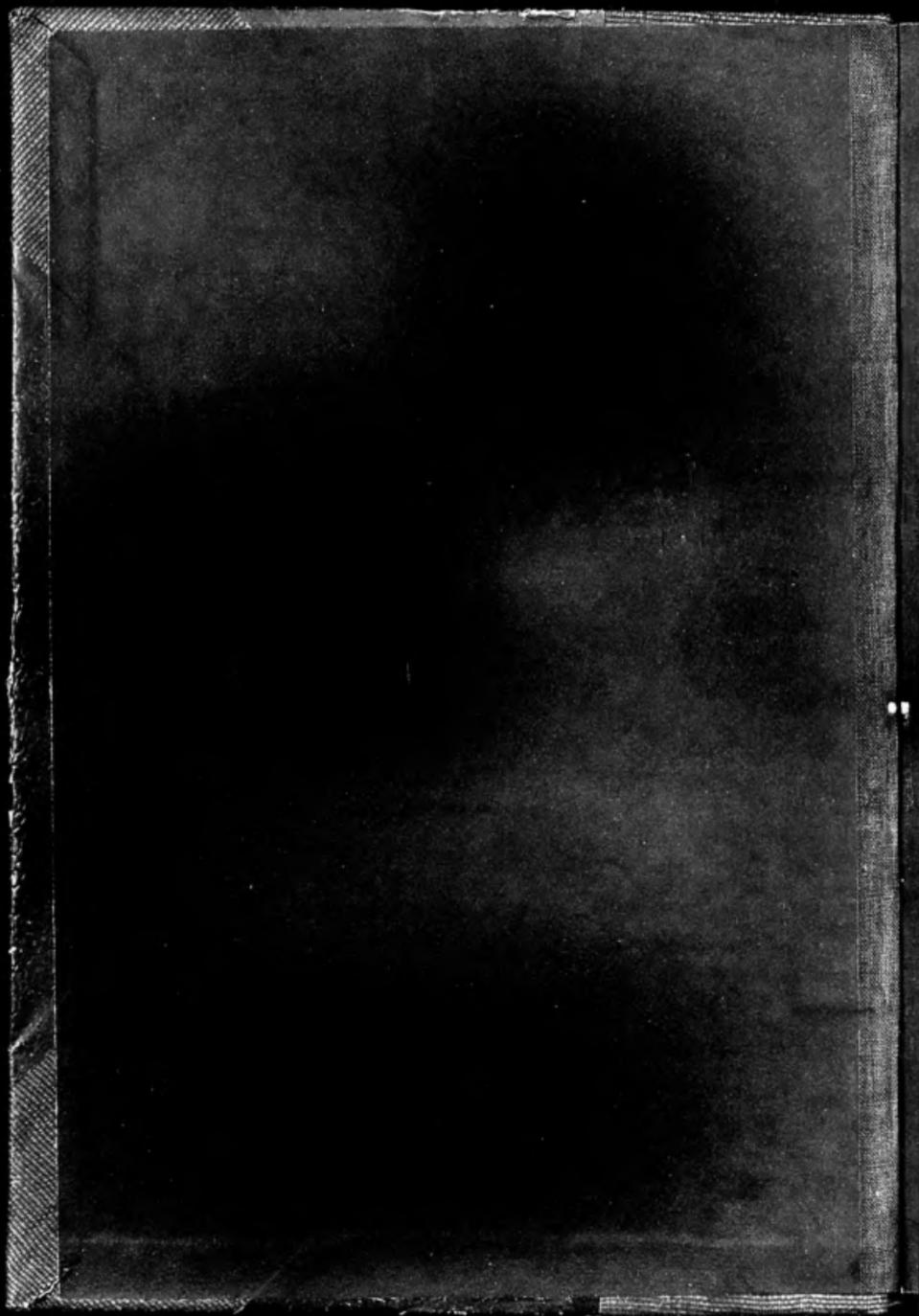
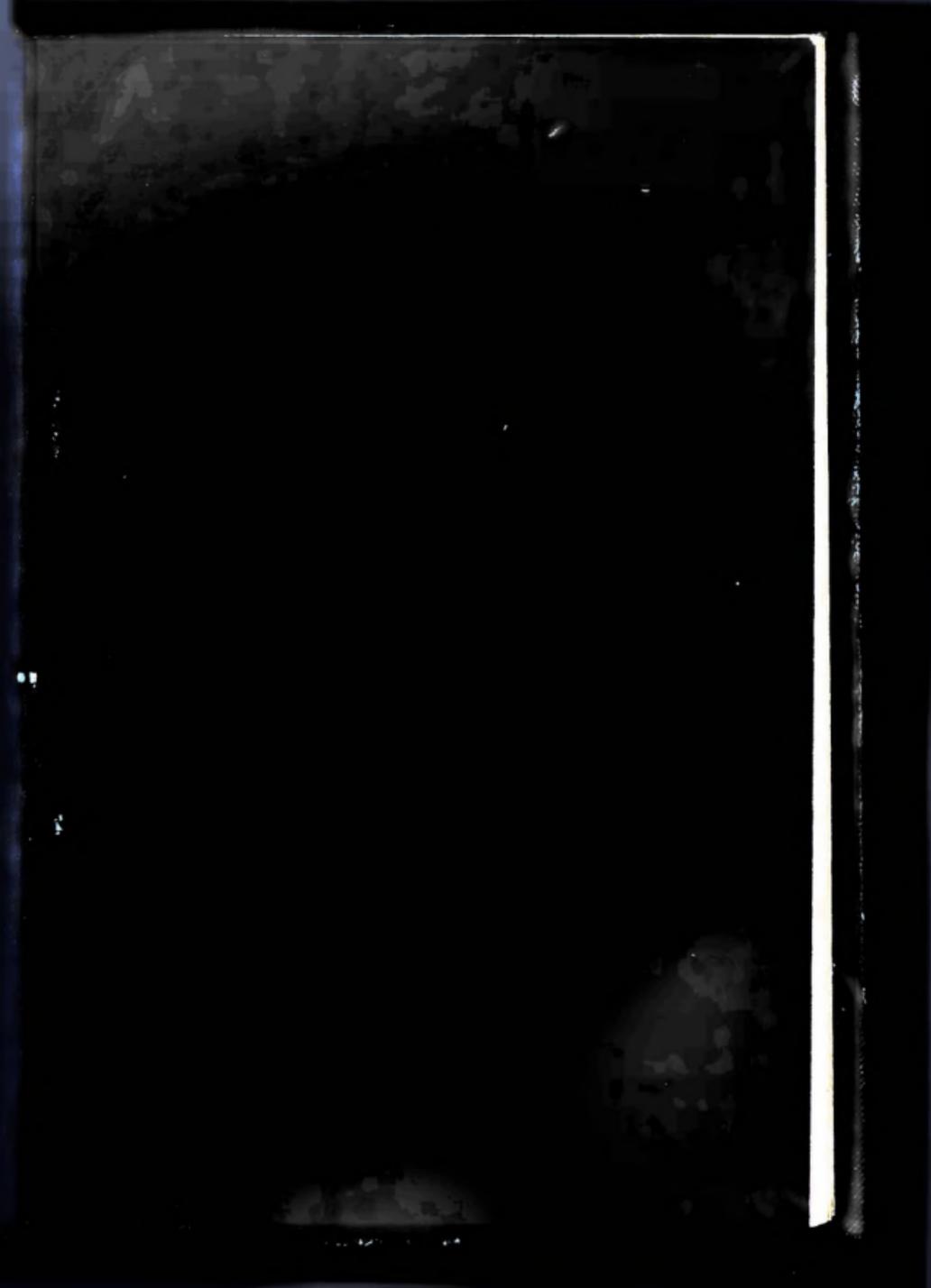
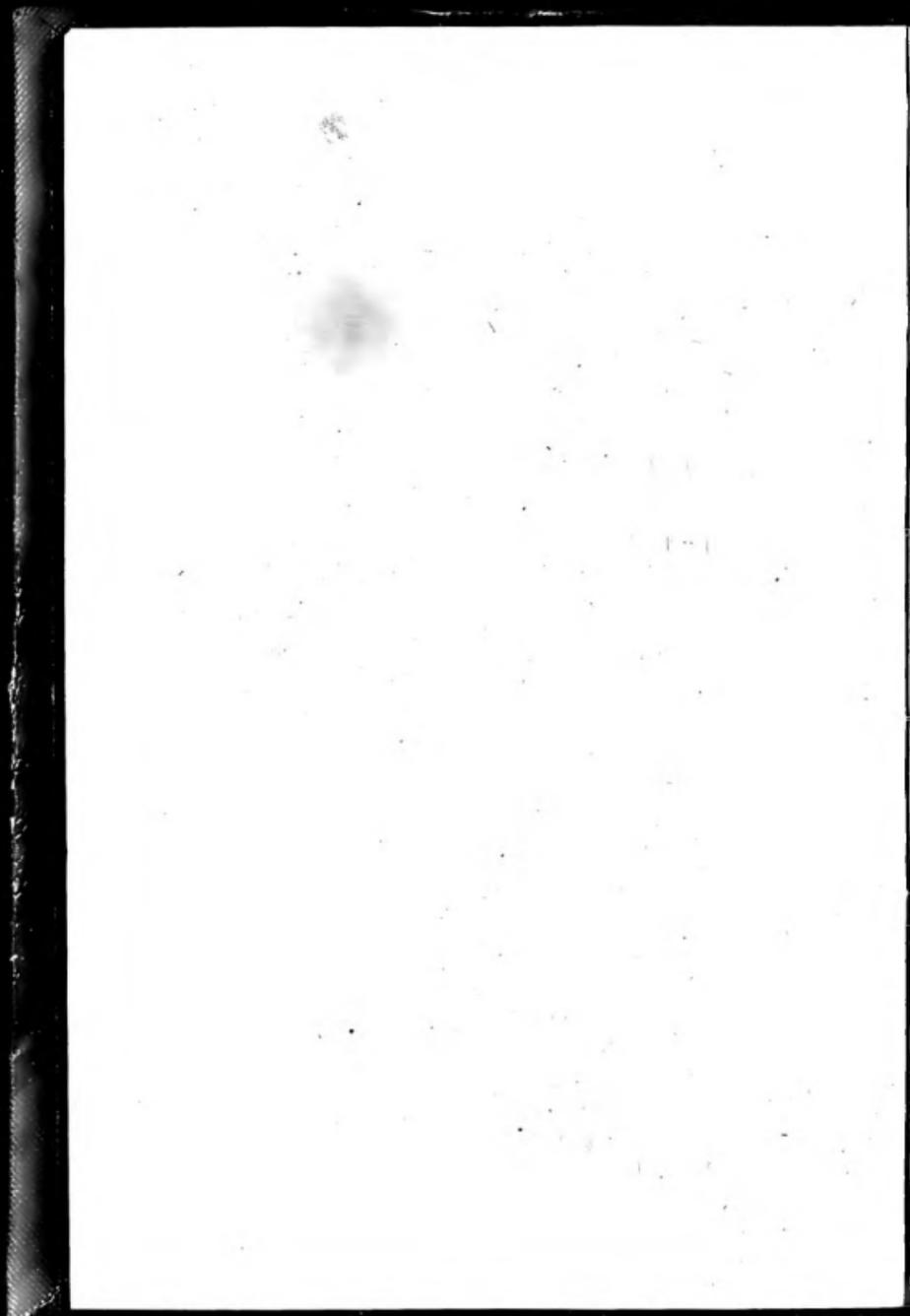

КРОКОДИМ
(
ДРЕВНОМ
ШУБАРС

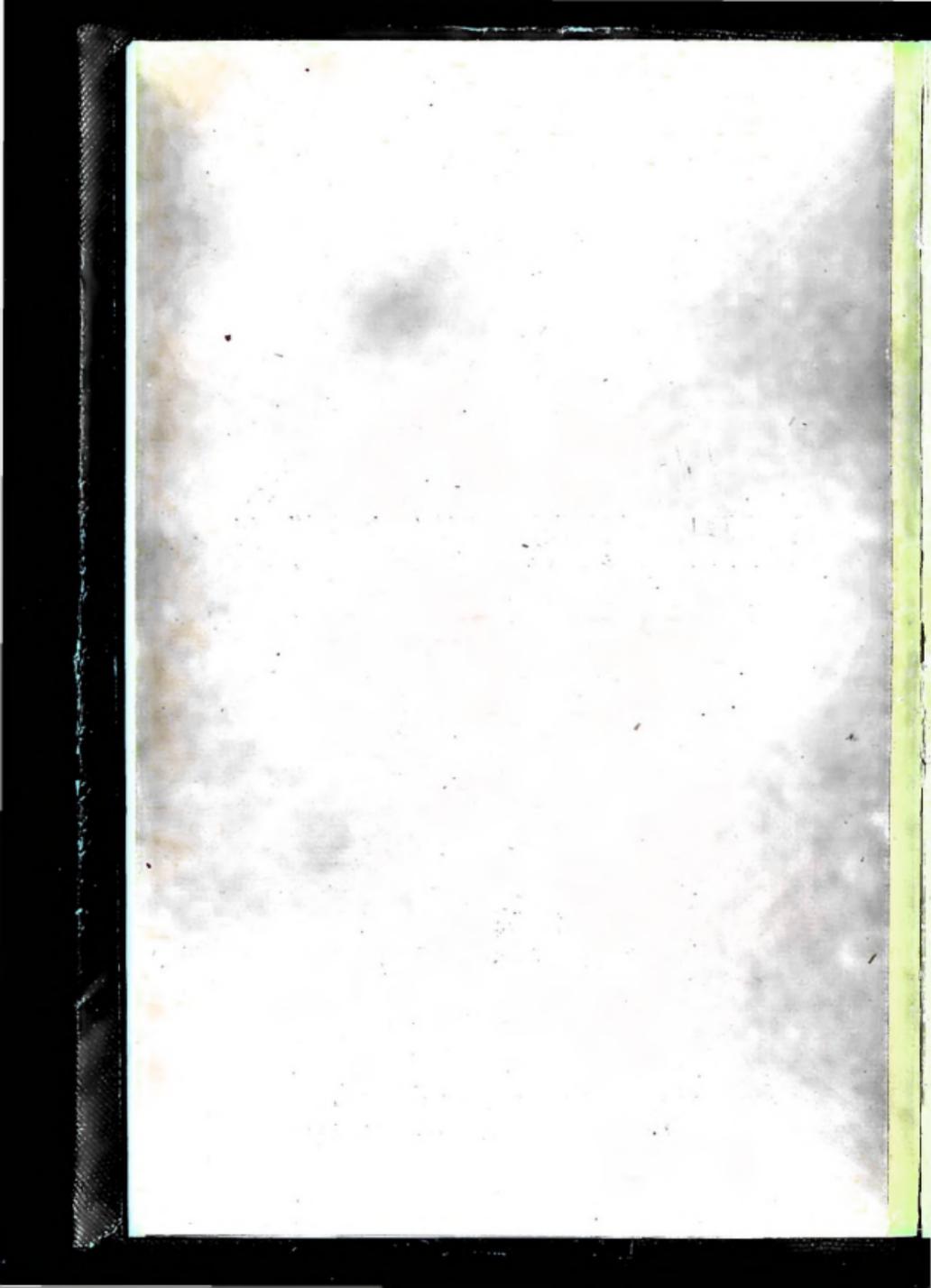
Л. Троцкий

ЕН171
0121

0
ДЕВЯТОМ ЯНВАРЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Л. Троцкий

✱

ЕН 171
0121

О
ДЕВЯТОМ ЯНВАРЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — 1925 — ЛЕНИНГРАД

1, 341

К.

ЕНИМ
0121

(022-1985)

~~3072~~
66 ел.

1062879

2012

ПРЕДИСЛОВИЕ.

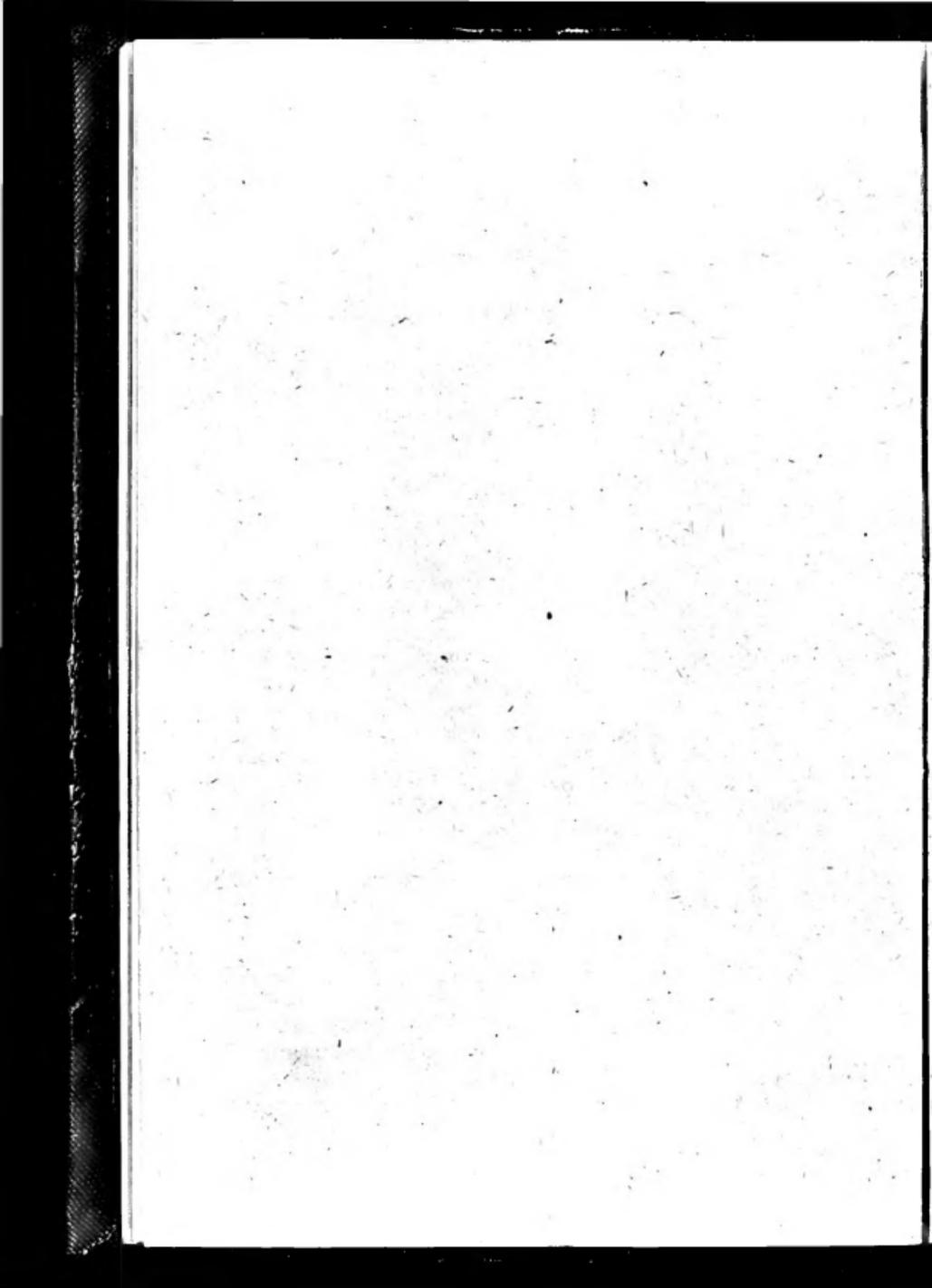
9 января 1905 года навсегда останется одной из важнейших вех на пути политического развития России. Более молодые поколения могут лишь с трудом представить себе, какое колоссальное впечатление произвело Кровавое Воскресенье на трудящиеся массы всего мира и каким незаживающим рубцом вошло оно в сознание пролетарской России.

Либералам казалось на первых порах, что яса Гапона, развевавшаяся над движением, как знамя, позволит им сохранить необходимое руководство над «наивными» массами. Революционные социал-демократы в этом грандиозном шествии петербургских рабочих к Зимнему дворцу вполне основательно видели первую волну революции, в которой пролетариату будет принадлежать решающая роль. С 9 января 1905 года открывается эра гигантских битв, которая завершается Октябрьским переворотом. Через двенадцать с лишним лет после того, как рабочие потянулись к Зимнему дворцу с гневом в душе, но еще со словами просьбы на устах,—через двенадцать с лишним лет те же рабочие, или их младшие братья, изгоняли из Зимнего дворца последних представителей буржуазной демократии, временно занявших помещение Николая Романова. Такова связь 9 января и 25 октября.

Эта книжка состоит в основе из нескольких очерков, из коих один писался незадолго до 9 января, другой—сейчас же вслед за Кровавым Воскресеньем, а остальные—в 1908/9 и 1910 гг., когда мы подводили итоги первой революции, дожидаясь второй. В этих очерках имеются несомненные фактические неточности, вытекавшие из условий и обстоятельств того момента, когда они писались. Исправление этих неточностей—дело дальнейшей исторической критики.

Л. Троцкий.

Москва, 31 октября 1924 г.

О девятом января¹⁾ *).

Война²⁾ и либеральная оппозиция.

Оглянемся на последний трехмесячный период.

Именитые земцы³⁾ съезжаются в Петербург, устраивают не то тайное, не то явное совещание и вырабатывают конституционные требования. Интеллигенция устраивает ряд политических банкетов. Члены окружных судов сидят вперемежку с возвращенными ссылными, интеллигенты с красными гвоздиками в петлице чередуются с действительными статскими советниками, профессора государственного права восседают бок-о-бок с поднадзорными рабочими.

Купцы московской думы выражают свою солидарность с конституционной программой земского съезда, московские биржевики—с думскими купцами.

Присяжные поверенные устраивают уличную демонстрацию, политические ссылные ведут в газетах агитацию против ссылки, поднадзорные—против шпионов, морской офицер открывает публицистический поход против всего морского ведомства, и когда его сажают в тюрьму, легальное общество собирает ему на кортик.

Невероятное становится действительным, невозможное—вероятным.

Легальная пресса дает отчеты о банкетах, печатает резолюции, сообщает о демонстрациях, упоминает мимоходом даже про «известную русскую поговорку», бранит генералов и министров,—преимущественно, впрочем, покойных или отставных.

Журналисты мечутся, вспоминают прошлое, вздыхают, надеются, предостерегают друг друга от лишних надежд, не знают, как быть, пытаются отделаться от рабьего языка, не находят слов, натываются на предостережения, искренно стремятся быть радикальными, хотят к чему-то призвать, но не знают—к чему, говорят много едких слов, но наскоро,

¹⁾ Напечатано брошюрой в Женеве в 1905 г.

ибо не уверены в завтрашнем дне, скрывают за острыми фразами чувство неуверенности, все растеряны, и каждый хочет заставить остальных думать, что растеряны все, кроме него одного...

Теперь эта волна идет на убыль...—разумеется, для того только, чтобы сейчас же дать место другой, более высокой волне.

Воспользуемся этим моментом, чтоб учесть сделанное и сказанное за последний период,—и сделать вывод: что же дальше?

Теперьшнее положение в ближайшем счете создано войной. Она страшно форсирует естественный процесс разрушения самодержавия, клещами вытаскивает на площадь политической жизни ленивые общественные группы и, что есть мочи, гонит вперед формирование политических партий...

Чтобы не утратить всех перспектив, нам нужно отойти несколько от периода «весенней» смуты—назад, к началу войны, и хоть бегло обозреть политику разных партий за это вдвойне военное время.

Война дана была обществу, как факт,—оставалось его использовать.

Партия царистской реакции делала в этом направлении все, что могла. Пользуясь тем благоприятным обстоятельством, что абсолютизм, в конце скомпрометированный, как представитель интересов культурного развития нации, нашел в войне возможность проявить себя с той стороны, с которой он казался наиболее сильным и себе и другим, реакционная печать взяла наступательный тон и поставила на очередь дня лозунги, в которых самодержавие, нация, армия, Россия,—все объединялось общим интересом немедленной победы.

«Ни в чем,—повторяло и повторяет «Новое Время»⁴⁾,—так не сознает своего единства нация, как в своей армии. Армия в своих руках держит международную честь нации. Поражение армии есть поражение нации».

Задача реакции была, таким образом, ясна: превратить войну в национальное предприятие, объединить «общество» и «народ» вокруг самодержавия, как охранителя могущества и чести России, создать вокруг царизма атмосферу

преданности и патриотического энтузиазма. И реакция, как могла и как умела, преследовала эту цель. Она стремилась возжечь чувства патриотического негодования и нравственного возмущения, нещадно эксплуатируя так называемое вероломное нападение японцев на наш флот. Она изображала врага коварным, трусливым, жадным, ничтожным, бесчеловечным. Она играла на том, что враг—желтолицый, что он—язычник. Она стремилась, таким образом, вызвать прилив патриотической гордости и брезгливой ненависти к врагу.

События не оправдывали ее предсказаний. Злосчастный тихоокеанский флот терпел урон за уроном⁵⁾. Реакционная печать оправдывала неудачи, объясняя их случайными причинами, и обещала реванш на суше. Начался ряд сухопутных сражений⁶⁾, ряд чудовищных потерь—ряд отступлений непобедимого Куропаткина⁷⁾, героя стольких карикатур европейской печати. Реакционная печать делала попытки самыми фактами поражений ущемить народную гордость и пробудить жажду кровавого отмщения.

В первый период войны реакция организовывала патриотические манифестации студенчества и городской сволочи и покрывали всю страну лубочными картинками, на которых преимущественно русской армии над японской изображались самыми яркими красками, какие только имелись в распоряжении патриотических живописцев.

Именем патриотизма и человеколюбия реакция призвала к поддержке правительственного Красного Креста, когда число раненых стало возрастать; именем патриотизма и государственных интересов она привлекала общество к жертвованиям на флот, когда перевес японского флота над нашим стал очевидностью.

Словом, реакция делала все, что могла и умела, чтоб использовать войну в интересах царизма, т. е. в своих собственных.

Как же в это критическое время действовала официальная оппозиция, та, в руках которой органы самоуправления—земства и думы—и либеральная печать?

Скажем сразу: позорно.

Земства не только покорно несли те связанные с войной труды и расходы, которые возложены на них законом, нет,

они еще сверх того добровольно пришли на помощь самодержавию своей организацией помощи раненым.

Это—преступление, которое тянется до сегодняшнего дня,—преступление, против которого никто в либеральной среде не возвысил протестующего голоса.

«Если патриотическое чувство призывает вас принять деятельное участие в бедствиях войны, идите кормить и греть заблудившихся, лечить больных и раненых»... учил г. Струве, принося в жертву не «патриотическому чувству», а патриотическому лицемерию последние остатки оппозиционного смысла и политического достоинства. Разве не ясно, что в тот момент, когда реакция создавала кровавый мираж общенародного дела, всякая честная оппозиционная партия должна была отшатнуться от этого позорного дела, как от чумной заразы!

В тот момент, когда правительственный Красный Крест, приютивший в своих рядах всех где-либо проворовавшихся чиновников, чахнет от недостатка средств, когда правительство мечется в тисках финансовой нужды, является земство и, пользуясь своим оппозиционным авторитетом и народными деньгами, берет на себя добрую долю издержек по военной аванюре. Оно помогает раненым?—да, помогает раненым, но оно снимает, таким образом, часть финансового бремени с правительства и облегчает ему дальнейшее ведение войны и, значит, дальнейшую фабрикацию раненых.

Но этим соображением еще не охвачен вопрос. Ведь задача состоит в том, чтоб раз навсегда опрокинуть тот порядок, при котором бессмысленная резня и калечение десятков тысяч людей зависит от политического азарта чиновной банды. Война обострила эту задачу, представив царизм во всем безобразии его внутренней и внешней политики—бессмысленной, хищной, неуклюжей, расточительной и кровавой.

Реакция стремилась—и с очки зрения ее интересов вполне целесообразно—втянуть и материально и морально весь народ в водоворот военной авантюры. Там, где вчера еще были борющиеся группы и классы, реакция и либерализм, власть и народ, правительство и оппозиция, стачки

и репрессии, там должно было, по замыслу реакции, сразу установиться царство национально-патриотического единения.

Тем резче и энергичнее, тем смелее и беспощаднее должна была оппозиция вскрыть пропасть между царизмом и нацией, тем решительнее она должна была попытаться столкнуться в эту пропасть истинного национального врага, царизм. Вместо того либеральные земства с затаенной «оппозиционной» мыслью (захватить в свои руки часть военного хозяйства и поставить правительство в зависимость от себя!) впрягают себя в дребезжащую военную колесницу, подбирают трупы, затирают кровавые следы.

Пожертвованиями на санитарную организацию дело, однако, не ограничивается. Сейчас же по объявлении войны земства и думы, вечно жалующиеся на недостаток средств, вдруг с каким-то нелепым размахом жертвуют деньги на нужды войны, на усиление флота, а харьковское земство вырывает из своего бюджета целый миллион и отдает его в непосредственное распоряжение царя.

Но и это еще не все! Земцы и думцы не ограничились только тем, что приобщились к черной работе в позорной бойне, взяв на себя, т.-е. от своего имени взвалив на народ, часть ее расходов. Они не удовольствовались молчаливым политическим попустительством и молчаливой порукой за царизм,—нет, они во всеулышание объявили свою моральную солидарность с виновниками величайшего из злодеяний. В целом ряде верноподданнических адресов земства и думы друг за другом, все без изъятия, припадали к стопам «державного вождя», который только что растоптал тверское земство⁸⁾ и готовился растоптать несколько других, выражали свое негодование коварному врагу, молитвенно клялись в преданности престолу и обязывались пожертвовать жизнью и имуществом — о, они знали, что им не придется этого делать!—за честь и могущество царя и России. За земствами и думами шли позорной вереницей профессорские корпорации. Одна за другой они откликались на объявление войны верноподданническими адресами, в которых семинарская витиеватость формы гармонировала с политическим идиотизмом содержания. Ряд этих холопских произведений увенчался патриотическим подлогом совета Бестужевски.

курсов, который расписался в патриотизме не только за себя, но и за неопрошенных слушательниц.

Чтобы покончить с этой безобразной картиной трусости, холопства, лжи, мелкой дипломатии и цинизма, достаточно будет, в виде последнего удара кисти, привести тот факт, что в депутации, подносившей Николаю II в Зимнем дворце верноподданнический адрес петербургского земства, фигурировали некоторым образом «светочи» либерализма, гг. Стасюлевич⁹⁾ и Арсеньев¹⁰⁾.

Останавливаться ли на всех этих фактах? Комментировать ли их? Нет, такие факты достаточно назвать и установить, чтоб они уж горели краской пощечины на политической физиономии либеральной оппозиции.

А либеральная печать? Эта жалкая, шамкающая, пресмыкающаяся, лживая, извивающаяся, развращенная и развращающая либеральная печать!.. С затаенным рабым желанием царского разгрома в душе, с лозунгами национальной гордости на языке она бросилась—вся без изъятия—в грязный поток шовинизма, стараясь не отставать от печати реакционных громил. «Русское Слово» и «Русские Ведомости»¹¹⁾, «Одесские Новости» и «Русское Богатство»¹²⁾, «Петербургские Ведомости» и «Курьер», «Русь»¹³⁾ и «Киевский Отклик»,—все показали себя достойными друг друга. Либеральная-левая на перебой с либеральной-правой говорила о вероломстве «нашего врага», о его бессилии и нашей силе, о миролюбии «нашего Монарха», о неизбежности «нашей победы», о довершении «наших задач» на Дальнем Востоке,—не веря собственным словам, с затаенным рабым желанием царского разгрома в душе.

Уже в октябре месяце, когда тон прессы успел резко измениться, г. И. Петрункевич¹⁴⁾, краса и гордость земского либерализма, пугало реакционной прессы, заверял читателей «Права»¹⁵⁾, что «каково бы ни было мнение о настоящей войне, но каждый русский знает, что раз она начата, она не может быть закончена в ущерб государственным и народным интересам нашей страны... Мы не можем теперь предложить Японии мира и вынуждены продолжать войну до тех пор, пока Япония не согласится положить в основу его условия, приемлемые нами и с точки зрения нашего на-

ционального достоинства, и с точки зрения материальных интересов России*)).

«Лучшие» и «достоинейшие»,—все одинаково запытали себя.

«... Всколыхнувшаяся на первых порах волна шовинизма,—объясняют теперь этот факт «Наши Дни»¹⁷⁾),—не только не встретила на пути своем каких-либо препятствий, но увлекла даже многих передовых деятелей, рассчитывавших, повидимому, что течением своим волна эта приблизит их к желанному берегу».

Это не оплошность, не случайная ошибка, не недоразумение. Тут тактика, тут план, тут вся душа нашей привилегированной оппозиции. Компромисс вместо борьбы. Сближение во что бы то ни стало. Отсюда—стремление облегчить абсолютизму душевную драму этого сближения. Организоваться не на деле борьбы с царизмом, а на деле услужения ему. Не победить правительство, а завлечь его. Заслужить его признательность и доверие, стать для него необходимым, наконец, подкупить его на народные деньги. Тактика, которой столько же лет, сколько русскому либерализму, и которая не сделалась ни умнее, ни достойнее с годами!

Русский народ не забудет, что в трудную минуту либералы сделали лишь одно: попытку купить для себя у народного врага доверие на народные деньги.

С самого начала войны либеральная оппозиция сделала все, чтобы погубить положение. Но революционная логика событий не знала остановки. Порт-артурский флот разбит¹⁸⁾, адмирал Макаров¹⁹⁾ погиб, война перебросилась на сушу,—Ялу, Кин-Чжоу, Дашичао, Вафангоу, Ляоян, Шахэ²⁰⁾),—все это разные имена одного и того же самодержавного позора. Японская армия разбивала русский абсолютизм не только на водах и полях Восточной Азии, но и на европейской бирже и в Петербурге.

Положение царского правительства становилось трудным, как никогда. Деморализация в правительственных рядах делала невозможной последовательность и твердость во внутренней политике. Колебания, попытки соглашения и

*) См. „Право“, № 41 ¹⁶⁾.

умиротворения становились неизбежны. Смерть Плеве²¹⁾ создавала благоприятный повод для перемены курса.

Место Плеве занял князь Святополк-Мирский²²⁾. Он поставил своей задачей примирение с либеральной оппозицией и начал умиротворение с того, что выразил доверие населению России. Это было глупо и нагло. Разве дело в том, чтоб министр доверял населению? Не наоборот ли? Не министр ли должен зависеть от доверия населения?

Оппозиция должна была заставить князя Святополка понять это простое обстоятельство. Вместо этого она начала фабриковать адреса, телеграммы и статьи признательности и восторга. От имени полутораста-миллионного населения она благодарила самодержавие, которое заявило, что оно «доверяет» не доверяющему ему народу.

По либеральной прессе пробегает волна надежды, ожидания и благодарности. «Русские Ведомости» и «Русь» совместными усилиями стремятся отбить князя²³⁾ у «Гражданина»²⁴⁾ и «Московских Ведомостей»²⁵⁾, уездные земства благодарят и надеются, города надеются и благодарят, а в настоящее время, уже после того, как политика доверия завершила весь круг своего развития, губернские земства одно за другим шлют министру запоздалые голоса своего ответного доверия... Таким путем оппозиция поддерживает внутреннюю сумятицу и превращает глупый политический анекдот в длительное политическое состояние мятущейся страны.

И еще раз приходится сделать вывод. Оппозиция, которая не нашлась в столь благоприятном положении, когда в ней нуждались и пред ней заискивали, оппозиция, которая на один лишь звук правительственного доверия ответила доверием с своей стороны, лишила себя самое права на какое бы то ни было доверие со стороны народа.

Вместе с тем она лишила себя права на уважение со стороны врага. Правительство, в лице Святополка, обещало земцам дать возможность съехаться легально,—и не дало. Земцы не протестовали и съехались нелегально. Они приняли все меры, чтоб сделать свой съезд тайным для народа. Другими словами, они сделали все, чтоб лишить свой съезд политического значения.

На своем совещании 7—9 ноября²⁶⁾ земцы—председатели губернских управ и вообще видные деятели самоуправления—формулировали свои требования. Земская оппозиция, в лице своих наиболее видных, хотя формально и не уполномоченных представителей, впервые предъявила народу свою программу.

У сознательных элементов народа есть все основания отнестись к этой программе с полным вниманием. Чего требуют земцы? Чего—для себя? Чего—для народа?

Чего требуют земцы?

Избирательное право.

Земцы хотят конституции. Они требуют, чтоб в законодательстве участвовал народ через своих представителей. Хотят ли они демократической конституции? Требуют ли они, чтобы весь народ на равных правах участвовал в законодательстве? Другими словами: стоят ли земцы за всеобщее, равное и прямое избирательное право с тайной подачей голосов, обеспечивающей независимость голосования?

Всеобщее избирательное право не исчерпывает демократической программы, и признание его еще не делает демократом—как потому, что, при известных условиях, за это требование может ухватиться и реакционная демагогия, так и потому, что для революционной демократии всеобщее избирательное право является не одним из требований, но составной частью целостной программы. Зато обратное утверждение: без всеобщего избирательного права нет демократии—безусловно верно.

Посмотрим же, как земский съезд отнесся к этому кардинальному демократическому требованию. Перечитываем пункт за пунктом все резолюции съезда—и нигде не находим упоминания о всеобщем избирательном праве. Это решает для нас вопрос. Мы заключаем: программа земцев не говорит о всеобщем избирательном праве, значит, земская оппозиция не хочет всеобщего избирательного права.

Политическое недоверие есть наше право, а вся прошлая история либеральной оппозиции превращает это право в нашу обязанность!

Земские либералы заинтересованы в своем влиянии, в своей политической репутации. Они заинтересованы в том, чтобы обезопасить себя от критики и разоблачений социал-демократии. Они знают, что социал-демократия выдвинула требование всеобщего избирательного права, и что она зорко и недоверчиво следит за тем, как относятся к этому требованию все другие оппозиционные партии.

Вот почему земские либералы, если бы они стояли за всеобщее избирательное право, должны были бы в собственных политических интересах жирным шрифтом напечатать его в своей программе. Они этого не сделали. Значит, они не хотят всеобщего избирательного права.

Один из участников съезда, черниговский «радикал» г. Хижняков²¹⁾, гласный черниговского земства, доказывал на собрании киевского литературно-артистического общества²²⁾, что резолюция земского съезда не противоречит требованию всеобщего избирательного права. Г. Хижняков рассуждал схоластически. Он забывал или не знал, что кроме формальной логики есть еще логика политическая, для которой умолчание иногда равносильно отрицанию. И это лучше всего подтвердил вскоре сам г. Хижняков, когда подписал резолюцию черниговского земства, требующую созыва не представителей народа, а представителей земств и дум. Дальше этого не шел в своих стремлениях и съезд. Неопределенностью формулировки он лишь прикрывал умеренность и уозсть своих требований.

Впрочем, в резолюциях съезда есть пункт, который дает повод утверждать, что земцы не только не отвергли всеобщего избирательного права, но и положительно высказались за него. 7 пункт говорит: «Личные гражданские и политические права всех граждан России должны быть равны».

Политические права—ведь это права на участие в политической жизни страны, т.-е., прежде всего, избирательные права. Земский съезд решил, что эти права должны быть равны. Не прав ли в таком случае другой «радикал», Водозовов²³⁾, который на упомянутом уже собрании литературно-артистического общества следующим образом возразил социал-демократу, обвинявшему земцев за их умолчание о всеобщем голосовании: «Я безусловно протестую против речи

недовольного оратора. Пункт седьмой говорит о равенстве личных общественных и политических прав. Если бы вы были более знакомы с государственной наукой,—говорил г. Водовозов,—вы увидели бы, что формула эта разумеет всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право!»

Г. Водовозов, бесспорно, очень близко знаком с государственной наукой. Но он делает из своих знаний крайне дурное употребление: он вводит своих слушателей в обман.

Бесспорно, равенство политических прав, если брать его всерьез, означает, что избирательные права граждан должны быть равны. Но столь же бесспорно, что пункт 7 ограничивает это равенство только гражданами, не распространяя его на гражданок. Или же г. Водовозов скажет, что земцы имеют в виду и женщин? Нет, он этого не скажет. Таким образом, пункт 7 не означает всеобщего избирательного права.

Но он не означает также прямого избирательного права. Избирательные права граждан могут быть равны, но конституция может предоставить им выбирать выборщиков второй степени, с тем, чтобы те выбирали, в свою очередь, выборщиков третьей степени, а уж эти последние—«народных представителей». Эта система убийственна для народа, потому что господствующим классам легче повлиять на небольшой круг отчужденных выборщиков, чем на народные массы *).

Далее, равенство избирательных прав само по себе равно ничего не говорит о тайном голосовании. А между тем эта техническая сторона дела имеет громадное значение для всех зависимых, подначальных, экономически угнетенных слоев народа. И особенно в России, с ее вековыми навыками произвола и рабства. При наших варварских традициях система открытого голосования может надолго свести к нулю значение всеобщего избирательного права!

Мы сказали, что из пункта 7 логически вытекает лишь равное избирательное право для мужчин. Но земцы поторопились показать, что, наперекор указаниям государственной науки г. Водовозова, они не связывают себя даже и

*) Недаром говорят, что г. Витте ²⁹⁾, ожидающий своей «очереди», подготавливает проект конституции с двухстепенными выборами.

этим обязательством. Равенство политических прав относится, конечно, не только к будущему парламенту, но и к земствам и думам. А между тем пункт 9 требует лишь, «чтобы земское представительство было организовано не на сословных началах и чтобы к участию в земском и городском самоуправлении были привлечены по возможности (sic!) все наличные силы местного населения». Таким образом равенство политических прав будет применяться только «по возможности». Определенно земцы высказываются лишь против сословного ценза, но они допускают полную «возможность» ценза имущественного. И уж во всяком случае нет никакого сомнения в том, что за чертой политического равноправия окажутся все, кто не отвечает тому или иному цензу оседлости, а этот ценз по своему характеру своему направлен против пролетариата.

Итак, вопреки заверениям «демократов» из оппортунизма и «демократов» из политического лицемерия, пункт 7 не означает на деле ни всеобщего, ни прямого, ни равного, ни тайного права голоса. Другими словами, он ничего не означает. Это политический фальшфейер, который должен обмануть простаков и послужить орудием обмана в руках оппортунистических развратителей политического сознания.

Но если бы даже равенство политических прав было так богато значением, как хочет думать государственная наука г. Водовозова, оставалось бы еще спросить: вкладывали ли сами земцы в эти слова то содержание, которое вкладывает «наука»? Конечно, нет. Если бы у них действительно была демократическая мысль, они бы сумели ее выразить в ясной политической форме. Недаром же, надеемся, один из секретарей земского съезда, тамбовский радикал Брюхатов, комментирует в демократической «Нашей Жизни» ²¹⁾ пункт 7 в том смысле, что «народ получит всю полноту прав гражданских и необходимых (sic!) политических» ^{*)}. Кто компетентен делить политические права на необходимые и не необходимые, об этом радикальный земец и демократическая газета хранят сосредоточенное молчание...

^{*)} «Наша Жизнь», № 2.

Тот, кто действительно выдвигает демократические требования, всегда рассчитывает на массу и к ней апеллирует.

А масса не знает дедукций и софизмов государственного права. Она требует, чтобы с ней говорили ясно, чтобы вещи называли своими именами, чтобы ее интересы ограждались точно формулированными гарантиями, а не оставлялись на усмотрение услужливых истолкователей.

И мы считаем своей политической обязанностью развивать в массе недоверие к тому, ставшему второй природой нашего либерализма эзоповскому языку, за которым укрывается не только политическая «неблагоденность», но и политическая недобросовестность!..

2. Самодержавие царя или самодержавие народа?

Каков же будет тот государственный строй, участие в котором народа либеральная оппозиция считает нужным лишь «по возможности»? Земские резолюции не только не говорят о республике—одно лишь сопоставление земской оппозиции с требованием республики дико звучит для уха!—они не только не говорят об уничтожении или ограничении самодержавия, они не произносят в своем манифесте даже слова «конституция».

Правда, они говорят о «правильном участии народного представительства в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью действий администрации»,—следовательно, они имеют в виду конституцию. Они только избегают ее имени. Стоит ли в таком случае над этим останавливаться?

Мы думаем, что стоит. Европейская либеральная пресса, которая одинаково ненавидит русскую революцию и симпатизирует русскому земскому либерализму, с восторгом останавливается пред этим полным такта умолчанием земской декларации: либералы сумели выразить, чего они хотят, избегнув в то же время слов, которые могли бы создать для Святополка невозможность принятия земских решений.

В этом—совершенно верное объяснение, почему земская

программа молчит не только о республике, которой земцы не хотят, но и о «конституции», которой они хотят. Формулируя свои требования, земцы имели в виду исключительно правительство, с которым они должны вступить в соглашение, а не народную массу, к которой они могли бы апеллировать.

Они выработывали пункты торгово-политического компромисса, а не директивы политической агитации.

Они ни на минуту не сходили со своей контр-революционной позиции,—и это ясно выступает не только из того, что они говорят, но и из того, о чем они умалчивают.

В то время, как реакционная печать твердит изо дня в день о преданности народа самодержавию и—в лице «Московских Ведомостей»—неустанно повторяет, что «истинно» русский народ не только не требует конституции, но даже и не знает этого заморского слова, земские либералы не осмеливаются произнести это слово, чтоб довести его до сведения народа. За этим страхом перед словом скрывается страх перед делом: борьбой, массой, революцией.

Повторяем. Кто хочет, чтоб его поняла масса, чтоб она была с ним, тот должен прежде всего свои требования выражать ясно и точно, всему давать надлежащее имя, конституцию называть конституцией, республику—республикой, всеобщее избирательное право—всеобщим избирательным правом.

Русский либерализм вообще и земский в частности никогда не порывал и теперь не порывает с монархией.

Наоборот, он стремится доказать, что именно в нем, либерализме, единственное спасение монархии.

«Жизненные интересы престола и народа,—пишет в «Праве» кн. С. Трубецкой³²⁾,—требуют, чтобы бюрократическая организация не узурпировала полновластия, чтобы она перестала быть фактически бесконтрольной и безответственной... А это, в свою очередь, возможно лишь при помощи организации, стоящей вне бюрократии, при помощи действительного приближения народа к престолу—живому средоточию власти...»³³⁾ *).

*) «Право», № 44.

Земский съезд не только не отрекся от монархического принципа, но положил в основу всех своих резолюций формулированную кн. Трубецким «идею» престола, как «живого средоточия власти».

Народное представительство выдвигается съездом не как единственное средство взять народу свои дела в свои собственные руки, но как средство объединить верховную власть с населением, в настоящее время разобщенные друг от друга бюрократическим строем (пп. 3, 4 и 10). Не самодержавие народа противопоставляется самодержавию царя, а народное представительство—царской бюрократии. «Живым средоточием власти» является не народ, а престол.

3. За кем учредительная власть?

Эта жалкая точка зрения, стремящаяся примирить царское самодержавие с народным верховенством, выразилась в совершенно предательском ответе на вопрос: кто и как осуществит то государственное преобразование, которое с такой злобещей для народа неопределенностью охарактеризовано в резолюциях земского съезда?

В последнем 11 пункте своих решений совещание (так называет себя земский съезд) выражает «надежду, что верховная власть призвет свободно избранных представителей народа, дабы при содействии их вывести наше отечество на новый путь государственного развития в духе установления начал права и взаимодействия государственной власти и народа». На такой путь оппозиция хочет поставить дело государственного обновления России. Верховная власть должна призвать себе в помощь представителей народа. Резолюция и здесь, в этом решающем пункте, не говорит, какого народа. А между тем мы еще не забыли, что в «Программе русских конституционалистов»²⁴⁾, которую «Освобождение»²⁵⁾ объявило своей программой*), в роли таких представителей народа фигурируют депутаты от земств и дум, «по существу своему представляющих нижний этаж будущего конституционного здания...» «По необходимости,—говорит «Программа»,—приходится следовать историческим прецедентам и отдать эту подготовительную работу в руки

*) «Освобождение», № 1.

представителей существующих учреждений, общественного самоуправления... Такой путь вернее и лучше, чем тот «скачок в неизвестное», который представляла бы всякая попытка выборов *ad hoc*, для данного случая, под неизбежным в таких случаях правительственным давлением и при трудно определимом настроении непривычных к политической жизни общественных слоев» («Освобождение», № 1).

Но допустим далее, что представители этого квалифицированного «народа» собрались,—и начинается конституционное учредительство. Кому принадлежит решающий голос в этой работе: престолу, «живому средоточию власти», или народным представителям? Этот вопрос решает все.

Резолюция совещания говорит, что выводить наше общество на новый путь будет верховная власть при содействии призванных ею представителей народа. Таким образом, учредительную власть земское совещание вручает не кому иному, как короне. Самая идея Всенародного Учредительного Собрания, как верховной инстанции, здесь совершенно устранена. В установлении «начал права» корона пользуется «содействием» народных представителей,—если же она вступает с ними в конфликт, она обходится без их содействия, она их отсылает через те же ворота, через которые она их призвала.

Именно такую, а не иную организацию учредительной власти, именно этот, а не какой-либо другой путь учредительных работ указывает резолюция земского совещания. На этот счет не нужно себе создавать какие бы то ни было иллюзии. А ведь такое решение вопроса заранее ставит всю судьбу русской конституции в зависимость от усмотрения короны!

В период учредительных работ, как и во всякий другой период, может быть только одна «Верховная Власть»,—она может принадлежать либо короне, либо Собранию. Либо корона, работающая при содействии Собрания, либо Собрание, работающее при противодействии короны. Либо суверенитет народа, либо суверенитет монарха.

Можно, разумеется, попытаться истолковать одиннадцатый пункт резолюции земского совещания в том смысле, что корона и собрание представителей, как две независимые друг

от друга и потому равноправные силы, вступают в конституционное соглашение. Это будет наиболее благоприятное для земских резолюций допущение. Но что тогда окажется? Корона и собрание независимы друг от друга. Каждая из сторон в праве ответить «да» или «нет» на предложения другой стороны. Но это значит, что две вступающие в переговоры стороны могут не притти ни к какому соглашению.

Кому же будет принадлежать в таком случае решающий голос? Где взять третейского судью? А решающий голос необходим, ибо законодательная жизнь страны не может раз навсегда остановиться. Предположение двух равноправных сторон привело нас к абсурду: нам понадобился на случай конфликта между короной и народом,—а такой конфликт неизбежен,—третейский судья. Но жизнь никогда не останавливается в затруднении пред юридическим тупиком. Она всегда находит выход.

Таким выходом и явится в конце-концов революционное провозглашение народного верховенства. Только народ может явиться третейским судьей в своей собственной тяжбе с короной. Только Всенародное Учредительное Собрание, не только независимое от короны, но и обладающее всей полнотой власти, держащее в своих руках ключи и отмычки всех прав и привилегий, имеющее право безапелляционного решения по всем вопросам, не исключая из их круга и судеб русской монархии,—только такое суверенное Учредительное Собрание сможет беспрепятственно творить новое демократическое право.

Вот почему честная и последовательная демократия должна неустанно и непримиримо апеллировать—не только через преступную голову монархии, но и через ограниченные головы призванных ею «для содействия» представителей квалифицированного народа,—должна неустанно и непримиримо апеллировать к самодержавной воле народа, выраженной в Учредительном Собрании путем всенародного, равного для всех, прямого и тайного голосования.

Нужно ли напоминать, что земская программа ни единым словом не касается аграрного и рабочего вопросов? Она это делает так просто, как-будто в России этих вопросов совершенно не существует...

Резолюции земского совещания 7, 8 и 9 ноября — высшее, что дал земский либерализм. В последовавших затем губернских земских собраниях он делает несколько шагов назад от ноябрьских решений.

Только вятское губернское земство подписывает программу земского совещания целиком.

Ярославское губернское земство «твердо верит», что Николаю «угодно будет призвать выборных представителей к общей работе» — в целях «сближения царя с его народом» — на началах «большей (!) равноправности и личной неприкосновенности». «Большая» (чем ныне) равноправность царского народа вовсе не исключает, разумеется, ни политического, ни даже гражданского неравноправия.

Полтавское земство повторяет в своем адресе десятый пункт резолюции, трактующий о «правильном участии народных представителей в осуществлении законодательной власти», но ни словом не упоминает о «политическом равноправии» и вообще ничего не говорит о формах «народного представительства».

Черниговское земство «всеподданнейше просит Его Величество услышать искреннее и правдивое слово Русской земли, для чего призвать свободно избранных представителей земства и повелеть им (!) независимо и самостоятельно начертать проект реформ... и проект этот дозволить (!) непосредственно представить Его Величеству». Здесь «представители земства» ясно и открыто названы, как представители «Русской земли». Черниговское земство просит о том, чтоб этим представителям был дан только совещательный голос, только право начертать и представить проект реформ. И еще черниговское земство «всеподданнейше просит» чтобы представителям Русской земли повелено было быть независимыми и самостоятельными!

Бессарабское земство просит министра внутренних дел о созыве «представителей губернских земств и важнейших городов империи для совместного обсуждения» предполагаемых реформ.

Казанское губернское земство «глубоко верует, что при изыскании способов проведения в жизнь Самодержавной

Воли не будут лишены голоса свободно выбранные для этой цели представители земства».

Певзенское земство повергает «верноподданническую беспредельную благодарность» за реформы, предначертанные в царском указе, и, с своей стороны, обещает «ревностное служение... в обширной сфере местного благоустройства».

Петербургское земство, по инициативе г. Арсеньева, подпавшего, в числе прочих, резолюции земского совещания, предполагает возбудить ходатайство о том, чтобы «представители земских и городских учреждений были допущены к участию в возбуждении правительственных мероприятий и законопроектов».

Костромское земство ходатайствует о том, чтобы проекты, касающиеся земской жизни, подвергались предварительно обсуждению земцев.

Другие земства ограничились верноподданническим благодарственным восторгом по поводу царского указа или просьбой по адресу князя Святополка—«сохранить в душе драгоценный обет доверия».

На этом пока закончилась оппозиционная земская кампания.

„Демократия“.

Мы коснулись поведения реакции и остановились внимательнее на поведении буржуазно-дворянской оппозиции. Теперь нужно спросить: где была демократия?

Мы имеем в виду не народные массы, не крестьянство и мещанство, которые—особенно первое—представляют громадный резервуар потенциальной революционной энергии, но пока еще слишком мало принимают сознательное участие в политической жизни страны,—мы говорим о тех широких кругах интеллигенции, которая видит свое призвание в формулировании и представительстве политических запросов страны. Мы имеем в виду представителей либеральных профессий: врачей, адвокатов, профессоров, журналистов, третий элемент земств и дум, статистиков, земских врачей, агрономов, учителей и пр., и пр.

Что делала интеллигентная демократия?

Если оставить в стороне революционное студенчество, которое честно протестовало против войны и, вопреки постыдному совету г. Струве, кричало не «да здравствует армия!», а «да здравствует революция!», остальная демократия изнывала от сознания собственного бессилия.

Она видела перед собой альтернативу: либо сближение с земцами, в политическую силу которых она верит, ценою полного отказа от демократических требований,—либо приближение к демократической программе ценою разрыва с наиболее влиятельной земской оппозицией. Либо демократизм без влияния, либо влияние без демократизма. В своей политической ограниченности она не видела третьего пути: соединения с революционной массой. Этот путь дает силу и в то же время не только позволяет, но обязывает развить демократическую программу.

Война застала демократию в состоянии полного бессилия. Она не осмелилась выступить против «патриотической» вакханалии. Устами г. Струве она кричала: «Да здравствует армия!» и выражала убеждение, что «армия исполнит свой долг». Она благословляла земцев на поддержку самодержавной авантюры. Она свела свою оппозицию к возгласу: «Долой фон-Плеве!» Она затаила про себя свой демократизм, свое политическое достоинство, свою честь и свою совесть. Она шла в хвосте либералов, которые плелись за реакцией.

Война продолжалась. Самодержавие терпело удар за ударом. Над страной черной тучей висел ужас. В низах накапливались элементы стихийного взрыва. Земства не делали ни шагу вперед. И демократия как бы начала приходить к самосознанию. В «Освобождении» раздаются настойчивые голоса о необходимости самостоятельной организации на почве «демократической платформы». Раздаются отдельные голоса против войны. Этот естественный процесс был прерван убийством Плеве, переменой правительственного курса, вызвавшей необычайно быстрое, лихорадочно-биржевое повышение политических акций земской оппозиции. Счастье стало казаться так возможно, так близко...

Земцы выдвинули рассмотренную выше программу,—и демократия с единым духом и восторгом подняла их на щит.

Она нашла в их резолюциях выражение своих демокра-

тических требований и объявила их решения своими решениями.

«Освобождение» заявляет, что «хотя земский съезд состоял исключительно из землевладельцев, притом главным образом привилегированного дворянского сословия, однако же постановления его не только не носят какого-либо классового или сословного отпечатка^{*)}, но, наоборот, проникнуты чисто демократическим духом» (№ 61, стр. 187)³⁶⁾.

Столь же торжественно возвестило о демократическом духе земств левое крыло всей нашей либеральной печати.

«Наша Жизнь» на основании ноябрьских резолюций возвещает полное слияние земско-либерального и демократического течений.

«...Давняя и ужасная язва русской жизни,—говорит эта газета,—духовное и культурное разъединение народа и интеллигенции... может быть выжжена только героическим средством демократического государственного строительства»... Земцы поняли это и решительно стали «на общую платформу с демократической интеллигенцией. Это—историческое событие. Им положено начало общественно-политическому сотрудничеству, могущее иметь огромное значение в судьбах нашей страны».

Возникший при министре доверия и им же зарезанный «Сын Отечества»³⁷⁾, который начал свою недолгую жизнь с заявления, что «знаменательной особенностью переживаемого нами исторического момента является радикализм существующих в стране политических направлений», целиком принимает программу земского съезда. Газета рекомендует представителям городов «выступить на тот же славный и верный путь, на который с таким успехом раньше их выступили уже земские люди, и слово в слово, пункт за пунктом повторить все то, что так ясно, внятно и вразумительно, что с таким достоинством и силой уже сказано и говорится представителями земской России».

Словом, демократия зовет всех и вся сомкнуться вокруг

³⁶⁾ Очевидно, для того, чтобы особенно ясно показать отсутствие «классового или сословного отпечатка», земцы, как мы отметили выше, ни единым словом не упоминают об аграрном и рабочем вопросах.—Какая «простота» со стороны земцев и какой цинизм со стороны «Освобождения»!

земского знамени. Она не видит на этом знамени ни одного пятна и ни одной прорехи. И мы спрашиваем: может ли народ доверять такой демократии?

На том только основании, что в минуту подъема, когда снизу давили, а сверху слегка «позволили», земцы неотчетливо написали на листе бумаги свою неотчетливую конституционную программу, на этом только одном основании мы должны вотировать им доверие, смотреть на их недомолвки, как на случайности, истолковывать их обиняки в демократическом духе, кричать, что «сегодня уже нет споров и разномыслий, которые были еще вчера»*)? Неужели же это тактика демократии?

Милостивые государи! Это тактика предателей дела демократии.

После 7 ноября 1904 года²⁸⁾ много еще будет впереди решающих моментов в освободительной борьбе,—и не всегда задача земской оппозиции будет состоять в одном лишь начертании конституционных резолюций под неофициальной охраной Святополжа-Мирского.

Можем ли мы питать какую-либо уверенность, что земства окажутся в такие минуты на высоте? Если наша история чему-либо учит нас, если мы не верим в чудесные превращения, мы ответим: во-истину, нет! Политика доверия к демократизму и оппозиционной твердости земств—не наша политика. Нам нужно теперь же, немедленно, собирать силы, которые мы могли бы вывести на поле действий и противопоставить всероссийскому земству в тот решительный момент, когда оно начнет выменивать свою легковесную оппозиционность на тяжеловесное золото политических привилегий.

А мы, вместо того, чтобы собирать силы вокруг непримиримых лозунгов демократии, станем сеять доверие к демократизму либеральных верхов, станем направо и налево клясться, будто земцы обязались бороться за всеобщее избирательное право, станем внушать мысль, будто «вчера еще были разногласия, а сегодня их нет»!

Как—нет?

*) «Сын Отечества», № 1, статья Н. Карышева.

Значит, земцы, руководимые г. Шиповым³⁹), или земцы, руководимые г. И. Петрункевичем, признали, что радикально ликвидировать самодержавное хозяйство и вбить в русскую землю сваи демократического строя может лишь народ? Значит, земцы отказались от надежды на примирительные шаги монархии. Значит, земцы прекратили свое позорное сотрудничество с абсолютизмом на попрание военной авантюры? Значит, земцы признали, что единственный путь свободы есть путь революции?

Сознательные элементы народа не только не могут питать политического доверия к антиреволюционной цензовой оппозиции, но они ни на минуту не поддадутся иллюзиям насчет «демократизма» той растерянной и неустойчивой демократии, которая знает один лозунг,—лозунг слияния с антиреволюционной и антидемократической земской оппозицией.

Классическим образчиком демократической растерянности, неустойчивости и неуверенности является резолюция, выработанная собранием киевской интеллигенции для сведения земского съезда.

«...Собрание остановилось на вопросе: что должен высказать съезд представителей земских управ относительно необходимых реформ? Собрание нашло, что съезд этот, представляя собой лиц, собравшихся по собственной инициативе, не имеет права смотреть на себя, как на выразителя народных желаний. Поэтому съезд прежде всего обязан заявить правительству, что он считает себя некомпетентным представить готовый проект реформ, а рекомендует созвать собрание народных представителей, избранных при помощи всеобщего (равного?), прямого, тайного голосования. Такого рода учредительное собрание и должно будет, обсудив временное положение, предложить свой проект реформ».

Энергично, решительно, ясно,—не правда ли? Но последуем далее.

«Если правительство от созыва подобного собрания откажется, то съезд должен предъявить известный минимум всеми признанных политических требований... Одни полагали, что минимум должен состоять в требовании: свободы личности, совести, печати и слова, свободы собраний и общественных союзов и созыва законодательного собрания, состоящего из

выборных представителей земств и городов... Другая часть собрания находила такого рода законодательное собрание не отвечающим принципу всеобщего избирательного права и высказала опасения, что конституция, построенная на таких началах, надолго отсрочит возможность введения всеобщего избирательного права. Эта часть собрания находила более целесообразным для съезда представителей ограничиться требованием свободы личности, совести, печати и слова, свободы собраний и общественных союзов... Затем все собрание признало необходимым восстановление Земского Положения 1864 г.»⁴⁰ *)...

Таков голос демократии.

Нужно требовать Всенародного Учредительного Собрания. Если же правительство не согласится, то можно ограничиться дворянско-купеческим собором.

Запросить всеобщее избирательное право, а сойтись на высоком сословно-имущественном цензе! Резолюция киевской интеллигенции говорит в сущности следующее: если самодержавие хочет избавиться от требования Всенародного Учредительного Собрания, то ему следует только заявить нам в ответ: на это требование я не соглашаюсь,—и мы, с своей стороны, примиримся (о, разумеется, временно!) на представительстве земств и дум!

Киевское собрание свою резолюцию напечатало. Оно не делало, значит, из нее тайны для кн. Святополка-Мирского. Не думает ли в таком случае киевская интеллигенция, что она дает правительству очень авторитетное указание, как без лишних хлопот и осложнений сдать в архив требования демократии: нужно только отказаться от их принятия. Можно ли хоть на минуту сомневаться, что правительство примет это указание к немедленному руководству? Для того, чтоб не вступить на рекомендуемый ему легкий путь, самодержавие должно было бы само ценить всеобщее избирательное право. Другими словами: оно должно было бы быть демократичнее авторов резолюции. Конечно, это невероятно.

Что же представляет собою в таком случае вся первая

*) Напомним, что это положение лишает избирательных прав всех тех, у кого меньше 150 десятин земли или 15.000 рублей валового дохода!

часть заявления, так категорически и ясно отказывающая земцам в праве говорить от имени народа, так решительно выдвигающая требования всеобщего избирательного права? Не что иное, как пустую демократическую фразеологию, с помощью которой киевская интеллигенция примирялась со своим фактическим отказом от демократических требований. Но, предав у самого порога политические права народных масс, киевская «демократия» решительно ничего ценой этого предательства не приобретает: у нее попрежнему нет ответа на вопрос—как быть, если самодержавие, соблазнившись легкой победой над демократическими требованиями, откажется далее от принятия минимальных конституционных требований, ниже которых авторы резолюции не хотят спускаться?

Эта резолюция, вынесенная в Киеве, в центре левых «освобожденцев»,—не исключение. Другие резолюции, вынесенные демократическими банкетами, отличаются от киевской только тем, что не задаются вопросом: что делать, если самодержавие не одобрит демократической программы?—так же точно, как земские либералы нигде до сих пор не отвечали на вопрос: что делать, если самодержавие не примет их цензурной программы?

Демократия и революция.

Действительная демократия в обстановке абсолютизма может быть только революционной демократией. Партия, которая принципиально стоит за мирные средства, деятельность которой рассчитана на соглашение, а не на революцию, при политических условиях России не может быть демократической партией. Это непререкаемо ясно. Абсолютизм может пойти на соглашение, может сделать те или иные уступки, но целью этих уступок всегда будет не самоупражнение, а самосохранение. Этим предрешается политический объем уступок и демократическая ценность реформ.

Правительство может призвать представителей народа или его более сговорчивой части с тем расчетом, чтобы превратить их в новую опору царского трона. Демократия, если она только не жлет своим именем, требует неограниченного народоправства. Она противопоставляет суверенную волю народа суверенной воле монарха. Она противопоставляет кол-

лестивное «я» народа индивидуальному «я, божьей милостью».

Но противопоставляя волю народа воле монарха, демократия, если она верит в свою программу, должна понять, что ее задача—противопоставить силу народа силе монарха. А такое противопоставление и есть революция. Имея перед собою борющийся за свое существование абсолютизм, демократия, если она верит в свою программу, может быть только революционной демократией. Кто ясно понимает эту простую и непререкаемую мысль, тот без труда сорвет, с кого следует, фальшивые эпoletы демократизма, которыми—чем дальше, тем больше—украшают себя многие развращенные до мозга костей либеральные оппортунисты.

Всякая сделка между абсолютизмом и оппозицией может совершиться только за счет демократии. Иначе сделка не будет иметь смысла для абсолютизма. С решительной, верной себе демократией ему остается только бороться до конца. Но если так, то и демократии не остается ничего иного.

Это значит, что демократия, поворачивающаяся к революции спиной, или поддерживающая иллюзии мирного обновления России, ослабляет свои собственные силы, подкапывается под свое собственное будущее. Такая демократия есть внутреннее противоречие. Антиреволюционная демократия не есть демократия.

«Освобождение», которое стоит в эти дни под знаком демократизма, уверяет, что «благодаря решительности и мужеству земцев, путь мирного конституционного преобразования еще не закрыт для правительства. Стать твердо и решительно на этот путь будет актом элементарной государственной мудрости»⁴¹) (№ 60, стр. 183).

Редактор-издатель газеты «Сын Отечества» патетически восклицает: «Как сын своего века, я не разделяю суеверий прежних веков и глубоко верю в то, что новый храм богу свободы, истины и права будет заложен у нас без искупительных жертв...

«Я глубоко верю, что... не сегодня—завтра мы услышим мирный удар молота по первому камню, и сотни трудолюбивых каменщиков, созданных в Петроград, соберутся сюда для постройки новых храмин». Так мыслят многие наивные «сыны отечества», искренно мнящие себя демократами. Рево-

люция для них—«суеверие прежних веков». В белых фартуках и в благочестивом настроении приступают они к созданию храма так называемому богу свободы, истины и права. Они «верят». Они верят в возможность обойтись без искупительных жертв и сохранить незапятнанными свои белые фартуки. Они верят «в возможность мирного перехода к плодотворной работе потому, что и в высшие сферы должно, наконец, проникнуть сознание неизбежности коренных перемен» («Сын Отечества», № 9). Они «верят», эти мягкотелые «демократы» Петрограда, и они патетически излагают свою веру, доколе просветленный их пропагандой представитель «высших сфер» не прекратит их идеалистического жужжания. Но и после того они свято сохранят свое единственное политическое достояние—веру в просветление начальства... «Путь мирного конституционного преобразования,—уверяет «Освобождение»,—еще не закрыт для правительства. Стать твердо и решительно на этот путь будет актом элементарной государственной мудрости».

Г. Струве доказывает абсолютизму, что для него, для абсолютизма, конституционная реформа является делом политической выгоды. Какое заключение следует сделать из этих слов? Одно из двух.

«Либо мирное конституционное преобразование», о котором говорит г. Струве, заставит абсолютизм поступиться лишь частью своих прерогатив и упрочить свои позиции, превратив либеральные верхи в опору полуконституционного трона. Политически выгодным для правительства и было бы лишь такое мирное преобразование, которое прикрыло бы обнаженный абсолютизм, страдающий от собственной обнаженности, декорациями «правового порядка», превратило бы его в Scheinkonstitutionalismus, в призрачный конституционализм, более опасный для демократического развития, чем сам абсолютизм. Такая сделка—почву для которой создает бесхарактерное поведение земств—была бы действительно в интересах абсолютизма. Но такого рода «мирное преобразование» совершилось бы исключительно путем предательства политических интересов народа и, значит, дела демократии. Этого ли исхода ищет «демократ» Струве? Не этого?

Но в таком случае, говоря об «акте элементарной госу-

дарственной мудрости», г. Струве просто-напросто надеется вовлечь абсолютизм в невыгодную сделку. Он пытается «заговорить» врага. Убедить самодержавие, что его ждет обновление и возрождение после демократической купели. Уверить правительство, что нет ничего выгоднее, как покончить с собой во славу демократии. Убедить волка, что с его стороны актом элементарной зоологической мудрости будет дарование Habeas corpus act'a жалобно мычащим демократическим телятам. Какая глупокая политика! Какой гениальный стратегический план!

Либо предать дело демократии ради мнимо-конституционной сделки, либо обманными речами завлечь абсолютизм на путь демократии.

Тщетные, жалкие, смешные, ничтожные планы! Рабья политика!

Но ничего более достойного наша quasi-демократия не сможет предложить, доколе она будет цепляться за призрак мирного конституционного преобразования, доколе к революции она будет относиться, как к суеверию прежних веков...

Если она не пойдет дальше, дальнейшее революционное развитие отбросит ее назад: оно заставит ее отказаться от демократических суеверий и в хвосте земских либералов вступить на путь мирного конституционного предательства элементарнейших народных интересов.

«Московские Ведомости» резко и отчетливо ставят вопрос, когда пишут, что «в составе населения России нет политической партии, достаточно сильной, чтобы принудить правительство к опасным для ее (читай: его) целостности и могущества политическим реформам». Реакционная газета берет вопрос, как он есть, т.-е. как вопрос силы. Точно так же должна взять этот вопрос и печать демократическая. Пора перестать видеть в абсолютизме политического собеседника, которого можно просветить, убедить, или, на худой конец, заговорить, upflügen, залгать. Абсолютизм нельзя убедить, его можно победить. Но для этого нужна не сила логики, а логика силы. Демократия должна накапливать силу, т.-е. мобилизовать революционные ряды. А эту работу можно выполнять, разрушая либеральные суеверия насчет мирных путей конститу-

ционного развития и отрадных перспектив правительственного просветления.

«Актом элементарной государственной мудрости» для каждого демократа должно явиться признание, что выражать надежду на демократическую инициативу со стороны абсолютизма, знающего только один интерес: самосохранение, — значит, поддерживать веру в будущее абсолютизма, значит создавать вокруг него атмосферу нерешительного ожидания, значит упрочить его позиции, значит предавать дело свободы.

Ясно сказать — это значит, вместе с тем, сказать и другое: не соглашение, не сделка, а торжественное провозглашение народной воли, т.-е. революция.

Российская демократия может быть только революционной, иначе она не будет демократией.

Она может быть только революционной, так как в нашем обществе и государстве нет таких официальных организаций, от которых будущая демократическая Россия могла бы вести свою родословную. У нас, с одной стороны, имеется монархия, опирающаяся на колоссально разветвленный бюрократический аппарат, с другой стороны, так называемые органы общественного самоуправления, — земства и думы. Либералы и строят будущую Россию, исходя из этих двух исторических учреждений. Конституционная Россия должна, на их взгляд, возникнуть, как легальный продукт легального соглашения легальных контрагентов: абсолютизма и думско-земских представителей. Их тактика есть тактика компромисса. Они хотят перенести в новую или, вернее, обновленную Россию две легальные традиции русской истории: монархию и земство.

Демократия лишена возможности опираться на национальные традиции. Демократическая Россия не может быть простым детищем высочайшего соизволения. Но она не может опереться и на земства, так как земства построены не на демократическом принципе, а на начале сословного и имущественного ценза. Демократия, если она не лжет своим именем, если она действительно является партией народного верховенства, не может ни на минуту признать за земствами права говорить именем России. Всякую попытку со стороны земств и дум вступить с абсолютизмом в соглашение

от имени народа демократия должна клеймить, как узурпацию народного суверенитета, как политическое самозванство.

Но если не абсолютизм и не дворянское земство, то кто же? Народ! Но народ не имеет никаких легальных форм для выражения своей суверенной воли. Создать их он может только революционным путем. Апелляция к Всенародному Учредительному Собранию есть разрыв со всей официальной традицией русской истории. Вызывая на историческую сцену суверенный народ, демократия врывается в легальную русскую историю клином революции.

У нас нет демократических традиций, их нужно создать. Сделать это способна только революция. Партия демократии не может не быть партией революции. Эта идея должна проникнуть во всеобщее сознание, она должна наполнять нашу политическую атмосферу, самое слово «демократия» должно быть пропитано содержанием революции, так чтоб при одном прикосновении оно жестоко обжигало пальцы либеральных оппортунистов, которые стараются уверить своих друзей и врагов, что они стали демократами с тех пор, как назвались этим именем.

* * *

«Мирное» сотрудничество с земством или революционное сотрудничество с массой? Этот вопрос демократия должна решить для себя,—мы ее заставим решить этот вопрос, так как будем его ставить пред нею не только в общей форме, но только в литературе, но самым конкретным образом, в каждом живом политическом действии.

Конечно, демократия хочет союза с массой и тянется к ней. Но она боится порвать со своими влиятельными союзниками и мечтает о том, не сможет ли она сделаться связующим звеном между земством и массой.

В замечательно поучительной статье «Нашей Жизни» выдвигается та мысль, что для «безболезненного» осуществления демократической реформы «необходимо интеллигенции сейчас же, не теряя дорогого времени, прийти в тесное соприкосновение с широкими народными массами, войти с ними в непрерывное общение». Статья не отрицает, что часть интеллигенции и раньше стремилась к этому,—но она делала это, исключительно напирая на классовые противоречия, существующие между народными массами и теми слоями об-

щества, из которых до сих пор выходит и долго еще будет выходить большая часть русской интеллигенции*)... Теперь нужна другая работа. Нужно в человеке из «народа», прежде всего в крестьянине, пробудить «свободного гражданина, сознающего свои права и бесстрашно их отстаивающего». Для этой работы «нужно сотрудничество демократической интеллигенции с выборными представителями земства!» Другими словами: так называемая демократическая интеллигенция должна пробуждать свободных граждан не только без «исключительного напирания» на классовые противоречия внутри оппозиции, но и в «дружном сотрудничестве» с земской оппозицией. Это значит, что интеллигенция не только лишает себя возможности смело и решительно ставить вопросы аграрной реформы,—но и отказывает себе в праве революционно и демократически ставить конституционную проблему. Эта внутренне-противоречивая задача: пробуждать массы, тащась в хвосте у земцев,—не может создать для демократа достойной политической роли. В своей агитации демократия будет неизбежно лгать—не той смелой, на половину бессознательной ложью якобинской демагогии, которая в своем революционном самозабвении находит долю своего прощения,—а той скаредной либеральной ложью, которая опасливо озирается раскосыми глазами, обходит острые вопросы, как будто боится наступить на гвозди, говорит шепелявой скользкой речью, потому что всякое «да» и всякое «нет» как огнем обжигает ее уклончивый язык. Образцом ее будет лишь освобожденская прокламация о войне и конституции, которую мы в свое время разбирали в «Искре»⁴²⁾. Прокламация эта написана для массы, старается говорить языком, понятным массе, и взывает к интересам массы.

И что же говорят в ней освобожденцы народу? Они говорят ему, что война никому не нужна, что царь не хотел ее, что царь миролюбив. Они это доподлинно знают. Они говорят далее, что царя соблазнили дурные советники, не осведомляющие своего государя об истинных нуждах народа, ибо «иные из вельмож ведут государственные дела не по совести, а по корысти, для своего кармана и для поче-

*) «Наша Жизнь», № 23.

стей, а иные из вельмож—глупы». Чтобы помочь делу, нужно созвать народных представителей. Царь от них будет узнавать правду, «как это было изредка в старину, когда русские цари жили в Москве». Управлять делами будут все сообща—государь, министры и собрание народных представителей.

Так строят свободную Россию демократы—«освобожденцы». Они берут под свою защиту царя и, вместе с ним, и монархию. В своей конституции они отводят царю красный угол. Они созывают собрание народных представителей не для выражения суверенной воли народа, а в помощь монарху. Партия «Освобождения», еще не побежденная в борьбе с монархией, еще не приступившая к этой борьбе, на глазах всего русского народа становится на колени пред носителем власти божьей милостью.

Таков ее либерализм!

Вокруг трона, за которым признается неприкосновенное право исторической традиции, должны расположиться изродные представители. Но какой народ они будут представлять? Народ земств и дум?—за которыми ведь тоже неприкосновенное право исторической традиции... Будет ли представлен народ «без традиций», народ без сословных, имущественных и образовательных привилегий? Прокламация не дает на этот вопрос ответа. Она помнит, что задача «освобожденцев» не только пробуждать гражданина в человеке из народа, но и остаться в добром согласии с привилегированными гражданами из земств. Обращаясь к народу с пропагандой конституции, «освобожденцы» ни словом не упоминают о всеобщем избирательном праве.

Таков их демократизм!

Они не смеют сказать: долой корону!—потому что у них нет отваги противопоставить принцип принципу, республику—монархии. Еще до борьбы за новую Россию они протягивают руки для соглашения с коронованным представителем старой России. Они опираются на пример сословно-советательных Земских Соборов в прошлом, вместо того, чтобы звать к торжественному провозглашению народной воли в будущем. Словом: они апеллируют к антиреволюционной

традиции русской истории, вместо того, чтобы создать историческую традицию русской революции.

Такова их политическая отвага!

Итак, русское конституционное правительство составят: государь (неизвестно, для чего нужный), министры (неизвестно, пред кем ответственные) и собрание народных представителей (неизвестно, какой «народ» представляющих).

Стоит организовать на этих началах государственную власть, и тогда—здесь начинается центральное место «освобожденского» *Vademecum'a*⁴³)—и тогда все вопросы разрешатся сами собою, все невзгоды и беды русского народа снимет, как рукой. В тех странах, где народу удавалось добиться конституции, он, по словам прокламации, везде устраивал себе правые суды, уравнивал подати и облегчал налоги, уничтожал взяточничество, открывал для детей своих училища и быстро богател... «И если б и русский народ,—так пишут «освобожденцы»,—потребовал себе (как?) и добился от царя (как?) конституции (какой?), то и он избавился бы от оскудения, разорения и всяких притеснений точно так же, как избавились от него и другие народы... Когда будет в России конституция, то народ через своих представителей, наверное, отменит паспорта, заведет хорошие суды и управление, упразднит самовластных чиновников в роде земских начальников, и в местных делах будет управляться своими свободно выбранными людьми, заведет множество школ, так что всякий сможет получить высшее образование, освободится от всякой тесноты, наказаний розгами (после получения «высшего образования»?) и заживет в довольстве. Словом, при конституции, то-есть при управлении страной царя (а без царя?) вместе с собранием народных представителей, народ будет свободен и добьется настоящей, хорошей жизни».

Так пишут «демократы», осуждающие «исключительное напирание на классовые противоречия»!

Конституционное ограничение царской власти не только спасет от розги и нагайки, но и обеспечит от бедности, лишений, экономического гнета и даст возможность «быстро богатеть»,—вот мысль, которую они хотят внушить народу. Присоедините к царю Земский Собор,—и нет вопросов ни-

щеты, гнета, безработицы, проституции и невежества. Так говорят «освобожденцы». Но говорить так—значит явно и беззастенчиво издеваться над всей социальной действительностью, называть черное белым, горькое—сладким, значит закрывать глаза—себе и другим—на опыт всей той истории, которую буржуазная Европа проделала в течение последнего столетия, значит попирает кричащие факты, игнорировать все, что образованный человек может узнать из любой европейской газеты,—значит спекулировать единственно на невежество русской народной массы, на египетскую тьму полицейского государства да на низкий уровень политической морали в рядах собственной партии. Это значит заменять обращение—извращением, агитацию—ложью, политическую конкуренцию—недобросовестной спекуляцией. Это значит уверенно идти к превращению собственной партии, которая идеологически является представительницей «народа», в простую клику, сознательно эксплуатирующую темноту народа. Мы говорим это со всей энергией, и наши слова должны услышать не только каждый революционный пролетарий, но и каждый русский «демократ».

Прокламацию писали образованные люди. Они знают, что ничего из того, о чем они говорят народу, на самом деле нет. Они знают, что и после того, как царь решится опереться на Земский Собор, порядок на Руси останется буржуазный. Они знают, отлично знают, что конституция не спасает маленького собственника от пролетаризации, не дает работы, не охраняет рабочего ни от нищеты, ни от развращения. Они знают, что высшее образование доступно не всем, что оно есть монополия имущих. Они все это знают,—читали, видели, сами говорили и писали,—знают и не могут не знать.—Вы, например, г. Струве, вы, который одобряете «этот простой по форме и вразумительный по содержанию призыв», ответьте прямо в «Освобождении»: знаете вы все это или нет?*)—Да, они знают это. Но, сверх того, они знают, что народ, к которому они обращаются, этого еще не знает.

*) Ответить прямо на этот вопрос мы приглашали г-на Струве еще в октябре прошлого года («Искра», № 76). Промышленный нравственным идеализмом редактор «Освобождения» не ответил или ни прямо, ни косвенно.

И они говорят народу то, чего нет, то, во что они сами не верят. Они лгут народу. Они обманывают народ.

Неужели они не подумали, что у самого порога их встретит социал-демократия? Что она позаботится о том, чтобы свести их на очную ставку с исторической истиной? Неужели они не способны понять, что это ее право, ее обязанность? И они могли думать, что социал-демократия вступит с ними в соглашение, чтобы вместе с ними, на товарищеских началах, обманывать народ?

Если б социал-демократия была только партией честного, решительного, последовательного, непримиримого демократизма, она и тогда не могла бы не выступить в полной обособленности и самостоятельности. Она и тогда не могла бы поставить свои действия в какую бы то ни было зависимость от действий или, вернее, бездействия той либеральной оппозиции, которая не смеет назвать то, к чему она стремится, и не знает, какими средствами добиться того, что назвать она боится. Она и тогда не могла бы оказать никакого политического кредита той «демократии», которая боролась за демократические требования только в своих сновидениях, на деле же играла и играет роль адвоката, секретаря и рассыльного при цензовом либерализме.

В то время, как ищущая во что бы то ни стало компромисса оппозиция, т.е. анти-оппозиционная оппозиция, встречает бескорыстного слугу в лице антиреволюционной, а значит антидемократической демократии, в то время как с этой последней объединяются испролетарские и антипролетарские социалисты и этим актом объединения с антидемократической демократией обнаруживают истинную ценность не только своего социализма, но и своего демократизма,—да, в это время единственной партией честного, решительного, последовательного, непримиримого демократизма является социал-демократия. И именно поэтому она вызывает прикрытую ханжеством ненависть всех тех «демократов», которым она самым фактом своего существования затрудняет ликвидацию последних остатков идеи «долга пред народом»...

Ненависть, прикрытая * * ханжеством,—такое отношение объединенной якобы-демократии к нашей партии, сознатель-

ные российские пролетарии! Вы должны себе отдать в этом ясный отчет.

И «Освобождение» и «Революционная Россия»⁴⁴⁾ выступают против нашей непримиримости, против нашей «борьбы на два фронта». Все чаще и чаще посылает нам такие упреки легальная пресса. Демократия хочет, чтобы мы укротились и помирились. Она же в свою очередь великодушно готова примириться с нами, если только мы, покинув строптивость, начнем петь ей в унисон, в то время как сама она поет в тон цензовой оппозиции.

«Освобождение» и «Революционная Россия», умудренные некоторым опытом, стараются придать этому бесстыдному требованию стыдливую форму. Но легальная печать «демократического» блока, пользуясь тем, что ей не грозит немеленный отпор, с откровенным цинизмом предъявляет социал-демократии свое требование: устранись!

«...Кроме охранителей,—жалуется «Наша Жизнь»,—существуют, к сожаленью, и другие, притом прогрессивные, направления, которые все еще (!) говорят о всякого рода противоречиях и все еще выдвигают на первый план именно эти противоречия, а не то «общее», что может объединять в известные времена все классы, все сословия. В общем, однако,—утешается «демократическая» газета,—сословно-классовые различия сейчас потонули в том живом и могучем потоке, который стремительно несется по русской земле и захватывает в свое русло и московского купца, и тамбовского и саратовского и других земцев, и петербургского чиновника, и всегдашнего либерала—интеллигента»^{*)}.

Ваша партия, сознательные пролетарии, виновна в том, что выдвигает такие требования, которые отличаются от требований московского купца, тамбовского дворянина и петербургского чиновника! «Демократическая» интеллигенция предъявляет к вам требование: примиритесь на том «общем», что может объединять все классы и все сословия. Таким объединительным «общим» может быть лишь программа самой отсталой части либеральной оппозиции. Как только вы захотите подняться выше ее политического

^{*)} «Наша Жизнь», № 37.

уровня, окажется, что вы, подобно реакционерам-охранителям, выдвигаете то, что разделяет, а не то, что объединяет. Сознательные пролетарии! «Демократия» требует от вас, чтоб вы во имя единения отказались от вашего революционного демократизма. «Демократия» требует от вас, чтобы вы во имя солидарности с либеральной оппозицией предали дело демократического переворота. Потому что, если что отличает вас с такой резкостью от всех других «классов и сословий», так это именно ваша несокрушимая преданность делу демократической революции.

Словами беспощадного негодования вы ответите, товарищи, этим непримиримым сторонникам оппортунистического примирительства, этим «демократическим» прихвостням либеральных и полулиберальных купцов, дворян и чиновников.

Вы скажете им: мы, пролетарии, не требуем от либералов, чтоб они отказались от своих классовых интересов, стали на нашу точку зрения и боролись за нашу социалистическую программу,—хотя мы и готовы поручиться, что, как только они это сделают, они раз навсегда вырвут почву из-под нашей политики выдвигания противоречий.

Мы не обвиняем также и так называемую демократию в том, что она не становится в ряды партии революционного социализма,—но чего мы от нее требуем, так это верности собственной программе. И этого нашего требования она не может снести и бросает нам в ответ обвинение в том, что мы не способны молчаливо смотреть, как она из-за спины земской оппозиции замахивается на нашу партию, единственную представительницу честного, решительного, непримиримого демократизма!

Мы вносим то, что разделяет, а не то, что объединяет? Не наоборот ли, не вы ли повинны в этом?

Мы, социал-демократы, выступили на поле революционной борьбы в эпоху полного политического затишья. Мы с самого начала формулировали нашу революционную демократическую программу. Мы пробуждали массу. Мы собирали силы. Мы выступили на улицу. Мы наполнили города, шумом нашей борьбы. Мы пробудили студенчество, демократию, либералов... И когда эти пробужденные нами группы стали выработать свои собственные лозунги и свою

тактику, они обратились к нам с требованием, которое в чистом, незамаскированном виде звучит так: «Устранитесь,—выбросьте из вашей революционной программы и революционной тактики то, что отличает вас от нас,—откажитесь от тех требований, которых не может принять московский купец и тамбовский дворянин,—словом, измените тем лозунгам, которые вы выдвинули в то время, как мы еще мирно почивали в болоте политического индифферентизма,—от той тактики, которая составила вашу силу и которая позволила вам совершить чудо: пробудить нас от нашего позорного политического сна».

Земство не могло притти в движение, не приведя, в свою очередь, в движение всю ту интеллигенцию, которая наполняет все его поры, которая широким кольцом окружает его по периферии, которая, наконец, связана с ним узами крови и узами политических интересов. Земский съезд 6—8 ноября вызвал целый ряд политических банкетов демократической интеллигенции. Были более, были менее радикальные банкеты, были более, были менее смелые речи; в одном случае говорили об активном участии народа в законодательстве, в другом требовали ограничения самодержавия и даже доходили до требования Всенародного Учредительного Собрания. Но не было ни одного банкета, на котором встал бы либеральный земец или «освобожденец» и сказал: «Господа! На днях соберутся (или собрались) земцы. Они потребуют конституции. Затем земцы и думцы потребуют—если потребуют—конституции в земствах и думах. Потом на банкетах земцы и думцы соберутся вместе с интеллигенцией—вот как собрались сегодня мы—и опять поставят резолюцию о необходимости конституции. Правительство ответит на это более или менее торжественным манифестом, в котором (оратору совсем не нужно было быть пророком, чтобы предвидеть это) будет провозглашена избыточность самодержавия, земствам будет предложено вернуться к обычным занятиям, а политические банкеты будут упомянуты лишь в связи с соответственными уголовными статьями. Что тогда? Как ответим мы на такое заявление правительства? Другими словами: какова наша дальнейшая тактика, милостивые государи?»

После этих простых слов в собрании воцарилась бы неловкость, демократические дети неуверенно взглянули бы на земских отцов, земские отцы недовольно нахмурили бы брови,—и все немедленно почувствовали бы, что оратор сделал большую бестактность.

Его бестактность состояла бы в том, что он на либеральном банкете высказал бы то, что есть. Но такой бестактности наш оратор не совершил, ибо его не было. Никто из земцев, из служающих им «освобожденцев»-демократов, не поставил вслух вопроса: что же дальше?

Такую бестактность решились сделать только социалисты-пролетарии.

Они явились в Харькове на заседание Юридического Общества, председатель которого предлагал отправить министру весенних дел приветственную и благодарственную телеграмму, и один из них сказал собравшимся, что единственная весна, которой верит пролетариат и которой только и может верить демократия, будет принесена революцией. Они явились на заседание Екатеринодарской думы, где оратор-рабочий сказал: «Погибающее самодержавие думает бросить вам приманку... оно надеется обмануть вас и теперь точно так же, как не раз обманывало! Но... оно чувствует, что народилась в России новая сила, с самого начала своего существования явившаяся непримиримым, смертельным врагом царского деспотизма. Эта сила—организованный пролетариат... И мы—горсть борцов великой армии труда—зовем вас с собой. Мы с вами—представители противоположных общественных классов, но и нас может объединить ненависть к одному и тому же врагу—самодержавному строю. Мы можем быть союзниками в вашей подпольной борьбе. Но для этого вы должны оставить прежний путь смирения, вы должны смело, открыто присоединиться к нашему требованию: Долой самодержавие! Да здравствует Учредительное Собрание, избранное всем народом! Да здравствует всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право!»

Пролетарии явились на банкет одесской интеллигенции, и там их оратор сказал: «Если вы, граждане, найдете в себе достаточно мужества, чтобы открыто и без колебаний

поддержать наши демократические требования, мы, пролетарии-социал-демократы, приглашаем вас идти рядом с нами в борьбе с царизмом. В этой жестокой борьбе мы, социал-демократы, будем до последней капли крови отстаивать великие принципы свободы, равенства и братства».

Ораторы-пролетарии не боялись поставить открыто вопрос: что делать? ибо на этот простой вопрос у них есть простой ответ: нужно бороться, нужно «до последней капли крови отстаивать великие принципы свободы, равенства и братства»!

И как бы для того, чтобы показать, что это не фраза в устах пролетариата, бакинские стачечники, эти бунтовщики надвигающейся всенародной грозы, оставили на земле десятки убитых и раненых, проливших свою кровь за великие принципы свободы, равенства и братства!..

И вот, от этого класса, который научает своих детей так бороться и так умирать, явились представители на либеральные банкеты, на которых так хорошо говорят о героической борьбе и героической смерти.

Имели они право на внимание?

Либеральная печать много говорила о пропасти между интеллигенцией и народом. Либеральные ораторы не знают другой клятвы, кроме клятвы именем народа.

И вот ныне перед ними в лице пролетариата выступает на сцену сам народ. Не в качестве объекта просветительных начинаний, а в качестве самостоятельной, за себя ответственной и требовательной политической фигуры.

И что же?

— «Долой отсюда!»—кричат либералы, надеявшиеся, что высокий имущественный ценз (цена либерального обеда от двух до четырех рублей) не позволит пролетариям перешагнуть пропасть, отделяющую «интеллигенцию» от «народа».

Профессор Гредескул⁴⁵) не находил «слез для достаточного выражения своего негодования», когда рабочие разбросали прокламации на заседании харьковского Юридического Общества, и кричал на всю залу: «Если те, которые это сделали, честные и порядочные люди, пусть они добровольно удалятся». Он сомневался в том, честные ли, порядочные ли они люди!..

«Это нарушение правил гостеприимства!»—кричал председатель ростовского либерального банкета, не позволяя прочитать резолюции рабочих, ждавших решения ее судьбы на холоде. «Ведь они же на улице,—волновался г. либерал,— пусть собираются где хотят!» Он знал, что ростовские рабочие умеют собираться, что за место для своих собраний они платят не рублями, а кровью, только кровью...

«Долой отсюда! вон, вон, вон!»—встретили одесские либералы речь одесского пролетария. «Довольно! Довольно!» прерывали они его на каждом шагу.

При таких торжественных условиях происходило сближение интеллигенции с народом.

Каким гневом должно было наполниться сердце революционера-рабочего, какой горячей волной должна была прилить кровь к его голове, как судорожно должны были сжаться его кулаки, когда он предстал, как вестник революции, пред этим образованным и от самовлюбленности пьяным обществом, чтобы напомнить либералам об их либеральных обязанностях, чтобы поставить демократов пред лицом их демократической совести, и когда в ответ на первые еще робкие звуки его голоса—он не привик, господа, к обстановке парадных обедов!—раздалось из глубины либеральных потрохов: «Долой его! Молчать! Ату его!»—«Граждане! именем пролетариата, собравшегося у стен этого здания...»—«Вон, вон, вон! Замолчать! Ату его!»...

«Освобождение» предвидит появление рабочих на земских собраниях, и, порицая рабочих за их поведение в Харькове и Екатеринодаре, требуя от них соблюдения порядка собрания и прав председателя, «демократический» орган с своей стороны обещает: «Позволительно думать, что земские люди не отнесутся ни враждебно, ни даже невнимательно ко всем заявлениям, которые будут предъявлены к земским собраниям без нарушения прав и порядка последних» *).

Слышите, пролетарии, ни враждебно, ни даже невнимательно! Вам «позволительно думать», что если вы будете вести себя чинно, господа земские дворяне не отнесутся

*) «Освобождение», № 61.

к вашим заявлениям ни враждебно, ни даже—слышите: даже—невнимательно!

Я боюсь, товарищи, что вы ответите господам ходатаям за вас пред земскими дворянами, что вы не нуждаетесь в милостыне либерального внимания, что вы являетесь не с тем, чтобы просить, а с тем, чтобы требовать и призывать к ответу,—и когда к предъявленным вами народным требованиям относятся враждебно или невнимательно, у вас остается еще обязанность: обличить пред народом. И эту обязанность вы выполните через голову председателя и всего собрания, со всеми его правами!

Когда немецкие рабочие, еще не имевшие своей самостоятельной партии и поддерживавшие либеральную буржуазию, обратились в 1862 г. к либеральным вождям с требованиями: во-первых, ввести в программу всеобщее избирательное право и, во-вторых, изменить порядок уплаты членских взносов так, чтобы облегчить рабочим доступ в партийную организацию либералов (Nationalverein), последние отнеслись к их требованиям довольно «внимательно», но крайне враждебно: в первом требовании отказали на-голо, а в ответ на второе разъяснили, что «рабочие могут считать себя прирожденными членами либеральной партии»—и следовательно? и следовательно... могут оставаться за порогом ее организации.

Либералы считают, что прирожденное право рабочих—драться на баррикадах, отдавать свою жизнь за дело свободы, но только не нарушать своим появлением спокойствия либеральных организаций, собраний и банкетов!..

Наш пролетариат, как счастье для себя и для дела свободы, не должен, в качестве просителя, стучаться под окнами либеральной партии. У него есть своя партия. Судьба его требований не зависит от того, найдут ли они место в программе буржуазной оппозиции.

Но это не значит, что русскому пролетариату нет дела до того, что говорят либералы в земствах и думах, огражденных от массы сословно-имущественным цензом, и на либеральных банкетах, огражденных от массы четырехрублевыми обедами.

Не ходатайствовать перед либералами, не просить за-

ступничества приходят и будут приходить пролетарии на либеральные собрания, но с целью противопоставить свою революционную программу действий либеральной бесхарактерности, прикрытой многословием, с целью призвать к революции те кадры демократии, которые пока еще находятся под либеральным обаянием... И не просителей встречают гг. либералы криками «долой!», не от нищенствующих ограждают они себя входными билетами,—нет! несостоятельные должники дела свободы и демократии, они малодушно уклоняются от строгого взыскания, они боятся обличений того самого народа, который они так любят на большом расстоянии, которому они так горячо сочувствуют, когда он умирает на бакинских мостовых.

Пролетарии еще не раз появятся на собраниях «общества» и поставят либералам в упор убийственный для них вопрос: Что же дальше?

Земцы подали прошение о конституции. Их прошение было найдено незаслуживающим уважения. Московское земство заявило, что оно взволновано, и прекратило свои заседания. Черниговские и смоленские земцы просто разъехались по домам. Симферопольская дума отложила свои заседания, не рассмотрев бюджета. Такое самоупражнение вполне уместный акт, если б к нему прибегли все земства и думы, выставив принципиальную мотивировку своей стачки. Но и тогда оставался бы во всей своей силе вопрос: что же дальше?

В своих резолюциях земцы «выражали надежду». Надежда оказалась утопической. В свою очередь освобожденческие quasi-демократы в последние два года то и дело «выражали надежду» на земцев. Их надежда на земцев оказалась обманутой вместе с надеждой земцев на самодержавие.

Что же дальше? Ответ может быть один: апелляция к массе, то-есть к революции. Но к массе можно идти только с демократической программой. И если раньше мы старались показать, что наша демократия может быть только революционной, то здесь нужно добавить, что переход к революционной тактике мыслим только на почве демократической программы.

Вне революции нет путей для решения вопроса поли-

тической свободы. Это должны понять даже глухонемые слепцы в результате последнего периода правительственных обещаний, земских совещаний, либеральных банкетов и царского указа.

К свободе путь лежит через революцию, к революции — через демократическую программу.

К интеллигентной «демократии» — демократией мы называем ее в счет ее будущего; — плетущейся за земцами, пролетариат должен обратиться со словами, которые Уланд⁴⁶⁾ сказал некогда вюртембергскому ландтагу:

Und könnt ihr nicht das Ziel erstreben,
So tretet in das Volk zurück!.

Если не можете добиться цели,
Вернитесь обратно к народу.

Пролетариат и революция.

Но пролетариат должен не только звать к революции, прежде всего он должен сам идти к революции.

Итти к революции не значит непременно снаряжаться к назначенному на определенный день вооруженному восстанию. Для революции нельзя назначить день и час, как для демонстрации. Народ никогда еще не делал революций по команде.

Но что можно делать, так это в виду неизбежно надвигающейся катастрофы выбирать наиболее удобные позиции, вооружать и вдохновлять массы революционными лозунгами, выводить одновременно на поле действия все резервы, упражнять их в боевом искусстве, держать их все время под ружьем, — и в подходящую минуту ударить по всей линии тревогу.

Значит, это только упражнение собственных сил, а не решительное столкновение с силами врага, — только маневры, а не уличная революция?

Да, только маневры. Но от военных маневров они отличаются тем, что во всякое время, и совершенно независимо от нашей воли, могут превратиться в действительное сражение, решающее весь исход многолетней кампании. Не только

могут превратиться, но и должны превратиться. За это ручается острый характер переживаемого политического периода, скрывающего в своих недрах массы революционного материала.

В какой момент произойдет превращение маневров в сражение, это будет зависеть от объема и революционной сплоченности массы, которая выведена на улицу, от сгущенности той атмосферы всенародного сочувствия и симпатии, которую эта масса дышит, и от настроения двинутых правительством против народа войск.

Эти три элемента успеха должны определять нашу подготовительную работу. Революционная пролетарская масса есть. Нужно уметь одновременно на всем пространстве России вывести эту массу на улицы и сплотить ее общим кличем.

Ненависть к царизму есть во всех слоях и классах общества,—есть, значит, и сочувствие к освободительной борьбе. Нужно это сочувствие сосредоточить на пролетариате, как революционной силе, выступление которой во главе народных масс только и может спасти будущее России. Наконец, настроение армии всего меньше способно окрылять правительство уверенностью. За последние годы было много тревожных симптомов: армия ропщет, армия недовольна, в армии брожение. Нужно сделать все, чтобы к моменту решительного выступления массы армия отрезала свою судьбу от судьбы самодержавия.

Начнем с последних двух условий, определяющих ход и исход кампании.

Последний период, когда при звуках труб была открыта эра политического обновления и при свисте нагаек эта эра была объявлена закрытой,—период Святополка-Мирского,—в своем конечном результате поднял ненависть к абсолютизму во всех сколько-нибудь сознательных элементах общества до небывалой высоты. Наступающие дни будут пожирать плоды встревоженных общественных надежд и невыполненных правительственных обещаний. Политические интересы стали более оформленными, недовольство глубже и «принципиальнее». Вчера еще первобытная мысль сегодня уже жадно набрасывается на работу политического анали-

за. Все явления зла и произвола быстро сводятся к первооснове. Революционные лозунги никого не отпугивают, наоборот, находят тысячекратное эхо, превращаются в народные поговорки. Общественное сознание впитывает в себя, как губка влагу, каждое слово отрицания, осуждения или проклятия по адресу абсолютизма. Ничто не проходит для него безнаказанно. Каждый неловкий шаг ставится ему в счет. Его заигрывания встречают насмешку, его угрозы рождают ненависть. Громадный аппарат либеральной прессы пускает ежедневно в оборот тысячи фактов, волнующих, раздражающих и воспаляющих общественное сознание.

Накопленные чувства ищут выхода. Мысль стремится перейти в действие. А между тем та же тысячеустая либеральная пресса, которая питает общественное возмущение, стремится в то же время направить его в узкое русло, сеет суеверное почтение к всемогуществу «общественного мнения», голого, неорганизованного «общественного мнения», не разрешающегося действием, порочит революционный метод национального освобождения, поддерживает гипноз легальности, направляет все внимание и все надежды недовольных слоев на земскую кампанию,—таким путем систематически готовит крах общественного движения. Обострившееся недовольство, не находящее выхода, обескураженное неизбежным неуспехом легальной земской кампании, опирающейся на бесплотное «общественное мнение» без традиций революционной борьбы в прошлом, без ясных перспектив в будущем,—это общественное недовольство может вылиться в отчаянный пароксизм террора, при полной сочувственного бессилия пассивности всей демократической массы, при денежной поддержке задыхающихся от платонического энтузиазма либералов. Этому не должно быть места. Необходимо подхватить падающую волну общественного возбуждения, направив внимание широких оппозиционных кругов на то колоссальное предприятие, во главе которого пойдет пролетариат,—на всенародную революцию.

Передовой отряд должен будить все слои общества, появляться здесь и там, ставить ребром вопросы политической борьбы, звать, обличать, срывать маску с лицемеров демократии, сшибать лбами демократов с ценовыми либе-

ралами, будить, звать, обличать, требовать отчета на вопрос «что дальше?», снова и снова не давать отступления, доводить легальных либералов до признания собственного бессилия, отрывать от них демократические элементы и толкать эти последние на путь революции. Совершать эту работу—значит стягивать нити сочувствия всех демократических элементов оппозиции к революционной кампании пролетариата. †

Необходимо сделать все, чтобы привлечь внимание и симпатии городского мещанства к выступлению рабочих. Во время прошлых массовых выступлений пролетариата, например, всеобщих стачек 1903 года, в этом отношении почти ничего не делалось,—и это было одним из самых слабых мест подготовительной работы. В населении нередко циркулировали, как свидетельствуют корреспонденты, самые бессмысленные слухи о намерениях забастовщиков. Обыватели ждут нападения на свои квартиры, лавочники—расхищения лавок, евреи—погромов. Этого не должно быть. Политическая стачка, как единоборство городского пролетариата с полицией и войсками, при враждебности или хотя бы только пассивности всего остального населения, означала бы для нас неизбежный крах.

Отчужденность населения прежде всего скажется на самочувствии пролетариата, а затем и на настроении войск. Поведение властей будет несравненно более решительным. Генералы напомнят офицерам, а офицеры солдатам драгомировские слова: «Ружье дается для меткой стрельбы, и никто не имеет права тратить пули по пустякам».

Этого не должно быть. Партия должна создать вокруг пролетарского ядра нравственный панцырь из симпатий всего населения и материальный панцырь из вспомогательных непролетарских отрядов. Чем больше понимания в населении смысла революционной стачки, тем больше к ней симпатий. Чем больше симпатий, тем выше число участников из среды «общества»: Чем выше это число, тем ниже решимость властей прибегать к беспощадному кровопусканию: кому же не известно, что кровь революционного пролетариата имеет гораздо меньший удельный вес, чем кровь оппозиционного «общества»?

Итак, для успеха политической стачки пролетариата необходимо, чтобы она превратилась в революционную демонстрацию населения.

Второе важное условие—настроение армии. Недовольство в войсках, смутное сочувствие к «бунтующим» есть несомненный факт. Нет никакого сомнения, что лишь небольшую долю этого сочувствия можно отнести непосредственно на счет нашей агитации в войсках. Большая доля сделана самой практикой столкновений армии с протестующими массами. Решительно все корреспонденции, описывающие сражения царских войск с безоружным народом, устанавливают тот факт, что громадное большинство солдат тяготится ролью палача. По живой цели стреляют лишь безнадежные идиоты или безнадежные подлецы. Средняя масса солдат стреляет вверх. По этому поводу можно сказать одно: было бы противоестественно, если бы это было иначе. Во время всеобщей стачки в Киеве ⁴⁷⁾, когда в Бессарабском полку был получен приказ итти на Подол,—командир полка ответил, что он не ручается за настроение своих солдат. Тогда был послан приказ в Херсонский полк, но и там не оказалось ни одной полуроты, которая целиком удовлетворяла бы требованиям начальства.

Киев не представляет в этом смысле исключения.

Во время всеобщей одесской стачки 1903 г. ⁴⁸⁾ солдаты, по сообщению корреспондентов, далеко не всегда оказывались на высоте положения. Так, например, в одном случае, поставленные караулом у ворот двора, куда загнаны были демонстранты, они позволили себя убедить не обращать внимания на бегство арестованных через соседние дворы. Таким образом скрылось 100—150 человек. Можно было видеть рабочих, мирно беседовавших с солдатами. Были факты отнятия оружия у солдат без особенного сопротивления последних.

Так обстояло дело в 1903 году. После того прошел год войны. Невозможно, разумеется, учесть в цифрах влияние истекшего года на сознание армии. Но не может быть сомнения в том, что это влияние колоссально. Одну из главных сил военного гипноза составляет энергично поддерживаемая в солдатах вера в свою несокрушимость, мощь, превосходя-

ство над всем остальным миром. Война не оставила в этой вере ни одного живого места. Солдаты и матросы отправляются на Восток без какой бы то ни было надежды на победу. Но утрата веры в свою несокрушимость означает для армии уже добрую половину неуверенности в несокрушимости того порядка, которому она служит... Одно влечет за собой другое.

Царизм показывает себя во весь рост в нынешней войне, а война—такое событие, которое помимо общего интереса притягивает к себе еще и профессиональный интерес армии. Наши суда ходят медленнее, наши пушки бьют не так далеко, наши солдаты неграмотны, у унтеров нет компаса и карты, наши солдаты босы, голы и голодны, наш Красный Крест крадет, интендантство крадет,—слухи и вести об этом, разумеется, доходят до армии и жадно всасываются ею. Каждый такой слух, точно острая кислота, разъедает ржавчину нравственной муштры. Годы мирной пропаганды не сделали бы того, что делает каждый день войны. В результате остается лишь механизм дисциплины, но бесследно исчезает вера в то, что так нужно, что так может дальше продолжаться... Чем меньше веры в самодержавие, тем больше места для доверия врагам самодержавия.

Это настроение нужно использовать. Солдатам необходимо разъяснить смысл подготовляемого партией выступления рабочих масс. Нужно новыми и новыми листками закрепить этот смысл в их сознании. Нужно самым широким образом использовать тот лозунг, который может объединить армию с революционным народом: «Долой войну!». Нужно, чтобы к решительному дню офицеры не могли быть уверены в солдатах,—и чтоб эта неуверенность сказывалась отраженной неуверенностью в них самих.

Остальное сделает улица. Она растворит последние остатки казарменного гипноза в революционном энтузиазме народа.

Конечно, стрелять поверх голов легче, чем вовсе отказаться стрелять и отдать свои ружья мятежной массе. Это так. Но переход не так уж велик, как может показаться на первый взгляд. Тот самый солдат, который вчера стрелял в воздух, отдаст завтра рабочему свое ружье, если только полу-

чит веру в то, что народ не просто «бунтует», а хочет и может сейчас же, не сходя с мостовых, добиться признания своих прав. Такая вера может быть внушена и будет внушена солдату объемом и энтузиазмом уличной толпы, поддержкой всего населения, вестями об одновременности выступления во всех местах России.

Итак, для того, чтобы политическая стачка пролетариата, превратившись в демонстрацию всего населения, могла стать исходным моментом победоносной революции, необходимо сочувственное настроение в широких кругах армии.

Но главным фактором успеха является, разумеется, сама революционная масса.

За период войны наиболее передовой элемент массы, сознательный пролетариат, не выступал открыто с такой решительностью, которая отвечала бы критическому характеру исторического момента. Но делать отсюда какие бы то ни было пессимистические выводы значило бы обнаруживать политическую бесхарактерность и поверхностность.

Война обрушилась на нашу общественную жизнь всей своей колоссальной тяжестью. Страшное чудовище, дышащее кровью и пламенем, заслонило политический горизонт, вонзило стальные когти в тело народа и терзает его, покрывает его ранами и причиняет ему такую нестерпимую боль, что на первое время она заглушает даже самую мысль о причинах этой боли. Как всякое страшное несчастье, война, со своей свитой фурий — кризиса, безработицы, мобилизаций, голода и смерти, — на первых порах вызвала чувства подавленности, отчаяния, но не чувства сознательного протеста. Те народные массы, которые вчера еще лежали сырым пластом, никак не влияя на революционные слои, сегодня механическими ударами фактов оказались противопоставлены центральному факту русской жизни — войне. С затаенным от ужаса дыханием весь народ остановился пред своим несчастьем. И те революционные слои, которые вчера еще игнорировали пассивные массы и выступали со своим бодрым и сознательным протестом если не против них, то забывая о них, сегодня оказались захвачены общей атмосферой подавленности и сосредоточенного ужаса. Эта атмосфера окутывала их, дождалась свинцовых тучей на их сознание... Голос

решительного протеста не возвышался в этой среде стихийного, почти физиологического страдания. Революционный пролетариат, еще не успевший залечить жестокие раны, полученные во время июльских событий 1903 г., оказался не в силах противостоять «стихии».

Но год войны не прошел даром. Война не только придала на первое время тяжестью своих несчастий всякую революционную инициативу, но и привлекла внимание вчера еще живших стихийной жизнью народных масс к объединяющему всех политическому несчастью, и тем самым породила в них—не могла не породить уже одной своей длительностью—потребность осмыслить это ужасное явление, отдать себе в нем отчет. Подавляя на первых порах решительный порыв революционных тысяч, война пробуждала политическую мысль бессознательных миллионов.

Истекший год не прошел даром, ни один из его дней не прошел даром. В общественных низах, во всей их толще, шла незаметная, но неотвратимая, как течение времени, молекулярная работа накопления негодования, ожесточения, революционной энергии. Та атмосфера, которою дышит наша улица сегодня, не есть уж атмосфера безотчетного отчаяния, нет, это атмосфера сгущенного негодования, ищущего средств и путей для революционного действия. Передовые слои народа могут уже сегодня и еще более смогут завтра бросить новый вызов царизму, не только не встречая безучастности широких кругов населения, как было третьего дня, не только не опасаясь, что протест их будет смыт общенародной волной стихийного горя, как это могло еще быть вчера,—сегодня всякое целесообразное выступление передовых отрядов рабочей массы увлечет за собою не только все наши революционные резервы, но и тысячи и сотни тысяч революционных новобранцев,—и эта мобилизация, в отличие от правительственной, будет происходить при общем сочувствии и активной поддержке громадного большинства населения.

При живых симпатиях народных масс, при деятельном сочувствии демократических элементов населения, имея против себя всеми ненавидимое, неудачливое в большом и в малом, разбитое на море, разбитое на суше, оплеванное,

растерянное, неуверенное в завтрашнем дне, топчущее и заискивающее, провоцирующее и отступающее, лгущее и уличаемое, наглое и запуганное правительство; имея пред собою армию, обескураженную всем ходом войны, в которой храбрость, энергия, энтузиазм, героизм разбивались о правительственную анархию, колеблющуюся армию, утратившую веру в несокрушимость порядка, которому она служит, прислушивающуюся к гулу революционных голосов, недовольную, ропщущую, уже не раз вырывавшуюся за последний год из тисков дисциплины,—при таких условиях выступит на улицы революционный пролетариат. И нам приходится сказать, что более счастливых условий для последней атаки на абсолютизм история уже не может создать. Она сделала все, что позволила ей сделать ее стихийная мудрость,—и она привлекает теперь к ответу сознательные революционные силы страны.

Революционной энергии накопилось громадное количество. Нужно только, чтобы она не пропала бесплодно, не израсходовалась по мелочам, в отдельных стычках и столкновениях, не связанных, лишенных объединительного плана. Нужно приложить все усилия к тому, чтобы сконцентрировать недовольство, гнев, протест, злобу, ненависть масс, дать этим чувствам один язык, один боевой клич, объединить, сплотить и дать почувствовать и понять каждой частице этой массы, что она не изолирована, что одновременно с нею и с тем же кличем на устах поднимаются везде и всюду... Если такое сознание создано, оно уже означает полвину революции.

Призвать единовременно к действию все революционные силы. Но как?

Прежде всего нужно установить, что главной ареной революционных событий будет город. Этого теперь никто не решится отрицать. Несомненно далее, что демонстрации только в том случае могут превратиться в народную революцию, если в них участвует масса, то-есть, прежде всего, фабрично-заводской пролетариат. На улицу в первую голову должен выступить он, чтоб получило смысл выступление революционной интеллигенции, в частности студенчества и городского мещанства. Чтобы двинуть рабочие массы, нужно

иметь сборные пункты. Для фабрично-заводского пролетариата такие постоянные концентрационные пункты имеются: это—фабрики и заводы. От них и нужно исходить. Нам может не удастся—и в сущности все демонстрации показали это—собрать рабочую массу из тех кварталов, в которых она ютится, в одно заранее назначенное место. Но нам несомненно удастся—и это подтверждает опыт ростовской стачки и особенно южных волнений 1903 года—вывести уже собранную массу из фабрик и заводов. Не собирать рабочих по одиночке, не скликать их искусственно к определенному часу, но взять за исходный момент их естественное, повседневное «скопление»,—вот выход, который диктуется нам всем нашим прошлым опытом.

Оторвать рабочих от машин и станков, вывести за фабричные ворота на улицу, направить на соседний завод, провозгласить там прекращение работ, увлечь новые массы на улицу, и, таким образом, от завода к заводу, от фабрики к фабрике, нарастая и снося полицейские препятствия, увлекая прохожих речами и призывами, поглощая встречные группы, заполняя улицы, завладевая пригодными помещениями для народных собраний, укрепляясь в этих помещениях, пользуясь ими для непрерывных революционных митингов с постоянно обновляющейся аудиторией, внося порядок в передвижение масс, подымая их настроение, разъясняя им цель и смысл происходящего,—в конце концов превратить таким образом город в революционный лагерь,—вот в общем и целом план действий.

Повторяем: исходным их пунктом, в зависимости от состава наших главных революционных корпусов, должны явиться фабрики и заводы. Это значит, что серьезные уличные манифестации, чреватые решающими событиями, должны начаться с массовой политической забастовки.

Назначить на известное число забастовку легче, чем народную демонстрацию,—именно по той причине, что вывести готовую массу легче, чем ее собрать.

Само собою разумеется, что массовая политическая забастовка—не местная, а всероссийская—должна иметь свой общий политический лозунг. Это не значит, что нельзя выставлять местных и частных требований профессионального ха-

рактера; наоборот, чем больше нужд и потребностей будет задето в предшествующей агитации, чем специализированнее будут требования отдельных рабочих групп, тем обеспеченнее будет участие в движении всей пролетарской массы. Это необходимо твердо помнить всем организациям. Но все эти частные и специальные требования, приуроченные ко всеобщей стачке, должны покрываться одним обобщающим и объединяющим политическим лозунгом. Само собою разумеется, что этот лозунг: прекращение войны и созыв Всенародного Учредительного Собрания.

Это требование должно стать всенародным,—и в этом именно задача агитации, предшествующей всероссийской политической забастовке. Нужно использовать все поводы, чтобы популяризировать в массах идею Всенародного Учредительного Собрания. Нужно, не теряя ни единой минуты, привести в движение все технические средства и все агитационные силы партии. Прокламации и устные речи, кружковые занятия и массовые собрания должны распространять, разъяснять и углублять требование Учредительного Собрания. В городе не должно остаться ни одного человека, который не знал бы, что его требование: Всенародное Учредительное Собрание. Эту агитацию необходимо—не упуская ни одного дня и ни одного повода—перебросить в деревню. Деревня должна знать, что ее требование, это—Всенародное Учредительное Собрание. Крестьяне должны быть призваны собираться в день всеобщей забастовки на свои сходы и постановлять требование созыва Учредительного Собрания. Подгородные крестьяне должны быть призваны в города, чтобы принять участие в уличных движениях революционных масс, собранных под знаменем Всенародного Учредительного Собрания. Всероссийское студенчество должно быть призвано всюду и везде приурочить свои выступления к всероссийской демонстрации в пользу Учредительного Собрания. Все общества и организации, ученые и профессиональные, органы самоуправления и органы оппозиционной печати должны быть предупреждены рабочими, что ими готовится к определенному времени всероссийская политическая стачка, чтобы добиться созыва Учредительного Собрания. Рабочие должны потребовать от всех корпораций и обществ заявления, что в

назначенный для массовой манифестации день все они присоединятся к требованию Учредительного Собрания. Рабочие должны требовать от оппозиционной прессы, чтоб она популяризировала выдвинутое ими требование и чтобы накануне назначенного дня она напечатала призыв ко всему населению присоединиться к пролетарской демонстрации под знаменем Всенародного Учредительного Собрания.

Необходимо развить самую напряженную агитацию в войсках так, чтобы к моменту стачки всякий солдат, который будет отправлен для усмирения «бунтовщиков», знал, что перед ним стоит народ, требующий созыва Всенародного Учредительного Собрания.

После петербургского воосстания ⁴⁹⁾.

Что же дальше?

Женева, 20 января (2 февраля) 1905 г.

...Каким всепобеждающим красноречием обладают факты,—и какими бессильными в сравнении с ними являются слова!..

Масса заявила о себе. Она зажгла сначала революционные вышки на Кавказе, она столкнулась затем грудью в незабвенный день 9 января с царскими гвардейцами и казаками на улицах Петербурга, она наполнила шумом своей борьбы улицы и площади всех промышленных городов...

Эта брошюра писалась до бакинской стачки ⁵⁰⁾. Она была набрана до петербургского восстания. Многие из того, что в ней сказано, устарело,—хотя прошло только несколько дней. Мы оставляем ее без изменения, иначе ей никогда не появиться. События идут за событиями, история работает более проворно, чем печать. Политической литературе, особенно зарубежной, приходится давать не столько прямые директивы, сколько ретроспективные обзоры.

Брошюра исходит из критики либеральной и демократической оппозиции,—и приходит к политической необходимости и исторической неизбежности восстания масс. «Революционная масса есть факт», повторяла социал-демократия в тот период, когда шумные банкеты либералов, казалось, так

ярко оттеняли политическое молчание народа. Либеральные умники скептически поводили губами; прикомандировавшие себя к либералам «демократы» преисполнились несносного высокомерия и до такой степени решительно вообразили себя вершителями судеб, что некоторые «горе-революционеры» не нашли ничего лучшего, как за спиной молчащего народа вступить в сделку с этими оппортунистами и скептиками. Нелепый, бессодержательный, никого и ни к чему не обязывающий, ни на какие действия не рассчитывающий «блок», сочиненный в Париже, был продуктом недоверия к массе и к революции. Социал-демократия не вступила в этот «блок», ибо ее вера в революцию датирует не с 9 января 1905 года.

«Революционная масса есть факт», повторяла социал-демократия. Либеральные мудрецы презрительно пожимали плечами. Эти господа считают себя трезвыми реалистами— только потому, как известно, что неспособны учитывать действие больших причин и ставят себе задачей играть роль приживалки при каждом мимолетном политическом факте. Они кажутся себе трезвыми политиками, несмотря на то, что история презрительно третирует их мудрость, рвет в клочки их школьные тетрадки, одним движением уничтожает их чертежи и великолепно издевается над их глубоко-мысленными предсказаниями.

«Революционного народа в России еще нет»...

«Русский рабочий культурно отстал, забит и (мы имеем в виду, главным образом, рабочих петербургских и московских) еще недостаточно подготовлен к организованной общественно-политической борьбе».

Так писал г. Струве⁵¹) в своем «Освобождении». Он писал это 7 января 1905 г. За два дня до раздавленного гвардейскими полками восстания петербургского пролетариата.

«Революционного народа в России еще нет».

Эти слова следовало бы выгравировать на лбу г. Струве, если б его лоб и без того не походил уже на надгробную плиту, под которой покоится так много планов, лозунгов и идей—социалистических, либеральных, «патриотических», революционных, монархических, демократических и иных,—все-

гда рассчитанных на то, чтоб не слишком забежать вперед, и всегда безнадежно отсталых...

«Революционного народа в России нет», сказал устами «Освобождения» русский либерализм, успевший убедить себя в течение трехмесячного периода, что он—главная фигура политической сцены, что его программа и тактика определяют всю судьбу страны. И не успело еще это заявление дойти по назначению, как телеграфная проволока разнесла во все концы мира великую весть о начале русской народной революции.

Да, она началась. Мы ждали ее, мы не сомневались в ней. Она была для нас в течение долгого ряда лет только выводом из нашей «доктрины», над которой издевались ничтожества всех политических оттенков. В революционную роль пролетариата они не верили,—зато верили в силу земских петиций, в Витте, в «блоки», соединяющие нули с нулями, в Святополка-Мирского, в банку динамита... Не было политического предрассудка, в который бы они не верили. Только веру в пролетариат они считали предрассудком.

Но история не справляется с либеральными оракулами, и революционный народ не нуждается в проходном свидетельстве от политических евнухов.

Революция пришла. Уже первым взмахом своим она перенесла общество через десятки ступеней, по которым в мирное время приходилось бы карабкаться с остановками и передышками. Она разрушила планы стольких политиков, которые осмеливались вести свои политические счета без хозяина, т.-е. без революционного народа. Она разрушила десятки суеверий и показала силу программы, рассчитанной на революционную логику развития масс. Достаточно взять один частный вопрос: вопрос о республике. До 9 января требование республики должно было казаться всем либеральным мудрецам фантастическим, доктринерским, нелепым. Но достаточно оказалось одного революционного дня, одного грандиозного «общения» царя с народом, чтобы идея конституционной монархии стала фантастической, доктринерской и нелепой. Священник Гапон ⁶²⁾ восстал с идеей монарха против реального монарха. Но так как за ним стояли не монархисты-либералы, а революционные пролетарии, то это огра-

ниченное «восстание» немедленно же развило свое мятежное содержание в кличе «долой царя!» и в баррикадных боях. Реальный монарх погубил идею монархии. Отныне демократическая республика—единственный политический лозунг, с которым можно идти к массам.

Революция пришла и закончила период нашего политического детства. Она сдала в архив наш традиционный либерализм с его единственным достоинством: верой в счастливую смену правительственных фигур. Глупое царствование Святополка-Мирского было для этого либерализма эпохой наивысшего расцвета. Царский указ 12 декабря ⁸³⁾—его наиболее зрелым плодом. Но восстание 9 января смело «весну» ⁸⁴⁾, поставив на ее место военную диктатуру, и дало пост петербургского генерал-губернатора генералу Трепову ⁸⁵⁾, которого либеральная оппозиция только что спихнула с места московского полицеймейстера.

Либерализм, ничего не желавший знать о революции, шушукавшийся за кулисами, игнорировавший массу, рассчитывавший на свой дипломатический гений, сметен. С ним покончено на весь революционный период.

Либералы левого крыла пойдут теперь в народ. Ближайший период будет свидетелем их попыток взять в свои руки массу. Масса—это сила. Нужно ее овладеть. Но масса—это революционная сила. Нужно ее приручить. Такова намечающаяся тактика «освободителей». Наша борьба за революцию, наша подготовка к революции будет вместе с тем нашей беспощадной борьбой с либерализмом за влияние на массы, за руководящую роль революции. В этой борьбе за нас будет великая сила: логика самой революции!

Русская революция пришла.

Те формы, какие приняло восстание 9 января, разумеется, никем не могли быть предвидены. Революционный священник, которого история такими неожиданными путями поставила на несколько дней во главе рабочей массы, наложил на события печать своей личности, своих воззрений, своего сана. И эта форма способна скрыть от многих действительное содержание событий. Но внутренний смысл этих событий именно таков, как предвидела социал-демократия. Главное действующее лицо—пролетариат. Он начинает со стачки, объ-

единяется, выдвигает политические требования, выходит на улицы, сосредоточивает на себе восторженные симпатии всего населения, вступает в сражение с войсками... Герой Гапон не создал революционной энергии петербургских рабочих,— он только ее вскрыл. Он застал тысячи сознательных рабочих и десятки тысяч революционно-возбужденных. Он дал план, который объединил всю эту массу—на один день. Масса вышла, чтобы разговаривать с царем. Но перед ней оказались уланы, казаки, гвардейцы. План Гапона не подготовил к этому рабочих. И что же? Они захватывали, где могли, оружие, строили баррикады, пускали в ход динамит. Они сражались, хотя, казалось, вышли просить. Это значит, что они вышли не просить, а требовать.

Петербургский пролетариат проявил политическую восприимчивость и революционную энергию, далеко выходящие за пределы того плана, который был дан его героическим, но случайным вождем.

В плане Георгия Гапона было много революционной романтики. Этот план рухнул 9 января. Но не романтика, а живая реальность—революционный пролетариат Петербурга. И не только Петербурга. По всей России прошла грандиозная волна. И она еще далеко не улеглась... Достаточно было толчка, чтобы пролетарский кратер изверг из себя реки революционной лавы...

Пролетариат восстал. Он использовал для этого случайный повод—исключение двух рабочих, случайную организацию—легальное «Русское общество» и случайного вождя—самоотверженного священника. Достаточно оказалось этого для того, чтобы восстать. Но этого было недостаточно для того, чтобы победить.

Чтобы победить, необходима не романтическая тактика, опирающаяся на призрачный план, а тактика революционная. Необходимо подготовить одновременное выступление пролетариата по всей России. Это первое условие. Никакие местные демонстрации не могут уже теперь иметь серьезного политического значения. После петербургского восстания должно иметь место только всероссийское восстание. Разрозненные вспышки будут только безрезультатно сжигать драгоценную революционную энергию. Разумеется, по-

сколько они возникают самопроизвольно, как запоздалый отголосок петербургского восстания, они должны быть энергично использованы для революционизирования и сплочения масс и для популяризации в их среде мысли о всероссийском восстании, как о задаче ближайших месяцев, может быть недель. Эта мысль, сделавшись достоянием масс, уже сама по себе способна концентрировать их боевую энергию, удерживать от партизанских вспышек, с одной стороны, и учить на опыте революционных вспышек делу революционного сплочения—с другой.

Здесь не место говорить о технике народного выступления. Вопросы революционной техники могут ставиться и решаться лишь практически—под живым давлением борьбы и при непрестанном общении всех активных работников партии. Но несомненно, что вопросы революционно-технической организации выступления масс получают теперь колоссальное значение. К этим вопросам события призывают коллективную мысль партии.

Здесь можно лишь попытаться вопросы революционной техники установить в надлежащие политические перспективы.

Прежде всего мысль останавливается перед вопросом о вооружении. Петербургские пролетарии проявили громадный героизм. Но этот невооруженный героизм толпы оказался неспособен противостоять вооруженному идиотизму казармы. Значит, для победы необходимо, чтоб революционный народ стал вооруженным народом. В этом ответе скрывается, однако, внутреннее противоречие. Для вооружения народа недостаточно тех конспиративных «арсеналов», которыми может располагать революционная организация. Пусть эта последняя вооружает отдельных рабочих, непосредственно с нею связанных,—она сделает полезное дело. Но отсюда до вооружения масс так же далеко, как от индивидуальных убийств до революции. Пусть та или другая группа рабочих овладеет оружейной лавкой,—очень хорошо, но совершенно недостаточно для вооружения народа. Обильные запасы оружия имеются только в государственных арсеналах, т.-е. в распоряжении нашего прямого врага, и состоят под охраной той самой армии, против которой должны быть направлены. Для того, чтобы овладеть оружием, нужно преодолеть сопро-

тивление армии. Но ведь именно для этого-то и нужно оружие. Это противоречие разрешается, однако, в самом процессе столкновения народа с армией. Революционная масса подчиняет себе часть или частицу армии,—это уже громадное завоевание. Дальше вооружение народа и «деморализация» войска пойдут неудержимо вперед, подталкивая друг друга. Но как будет достигнута первая победа над частицей армии?

Тысячи кратких, но выразительных воззваний, которые из окон осыпают солдат по пути их следования к месту «военных действий»; страстные слова баррикадного оратора, пользующегося хотя бы минутной нерешительностью военного начальства, и могучая революционная пропаганда самой толпы, воодушевление которой в возгласах и призывах передается солдатам. Меж тем солдаты уже подготовлены общим революционным настроением, они гнушаются своей ролью палачей, раздражены, устали. И вот они ждут с трепетом и злобой команды офицера. Офицер приказывает открыть огонь,—но его самого скашивает выстрел, может быть по заранее условленному плану или же под влиянием минутного озлобления. В войске происходит замешательство. Этим моментом пользуется народ, чтобы войти в ряды солдат и лицом к лицу убедить их перейти на свою сторону. Если солдаты по команде офицера дают залп, то в ответ из окон домов в них бросают динамитные бомбы. В результате опять-таки расстройство военных рядов, замешательство солдат и тут же попытка со стороны революционеров посредством воззваний или путем смешения народа с солдатами убедить войско бросить оружие или перейти с оружием на сторону народа. Неудача в одном случае отнюдь не должна отпугивать от повторения тех же средств устранения и убеждения в других случаях, хотя бы по отношению к тем же частям войска. В конце концов моральное влияние военной дисциплины, мешающее солдатам поступить так, как им подсказывают ум и чувство, таким образом будет сломлено. Такая комбинация морального и физического воздействия, неизбежно ведущая к частичной победе народа, требует не столько предварительного вооружения масс, сколько внесения организованности и целесообразности в ее улич-

ные движения,—и в этом именно главная задача революционных организаций. С частицей армии мы подчиним себе ее часть, а с частью и целое, потому что победа над частью армии даст народу оружие, а всеобщая воинская повинность сделала то, что в толпе всегда найдется достаточное количество людей, способных сыграть роль военных инструкторов. Оружие новейшего образца так же способно служить делу революции в руках народа, как оно служит делу реакции в руках дисциплинированной армии. И мы еще наднях только имели случай видеть, что царская пушка, направленная надлежащей рукой, палит шрапнелью по Зимнему дворцу.

Недавно один английский журналист, г. Arnold White, писал: «Если бы Людовик XVI обладал батареями пушек Максима, французская революция не произошла бы»²⁶). Какой претенциозный вздор измерять исторические шансы революций калибром ружей и пушек! Как будто ружья и пушки управляют людьми, а не люди ружьями и пушками. Победоносная русская революция в числе сотни других предрасудков разрушит и это нелепо-суеверное почтение пред маузеровскими ружьями, якобы диктующими законы самой истории.

И во время Великой Французской Революции, и в 48 году армия, как армия, была сильнее народа. Революционная масса побеждала не превосходством своей военной организации или военной техники, но своей способностью заражать национальную атмосферу, которой ведь дышит и армия, бациллами мятежных идей. Конечно, для хода и исхода уличных сражений имеет значение, бьет ли ружье на несколько сот сажен или на несколько верст, убивает ли оно одного или пронизывает целый десяток,—но все же это лишь подчиненный вопрос техники по сравнению с основным вопросом революции—вопросом деморализации солдат. «На чьей стороне армия?»—вот вопрос, который решает все и который в свою очередь вовсе не решается устройством винтовок и митральез.

На чьей стороне армия? Петербургские рабочие 9 января поставили этот вопрос в «действии» колоссального масштаба. Они заставили петербургских гвардейцев пред лицом всей

страны демонстрировать свое назначение и свою роль. Демонстрация вышла страшной по своей ясности и неотразимой поучительности. Гвардия победила. Но Николай II имеет право сказать: «Еще такая победа,—и я останусь без армии».

Петербургские полки вообще, гвардейские в особенности — специально подобраны и специально дрессированы. Другое дело провинция: там армия несравненно более «демократична». А для успеха революции вовсе нет необходимости, чтобы на сторону ее перешла вся армия вместе с гвардейскими полками. Еще меньше необходимости в том, чтобы первый пример революционного братания с народом подали петербургские полки. Петербург вовсе не сосредоточивает у нас политической энергии всей нации в такой мере, как в свое время Париж, Берлин или Вена. Наша провинция развивала в последние дни и отчасти еще развивает сегодня — к несчастью, разрозненно — такую революционную работу, которой хватило бы 50—100 лет назад на десяток наций. Хозяйственная роль пролетариата, творца русской революции, сообщает провинции то значение, которого она не имела и не могла иметь в Европе во время мелко-буржуазных, по своему персоналу, революций XVIII и XIX вв.⁶⁷) Достаточно одного примера. Сибирский союз нашей партии вчера еще мог казаться случайной организацией, которой в близком будущем не предстоит никакого влияния. Но сегодня он путем стачки железнодорожных рабочих обрывает сообщение страны с театром военных действий и приводит в содрагание весь правительственный аппарат.

Наш Юг — неиссякаемый вулкан революционной лавы. А Польша? Кавказ? Северо-Западный край? Финляндия? Если даже допустить, что путем дальнейшего искусственного отбора и действия алкоголя (неизбежный рецепт во время всех революций) петербургские полки будут неизменно сохранены для дела кровавой репрессии, что столица будет превращена в укрепленный лагерь, у ворот каждой фабрики будет поставлено по пушке, у застав — по батарее, если, одним словом, допустить, что осуществится «план» Владимира Романова, остается все же несомненным, что Петербург будет со всех сторон охвачен огненным кольцом революции. Чем и как помогут гвардейцы, когда в Москве или на Юге

образуется Временное Правительство, первым актом которого будет радикальная реорганизация армии? Владимир пошлет гвардию против провинции? Но для этого гвардия слишком ничтожна. Наоборот, во время прежних революций войска всегда стягивались из провинции в столицу. Если направить гвардию против Временного Правительства, кто будет охранять Зимний дворец от петербургского пролетариата, который можно обескровить, разделить, связать, но который нельзя раздавить или раз навсегда утратить?

Г. Arnold White решил, что Людовику XVI для спасения абсолютизма нехватило только дальнобойных орудий. Князь Владимир, который в Париже, кроме домов теримости, изучал еще и административно-военную историю Великой Революции, сделал тот вывод, что старая Франция была бы спасена, если б правительство Людовика без замешательства и колебаний подавляло все зародыши революции и освежало народ Парижа смелыми и широко организованными кровопусканиями. Как это делают, августейший алкоголик показал 9 января. Стоит его опыт санкционировать, возвести в систему, распространить на всю страну,—и самодержавие увековечено. Какой простой рецепт! Неужели же в правительстве Людовика XVI, Фридриха Вильгельма IV или Иосифа II не было ни одного негодяя, который настаивал бы на плане, извлеченном ныне Владимиром Романовым из опыта французской революции? Конечно, в такого рода спасителях недостатка не было. Но революционное развитие так же мало может определяться волей таких кровожадных кретин, как и диаметром пушечного жерла. Диктатор, несущий на конце меча спасение старого режима, неизбежно запутывается в петлях, раскиданных гением революции. Пушки, ружья и шашки—отличные слуги порядка, но их должно приводить в движение. Для этого нужны люди. Хотя эти люди называются солдатами, но, в отличие от пушек, они и чувствуют и думают. Значит, это ненадежная опора. Они колеблются, заражают нерешительностью своих командиров, а это рождает разложение и панику в рядах высшей бюрократии. Диктатор не встречает нравственной поддержки, наоборот, наталкивается ежеминутно на препятствия, вокруг него создается сеть противоречивых влия-

ний и внушений, приказы отдаются и отменяются, замешательство растет, деморализация правительства расплывается все шире и глубже и питает собою самоуверенность народа...

Рядом с вопросом о вооружении выступает вопрос о формах уличной борьбы. Какую роль сыграет или может сыграть у нас баррикада? Но прежде всего—какую роль играла баррикада в революциях старого образца?

1. Баррикада служила для рассеянной революционной массы концентрационным пунктом.

2. Баррикада вносила в хаотическую массу элементы организации тем, что ставила задачу: на данном месте защищаться от войск.

3. Баррикада задерживала движение солдат, приводила их в общение с народом и тем деморализовала их.

4. Баррикада служила прикрытием для борцов.

В настоящее время баррикада гораздо беднее влиянием. В лучшем случае она еще сохранила значение физического препятствия, позволяющего массе на минуту—другую прийти в общение с солдатами. Мобилизационного и организационного значения баррикада иметь почти уже не может. Рабочую массу мобилизует стачка, организует—во-первых, фабрика, во-вторых, революционная партия. Старый баррикадный боец был вооружен живым словом к солдатам и ружьем, как последним аргументом. Нынешний революционер будет чаще вооружен печатным воззванием и, по крайней мере на первых порах, динамитом. Как тем, так и другим удобнее пользоваться из окна второго или третьего этажа, чем из-за баррикады.

Но довольно об этом. Все эти вопросы должны, как мы уже сказали, решаться революционными организациями на местах. Это, конечно, лишь служебная работа по отношению к политическому руководству массой. Но теперь без этой работы немислимо самое политическое руководство. Техническая организация революции является на ближайший период осью политического руководства восставшей массой.

Что же нужно для такого руководства? Несколько очень простых вещей: свобода от организационной рутин и жалких традиций конспиративного подполья; широкий взгляд;

смелая инициатива; способность оценить положение; еще раз смелая инициатива.

Революционное развитие дали нам петербургские баррикады 9 января. Ниже этого мы уже не можем спустаться. От этого этапа мы должны исходить, чтобы двигать революцию вперед. Политическими выводами и революционными завоеваниями восстания петербургских рабочих мы должны пропитать нашу агитационную и организационную работу.

Русская революция, которая уже началась, подходит к своему кульминационному моменту: всенародному восстанию. Организация этого восстания, от которого зависит судьба революции на ближайшее время,—основная задача нашей партии.

Никто не выполнит этой задачи, кроме нас. Священник Гапон мог появиться однажды. Для того, чтобы совершить то дело, которое он совершил, нужны были те исключительные иллюзии, которые его увлекали. Но и он мог оставаться во главе масс только короткое время. Революционный пролетариат будет всегда хранить память священника Георгия Гапона. Но его память останется памятью одинокого, почти легендарного героя, открывшего шлюзы революционной стихии. Если бы теперь и выступила вторая фигура, равная Гапону по энергии, революционному энтузиазму и по силе политических иллюзий, ее появление было бы запоздалым. То, что в Георгии Гапоне было великим, могло бы теперь оказаться смешным. Второму Гапону нет места, ибо то, что теперь нужно,—это не огненные иллюзии, а ясное революционное сознание, отчетливый план действий, гибкая революционная организация, способная дать массам лозунг, вывести их на поле действий, ударить наступление по всей линии и довести дело до победоносного конца.

Такую организацию может дать только социал-демократия. И никто кроме нее. Никто не даст массе революционного лозунга, ибо никто вне нашей партии не свободен от каких бы то ни было других соображений, кроме интересов революции. Никто, кроме социал-демократии, не способен организовать выступление массы, ибо никто не связан с этой массой, кроме нашей партии.

Наша партия делала много ошибок, грехов, почти преступлений. Она колебалась, уклонялась, останавливалась, проявляла нерешительность и косность. Подчас она тормозила революционное движение.

Но нет революционной партии, кроме социал-демократии!

Наши организации несовершенны. Наша связь с массами недостаточна. Наша техника примитивна.

Но нет связанной с массами организации, кроме социал-демократии!

Во главе революции идет пролетариат. Во главе пролетариата идет социал-демократия!

Сделаем все, что можем, товарищи! Вложим все, всю страсть в наше дело. Ни на минуту не будем забывать, какая ответственность лежит на нашей партии: ответственность перед русской революцией, перед международным социализмом.

Пролетариат всего мира смотрит на нас с ожиданием. Великие перспективы открывает пред человечеством победоносная русская революция. Товарищи, выполним наш долг!

Будем собирать наши ряды, товарищи! Будем объединять и объединяться! Будем готовиться сами и готовить массу к решительным дням восстания! Ничего не упустим из виду. Ни одной силы не оставим без пользы для дела.

Честно, мужественно и согласно пойдем мы вперед, связанные нерасторжимым единством, братья по революции!

Крестьяне, к вам наше слово:

Страшное время переживает теперь наша родина. Над всей страной висит черная туча народного горя. Все беды и несчастья, как бы по уговору, собрались над головой русского народа. Стонет, задыхается народ... А туча над ним собирается все гуще и гуще... Где выход? Где путь к вольной, счастливой жизни?

Черные дни переживает теперь русское крестьянство. Светлых дней оно, правда, никогда не видало. Всегда оно жило в рабстве, в кабале, в угнетении. Всегда перед ним стоял призрак голодной смерти, всегда над крестьянством висел кнут неволи. Испокон веков согнута дугой спина крестьянская, глаза не видят солнца ясного, тело крестьянское покрыто кровавыми струпиями... Страдал ли еще кто-нибудь на земле так, как русское крестьянство? Горе и ужас, ужас и горе!.. Но и крестьянство давно уже не знало такой долины, как нынешняя. Оглянитесь на себя, крестьяне! Посмотрите на свои избы, на свои семьи! Разве вы живете жизнью, достойной свободных людей? Нет, вы рождаетесь, живете и умираете, как рабы, как невольники!

Да вы и впрямь рабы и невольники! Или, может быть, вы скажете, что вы—свободные люди? Говорят, что 19 февраля 1861 года правительство освободило крестьян от крепостной зависимости и сделало их свободными земледельцами. Ложь это! Крестьяне как были крепостными, так ими и остались!

Слушайте, крестьяне!

У одного мелкого помещика было 10 крепостных, у другого—15, у третьего—20. Явился богатый и властный помещик и сказал мелкопоместным: я покупаю у вас в полную собственность всех ваших крестьян. Вам выплачу

их полную стоимость. Крестьяне будут служить мне и приносить доход, а вы будете надзирать за ними, строго и неуклонно, как надзирали за своими собственными. За это вы будете получать от меня богатое содержание.

Можно ли сказать, что богатый помещик освободил крестьян? Только глупец или лжец так скажет. Но правительство наше поступило именно так, как этот богатый помещик. Оно не освободило крестьян, а купило их у дворян в свою полную собственность. Оно заплатило за них из государственной казны выкупные платежи. Правительство и помещик делали вид, будто выкупные платежи выдаются только за землю, которая отошла крестьянам. Но на самом деле платежи были рассчитаны так, чтобы в них входил и выкуп за крестьянские души.

Теперь, когда прошлого не воротишь, чиновничья братия откровенно признается в этом. Недавно Витте, бывший министр финансов, а ныне председатель комитета министров, напечатал свою книжку о положении крестьян⁸³), в которой открыто признает, что правительство не освободило крестьян, а выкупило у помещиков.

Но на чей счет выкупило?

Разумеется, на счет самих крестьян. Их оно прикрепило к себе, связало тройным узлом, взвалило на них выкупные и оброчные платежи, натуральные повинности, всевозможные налоги и поборы.

А помещичью палку заменило чиновничьей. И с тех пор живут «освобожденные» крестьяне на каторжных работах. Правительство — начальник каторжной тюрьмы, дворяне-чиновники—это тюремные надзиратели и часовые, а крестьяне всей России—это бессрочные каторжане...

Так самодержавное правительство освободило крестьян 19 февраля 1861 г. Сорок четыре года, один чернее другого, прошло с тех пор. Страшно оглянуться на это время... Много счастливых дней знал ты, свободный крестьянин? Счастливых часов? счастливых минут? Голод и тьма, позор и поношение—вот что окружало тебя. Земли мало—да и той засеять нечем. Что взойдет—все съедят подати и налоги. Земля истощена. Неурожай следует за неурожаем. Голодает крестьянин, голодает жена, чахнут с голоду малые

дети. Покидают крестьяне свои избы, бродят по Руси, ищут работы. Исхудалые, оборванные, без пристанища... Горе и ужас, ужас и горе!..

...И настал проклятый 1904 год, и открылась война с Японией. Крестьяне! Сделали вы какое-либо зло японцам? Или японцы, может быть, вам причинили какую обиду? Нет, до начала войны вы не слышали, может быть, самого имени японцев. И вот кто-то наверху, далеко, далеко от вас, решил, что нужна война. Зачем? Сумеет ли кто-нибудь из вас, крестьяне, ответить на этот вопрос? Зачем? Вы не знаете. Вас не спрашивали. И тем не менее на вас наложили все тяготы войны. Самодержавное правительство—зачинщик и виновник войны. Ваша же задача, крестьяне, простая: платить и умирать. Сотни тысяч запасных отрываются от хозяйства, от семей, от стариков родителей, от беззащитных детей. Вот уже год тянется бессмысленная кровавая бойня—и не видать ей конца. Война съела за этот год, по крайней мере, полтора миллиарда рублей. Полтора миллиарда. Миллиард—это тысяча миллионов. Миллион—это тысяча тысяч. Полтора миллиарда! А народ в нищете и в темноте. Полтора миллиарда—это твой трудовой пот и твоя кровь, крестьянин!

Война поглотила за этот год около двухсот тысяч жизней. Двести тысяч молодых жизней, поильцев и кормильцев, погибло ни за что. Страшно вымолвить: двести тысяч! Это твоя родная плоть и твоя кровь, крестьянин!

Крестьяне! Доколе терпеть? Не пора ли сказать: довольно! не хотим больше жизни рабов, хотим жить, как свободные и счастливые люди! Не вы первые начнете борьбу за лучшую долю—смотрите: городские рабочие давно уже ведут смелую борьбу с народными врагами. Всюду и везде, где есть фабрики и заводы, там под стук и грохот машин бьется честное рабочее сердце и горит желанием свободы и счастья для всего угнетенного народа. Все шире и шире становится рабочая рать. Смелее и смелее становятся воители великого народного дела.

Слышали ли вы, крестьяне, что было в Петербурге 9 января настоящего 1905 г.? Это был великий день, крестьяне! Рабочие всего Петербурга, всех фабрик, заводов и

мастерских открыто высказали все нужды и требования русского народа. Не должно быть ни крестьянского, ни дворянского сословия: все должны быть равны в своих правах. Великооруссы и малороссы, поляки и евреи, все должны быть равны в своих правах.

Православные и раскольники, католики и штундисты, все имеют право исповедывать свою веру и все должны быть равны в своих правах.

Так заявили петербургские рабочие. Но это не все. Всему народу необходимо бесплатное образование. Налоги должны быть перенесены на богатых: платить тем больше, чем выше доходы. Фабричным, заводским и ремесленным рабочим необходим восьмичасовой рабочий день. Крестьянам необходима земля. Нужно уничтожить гнет и произвол чиновников. Нужно прекратить войну, которая терзает русский народ. Так заявили петербургские рабочие. Правду они заявили или нет? Найдется ли хоть один крестьянин, который скажет: нет, неправду сказали рабочие! Нет среди вас такого человека, крестьяне, а если найдется, то выбросьте его из своей среды, ибо он изменил народному делу.

Петербургские рабочие перечислили все требования народа, ничего не забыли, а затем прибавили: кто же излечит наши раны? кто удовлетворит наши нужды? Министры, губернаторы, исправники, земские начальники, т.-е. чиновники? Нет, не верим мы им. Они враги народа. Они дают народ. Они грабят его. Они проливают его кровь. Поручить им разрешение народных нужд все равно, что поручить стае волков заботу об овцах: одни кости останутся от овец после волчьих забот.

Вам ли не знать этого, крестьяне? Сам народ должен прийти к себе на помощь, заявили петербургские рабочие. Весь народ—дворянин и крестьянин, купец и рабочий, русский и еврей, мужчина и женщина, должны послать своих представителей, своих доверенных людей в Учредительное Собрание. Помните, крестьяне, эти два слова: Учредительное Собрание. Вот это-то Всенародное Учредительное Собрание и учредит в России новые порядки, создаст справедливые законы и удовлетворит народные нужды. Не

чиновники, а излюбленные народом люди! Так порешили петербургские рабочие.

И мы опять спрашиваем: пусть встанет кто-нибудь из крестьян и заявит: нет, худо решили петербургские рабочие, не нужно нам новых порядков, не нужно Народного Учредительного Собрания, хотим и впредь, как и до настоящего дня, оставаться под властью дворян-чиновников. Кто так заявит, тому имя Каин!

Все свои требования петербургские рабочие записали в петиции, т.-е. в одном общем заявлении. И порешили: идти в воскресенье 9 января, в два часа дня, всем рабочим к царскому дворцу, вызвать царя к себе и сказать ему: «Царь! Смотри, вот народ твой. Он угнетен, он голоден. Он бесправен. Он страдает. Его тело, его душа покрыты ранами. Он не может так дальше жить. Он задыхается. Народ хочет свободы и счастья. Царь, не отворачивайся от народа! Приди ему на помощь! Повели созвать Учредительное Собрание из доверенных людей народа! Иначе погибнет твой народ!»

Так зывали и писали петербургские рабочие. Двести тысяч человек направились утром 9 января со всех концов Петербурга к Зимнему дворцу. С рабочими шел честный молодой священник Георгий Гапон. Он стоял за рабочих. Среди множества жадных петербургских попов нашелся один лишь бескорыстный друг народа. Он взял с собой царский портрет, иконы и хоругви. Гапон хотел этим показать, что рабочие мирно и спокойно идут ко дворцу. Как же поступил царь? Как ответил он петербургским рабочим? Слушайте, слушайте, крестьяне, как разговаривал царь со своим народом!

Внимайте, граждане, дабы раз навсегда была вам известна любвеобильная речь царей!

Все петербургские войска были подняты на ноги. Пехота и кавалерия были приведены в движение. Ружья были заряжены боевыми патронами, а в укромных местах были поставлены дальнобойные пушки. Для чего это?—спросите вы. Разве ожидалось 9 января нападение японцев на царскую столицу? Нет, крестьяне, это русский царь снарядился разговаривать со своими подданными. Это велико-

душный государь готовил своему народу поистине царскую встречу.

Двести тысяч рабочих тянулись ко дворцу.

Они нарядились в свои воскресные платья, седовласые старцы и юноши; жены шли рядом со своими мужьями, отцы и матери вели за руки малых детей. Это народ шел к своему царю.

Слушайте, слушайте, крестьяне! Каждое слово должно врезаться в ваши души неизгладимыми чертами.

Все улицы и заставы, по которым должны были проходить мирные рабочие, оказались заняты войсками.

Пустите нас к царю!—просили рабочие. Старики становились на колени. Просили женщины и просили дети!

Пустите нас к царю! Хотим видеть царя. Хотим изложить ему наши кровные нужды!

И тут свершилось!

Грянул пушечный залп... и один, и другой, и третий⁴⁰)... Всюду во всех концах Петербурга беспрерывно раздавались выстрелы... Стоном стонала столица. Кровью рабочих окрасился снег. Пали десятки, сотни, тысячи. На смену злодейке пуле приходила казацкая пика. Трупы мужчин и женщины покрыли улицы. Дети, маленькие дети обозначили своими маленькими тельцами поле битвы...

Несколько тысяч рабочих было убито и ранено... За что? За то, что несли царю крик своей души.

Так было в Петербурге 9 января 1905 г.

В ужасе застыла толпа... Вот как встречает нас царь! Вот как отвечает он на стоны нашего народного горя! Мы шли к нему с доверием, как дети к отцу, а он нашел для нас лишь свинец да сталь! Проклятье Николаю Второму, кровавому!

«У нас нет царя»,—заявил благородный священник Гапон. Между царем и народом протекла река народной крови! И Гапон проклял пастырским проклятием кровавого царя и все его августейшее змеиное отродье!

Крестьяне! Много есть среди вас людей, которые верят, что царь желает добра народу, что он не знает правды, ибо чиновники обманывают его. Царь желает добра народу... Но если так, то почему он не вышел к народу, почему он 8 ян-

варя, как жалкий трус, бежал из Петербурга в Царское Село и передал всю власть в руки великого князя Владимира, обещавшего рабочей кровью залить столицу? А через несколько дней этот преступник-царь открыто заявил — и слова его напечатаны, — что он и впредь будет так же поступать с рабочими, если они захотят лучшей доли...

Крестьяне! 9 января царь показал всем и каждому, что он заклятый враг народа. Царь и его чиновники едино суть. Царь при помощи чиновников, чиновники под покровительством царя грабят, давят, топчут и терзают народ. В ком душа, а не камень, тот должен теперь подхватить клич петербургских рабочих: Долей разбойничье царское правительство! Да здравствует народное правительство! Да здравствует Учредительное Собрание!

Крестьяне! Довольно вам молчать! Настала пора всем честным крестьянам поднять свой голос и присоединиться к городским рабочим, которые борются не только за свои, но и за ваши права! Есть у нас подлые, враждебные народу газеты, как «Московские Ведомости», «Гражданин», «Новое Время», «Свет» и «Знамя». Газеты эти теперь изо дня в день повторяют, что только рабочие да студенты хотят новых порядков, крестьяне же всем довольны и потому молчат. Крестьяне, вы должны заявить, что это ложь! Вы должны словом и делом поддержать городских рабочих. — Прежде всего рассказывайте всем и каждому, как царь поступил с петербургскими рабочими. Из села в село, из деревни в деревню распространяйте эту ужасную весть. Не должно остаться ни одного человека в стране, который не знал бы, чего хотели петербургские рабочие, и за что они своей кровью напоили снег! Теперь попы по церквам, по приказу начальства, лгут и клеветают на петербургских рабочих. Нужно словам лжи безобязательно противопоставить слова правды. Слышите, крестьяне! Это обязанность каждого честного человека! Пусть каждый из вас поклянется памятью погибших петербургских братьев, что честно исполнит эту обязанность!

Крестьяне! Собирайте мирские сходы и присоединяйтесь к требованиям петербургских рабочих. Заявляйте открыто о необходимости созвать Учредительное Собрание, свободно

выбранное всем народом. Постановления свои передавайте в города для напечатания в листках и в газетах. Пусть знают и друзья и враги, что крестьянство стоит за одно с городскими рабочими.

Крестьяне! Заявляйте на сходах, что солдаты, дети народа, живущие на счет народа, не смеют стрелять в народ. Рассылайте такие заявления всем солдатам вашего села. Каждый солдат должен знать, что в родном селе его ждут общие проклятия, если он руки свои обagrит народной кровью.

Крестьяне! Постановляйте на сходах, что вы отказываетесь платить царскому правительству подати и налоги и нести натуральные повинности. Посылайте своих людей из села в село, сговаривайтесь целыми уездами и губерниями. Ни гроша царскому правительству! Народ отказывается содержать своих палачей! Давайте знать обо всех ваших действиях в соседние города вашим братьям-рабочим. Они поддержат вас и советом и делом. Сговаривайтесь с ними, действуйте сообща. Когда вы заявите отказ от уплаты податей, против вас пришлют из города войска. Тогда в городе поднимутся рабочие, встанут на вашу защиту, как один человек, и власти будут разрываться на части, не зная, где потушить пожар.

Крестьяне! Нужно, чтобы этот пожар загорелся одновременно по всей России, и тогда не потушит его никакая сила. Такой всенародный пожар называется революцией!

9 января петербургские рабочие, после кровавой царской встречи, начали революцию. Они вступили на улицы в борьбу с царскими войсками, провозгласили смерть царскому правительству. Рабочие всей России пришли на помощь своим петербургским братьям. То в одном, то в другом городе рабочие бросают работу. Они требуют прекращения войны и созыва Учредительного Собрания, свободы и счастья для всего народа. Смело выступают рабочие, зверски отвечает им правительство. Широкой рекой льется рабочая кровь. В Варшаве, Лодзи, Риге и других местах тысячами полегли борцы за народное дело. Нет счета жертвам! Нет конца жестокостям царского правительства! Нет предела смелости и героизму борьбы!

Крестьяне! Слава павшим! Не за свое личное дело—за наше общее дело пали они! Подымайтесь, крестьяне! Присоединяйтесь к рабочим! Они надеются на вашу помощь и ждут вас! Рабочие готовятся в самом скором времени выйти одновременно во всей стране на последний решительный бой с вражьей силой царского правительства. Готовьтесь и вы к этому бою, крестьяне! Сговаривайтесь, соединяйтесь, вооружайтесь! Когда начнется в соседних городах решительная борьба, снимайтесь с места целыми селами и деревнями и направляйтесь в города. Заполняйте городские улицы, поддерживайте ваших братьев—городских рабочих!

Крестьяне! Когда вы присоединитесь к городским рабочим, ничто не устоит против такой силы. Ваш союз означает победу революции. А победа революции означает свободу и лучшую долю для всего народа.

Центральный Комитет Р.С.-Д.Р.П. ⁶⁰

1 Типография Центрального Комитета.

Товарищи рабочие!

9 июля истекает полгода после того дня, когда царь России разговаривал с рабочими Петербурга. 9 января мы шли к Зимнему дворцу. Мы шли к царю. Мы нарядились в наши воскресные платья. Мы вели за руки наших детей. Старики и жены шли рядом с нами. Мы несли царю нашу мольбу, нашу жалобу, наши раны, наши язвы. Мы просили его помощи. Мы надеялись на него. Мы умоляли его выйти к нам и выслушать нас. Мы обещали ему нашу охрану.

Братья-товарищи! Пулей и штыком приветствовал нас царь. Казацкой плетью он встретил нашу надежду и на наше доверие ответил предательским убийством. Много вдов и сирот прибавилось в страшный день 9 января в Петербурге. Память об этом дне заповедуем детям и внукам нашим. Да будет проклят царь-палач из рода в род!

Рабочие Петербурга! 9 июля исполняется полгода после январской встречи царя с народом. Почтим в этот день память наших погибших братьев, превратим смиренные панихиды в открытое чествование павших товарищей-борцов за рабочее дело.

Мы, рабочие, соберемся в день 9 июля, где сможем, чтобы единодушно заявить, что мы не забыли Кровавого Воскресенья, не забыли тех требований, за которые проливали свою кровь. Пусть снова по всему Петербургу и за ним по всей России раздастся клич: Долой войну! Мы требуем созыва Учредительного Собрания, избранного всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием.

Мы соберемся, чтобы послать братский привет борцам-рабочим Лодзи, Варшавы и Одессы. Мы соберемся, чтобы приветствовать героев-матросов броненосца «Потемкин», который послужил делу революции.

В день 9 июля мы подсчитаем наши ряды и совместно выработаем план действий для дальнейшей борьбы за наше великое дело.

Братья-товарищи! Рабочие Петербурга! Помните о 9 января! Готовьтесь к 9 июлю! Слава павшим героям!

Да здравствует смелая пролетарская борьба!

Петербургская группа Р.С.-Д.Р.П. «).

9-ое января *).

Стрелецкий голова.

Великий государь,
Народа мы не можем удержать,—
Врываются насильно, голоса:
„Хотим царю Борису поклониться,
Царя Бориса видеть“.

Борис.

Настежь двери:
Между народом русским и царем
Преграды нет.

(А. Толстой, „Царь Борис“).

I.

«Государь, мы, рабочие, дети наши, жены и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильными трудами, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают все дальше - в омут нищеты, бесправия и невежества. Нас душит деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь! Настал предел терпению; для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук».

Такими торжественными нотами, в которых угроза пролетариев заглушает просьбу подданных, начиналась знаменитая петиция петербургских рабочих⁶²⁾. Она рисовала все притеснения и оскорбления, которым подвергается народ. Она перечисляла все: от сквозняков на фабриках и до по-

*) Настоящий очерк является главой из книги т. Троцкого „1905“, вышедшей первым советским изданием в 1922 г.

литического бесправия в стране. Она требовала амнистии, публичных свобод, отделения церкви от государства, восьмичасового рабочего дня, нормальной заработной платы и постепенной передачи земли народу. Но в первую голову она ставила созыв Учредительного Собрания путем всеобщего и равного голосования.

«Вот, государь,—так заканчивала петиция,—главные наши нужды, с которыми мы пришли к тебе. Повели и поклянись исполнить их—и ты сделаешь Россию сильной и славной, запечатлеешь имя твое в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не позволишь, не отзовешься на нашу мольбу,—мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем. У нас только два пути—или к свободе и счастью, или в могилу. Укажи, государь, любой из них,—мы пойдем по нему беспрекословно, хотя бы и был путь к смерти. Пусть наша жизнь будет жертвой для пострадавшей России. Нам не жалко этой жертвы—мы охотно принесем ее».

И они принесли ее.

Рабочая петиция не только противопоставляла расплывчатой фразеологии либеральных резолюций отточенные лозунги политической демократии, но и вливала в них классовое содержание своими требованиями свободы стачек и восьмичасового рабочего дня. Ее историческое значение, однако, не в тексте, а в факте. Петиция была только введением к действию, которое объединило рабочие массы призраком идеальной монархии,—объединило для того, чтобы тотчас же противопоставить пролетариат и реальную монархию, как двух смертельных врагов.

Ход событий в памяти у всех. Они развернулись в несколько дней с замечательной планомерностью. 3 января вспыхнула забастовка на Путиловском заводе. 7 января число забастовщиков достигло 140.000. Кульминационным пунктом стачки было 10 января. 13-го уже начали приступать к работам. Итак, сперва экономическая стачка по случайному поводу. Она расширяется, захватывает десятки тысяч рабочих и тем самым превращается в политическое событие. Ею руководит «Общество фабричных и заводских рабочих», организация полицейского происхождения. Радикалы, бан-

кетная политика которых уперлась в тупик, сгорают от нетерпения. Они недовольны чисто экономическим характером стачки и толкают ее вожда, Гапона, вперед. Он вступает на путь политики и находит в рабочих массах такую бездну недовольства, озлобления и революционной энергии, в которой совершенно утопают маленькие планы его либеральных вдохновителей. Выдвигается социал-демократия. Враждебно встреченная, она вскоре приспособляется к аудитории и овладевает ею. Ее лозунги подхватываются массой и закрепляются в петиции.

Правительство исчезает. Где причина этого? Коварная провокация? Или жалкая растерянность? И то и другое. Бюрократы в стиле князя Святополка тупоумно растерялись. Шайка Трепова, торопившаяся положить конец «весне» и потому сознательно шедшая навстречу бойне, дала событиям развиваться до их логического конца. Телеграф с полной свободой оповещал весь мир о каждом этапе январской стачки. Парижский консьерж знал за три дня, что в Петербурге, в воскресенье 9 января, в два часа дня будет революция. А русское правительство не ударило пальцем о палец, чтобы предотвратить бойню.

При одиннадцати отделах рабочего «Общества» шли непрерывные митинги. Выработывалась петиция и обсуждался план шествия ко дворцу. Гапон разъезжал из отдела в отдел, социал-демократические агитаторы потеряли голоса и падали от усталости. Полиция ни во что не вмешивалась. Ее не существовало.

Согласно уговору, шли ко дворцу мирно, без песен, без знамен, без речей. Нарядились в праздничные платья. В некоторых частях города несли иконы и хоругви. Всюду натыкались на войска. Умоляли пропустить, плакали, пробовали обойти, пытались прорваться. Солдаты стреляли целый день. Убитые исчисляются сотнями, раненые—тысячами. Точный учет невозможен, ибо полиция ночью увозила и тайно зарывала трупы убитых.

В 12 часов ночи 9 января Георгий Гапон писал:

«Солдатам и офицерам, убивающим невинных братьев, их жен и детей, всем угнетателям народа—мое пастьерское проклятие. Солдатам, которые будут помогать народу добывать»

ся свободы,—мое благословение. Их солдатскую клятву изменнику-царю, приказавшему пролить невинную кровь, разрешаю»...

История использовала фантастический план Гапона для своих целей—и Гапону оставалось только своим авторитетом священника санкционировать ее революционный вывод.

11 января в заседании Комитета министров безвластный тогда г. Витте предложил обсудить происшедшие 9 января события и меры «для предупреждения на будущее время таких печальных явлений». Предложение г. Витте было отклонено, как «не входящее в компетенцию Комитета и не означенное в повестке настоящего заседания». Комитет министров прошел мимо начала русской революции, так как русская революция не была записана в повестке его заседания.

II.

Те формы, какие приняло историческое выступление 9 января, разумеется, ниже не могли быть предвидены. Священник, которого история такими неожиданными путями поставила на несколько дней во главе рабочей массы, наложил на события печать своей личности, своих воззрений, своего сана. И эта форма скрывала от многих глаз действительное содержание событий. Но внутренний смысл 9 января не исчерпывается символикой хождения к Зимнему дворцу. Гапоновская ряса—только аксессуар. Действующее лицо—пролетариат. Он начинает со стачки, объединяется, выдвигает политические требования, выходит на улицы, сосредоточивает на себе восторженные симпатии всего населения, приходит в столкновение с войсками и открывает русскую революцию. Гапон не создал революционной энергии петербургских рабочих, он только неожиданно для самого себя вскрыл ее. Сын священника, ватем семинарист, духовный академик, тюремный священник, агитатор среди рабочих с явного благоволения полиции, внезапно оказался во главе стотысячной толпы. Официальное положение, священническая ряса, стихийное возбуждение малосознательных масс и сказочно быстрое развитие событий сделали Гапона «вождем».

Фантазер на психологической подпочве авантюризма, южанин-сангвиник с оттенком плутоватости, круглый невежда

в общественных вопросах, Гапон так же мало способен был руководить событиями, как и предвидеть их. События волкли его.

Либеральное общество долго верило, что в личности Гапона скрывалась вся тайна 9 января. Его противопоставляли социал-демократии, как политического вождя, который знает секрет обладания массой,—секте доктринеров. При этом забывали, что 9 января не было бы, если б Гапон не застал несколько тысяч сознательных рабочих, прошедших социалистическую школу. Они сразу окружили его железным кольцом, из которого он не мог бы вырваться, если бы и хотел. Но он не пытался. Гипнотизируемый собственным успехом, он отдался волне.

Но если мы отводили уже на другой день после Кровавого Воскресенья политической роли Гапона совершенно подчиненное место, то мы все, несомненно, переоценивали его личность. В ореоле пастырского гнева, с пастырскими проклятиями на устах, он представлялся издали фигурой почти библейского стиля. Казалось, могучие революционные страсти проснулись в груди молодого священника петербургской пересыльной тюрьмы. И что же? Когда догорели огни, Гапон предстал пред всеми полным политическим и нравственным ничтожеством. Его позирование пред социалистической Европой, его беспомощно «революционные» писания из-за границы, наивные и грубые, его приезд в Россию, конспиративные сношения с правительством, сребренники гр. Витте, претенциозные и нелепые беседы с сотрудниками консервативных газет, шумливость и хвастливость и, наконец, жалкое предательство, ставшее причиной его гибели,—все это окончательно убило представление о Гапоне 9 января. Нам невольно вспоминаются пронизательные слова Виктора Адлера⁶³), вождя австрийской социал-демократии, который после получения первой телеграммы о прибытии Гапона за границу, сказал: «Жаль... для его исторической памяти было бы лучше, если бы он так же таинственно исчез, как появился. Осталось бы красивое романтическое предание о священнике, который открыл шлюзы русской революции... Есть люди,—прибавил он с тонкой иронией, которая так характерна для этого человека,—есть люди, которых лучше иметь мучениками, чем товарищами по партии»...

III.

«Революционного народа в России еще нет». Так писал Петр Струве в своем заграничном органе «Освобождение» 7 января 1905 года—ровно за два дня до раздавленного гвардейскими полками выступления петербургских рабочих.

«Революционного народа в России нет»,—сказал устами социалистического ренегата русский либерализм, успевший убедить себя в течение трехмесячного периода банкетов, что он—главная фигура политической сцены. И не успело еще это заявление дойти до России, как телеграфная проволока пронесла во все концы мира великую весть о начале русской революции...

Мы ждали ее, мы не сомневались в ней. Она была для нас в течение долгого ряда лет только выводом из нашей «доктрины», над которой издевались ничтожества всех политических оттенков. В революционную роль пролетариата они не верили, зато верили в силу земских петиций, в Витте, в Святополк-Мирского, в банку динамита... Не было политического предрассудка, в который бы они не верили. Только веру в пролетариат они считали предрассудком.

Не только Струве, но и все то «образованное общество», на службу к которому он перешел, оказалось застигнуто врасплох. Широко раскрытыми глазами ужаса и бессилия оно наблюдало из своих окон развертывающуюся историческую драму. Вмешательство интеллигенции в события носило поистине жалкий и ничтожный характер. Депутация из нескольких литераторов и профессоров⁶⁴⁾ отправилась к князю Святополк-Мирскому и к гр. Витте «с надеждой,—как объясняла либеральная пресса,—осветить вопрос так, чтобы можно было избежать употребления военной силы». Гора надвигалась на гору, а демократическая горсточка думала, что достаточно потоптаться в двух министерских передних, чтобы предотвратить непредотвратимое. Святополк не принял депутации, Витте беспомощно развел руками. А затем, как бы для того, чтобы с шекспировской свободой ввести элементы фарса в величайшую трагедию, полиция объявила несчастную депутацию «временным правительством» и отправила ее в Петропавловскую крепость. Но в политическом сознании интел-

лигенции, в этом бесформенном туманном пятне, январские дни провели резкую межевую борозду. На неопределенный срок они сдали в архив наш традиционный либерализм с его единственным достоянием: верой в счастливую смену правительственных фигур. Глупое царствование Святополк-Мирского было для этого либерализма эпохой наивысшего расцвета. Реформаторский указ 12 декабря—его наиболее зрелым плодом. Но 9 января смело «весну», поставив на ее место военную диктатуру, и доставило всемогущество незабвенному генералу Трепову, которого либеральная оппозиция только что перед тем спихнула с места московского полицеймейстера. Вместе с тем более явственно наметилась в либеральном обществе линия раскола между демократией и ценовой оппозицией. Выступление рабочих дало перевес радикальным элементам интеллигенции, как ранее выступление земцев дало козырь в руки элементам оппортунистическим. Перед сознанием левого крыла оппозиции вопрос политической свободы впервые выступил в реальных формах, как вопрос борьбы, перевеса сил, натиска тяжелых народных масс. И вместе с тем революционный пролетариат, вчерашняя «политическая фикция» марксистов, оказался сегодня могучей реальностью.

«Теперь ли,—писал влиятельный либеральный еженедельник «Право»,—после кровавых январских дней, подвергать сомнению мысль об исторической миссии городского пролетариата России? Очевидно, этот вопрос, по крайней мере до настоящего исторического момента, решен,—решен не нами, а теми рабочими, которые в знаменательные январские дни страшными кровавыми событиями вписали свои имена в священную книгу русского общественного движения». Между статьей Струве и этими строками прошла неделя—и, однако, их разделяет целая историческая эпоха.

IV.

9 января явилось поворотным моментом в политическом сознании капиталистической буржуазии.

Если в последние предреволюционные годы к великому неудовольствию капитала создалась целая школа правитель-

ственной демагогии («зубатовщина») ⁶⁵), провоцировавшая рабочих на экономические столкновения с фабрикантами с целью отвлечь их от столкновения с государственной властью, то теперь, после Кровавого Воскресенья, нормальный ход промышленной жизни совершенно прекратился. Производство совершалось как бы урывками в промежутке между двумя волнениями. Бешеные барыши от военных поставок падали не на промышленность, переживавшую кризис, а на небольшую группу привилегированных хищников-монополистов, и неспособны были примирить капитал с прогрессивно растущей внутренней анархией. Одна отрасль промышленности за другой переходит в оппозицию. Биржевые общества, промышленные съезды, так называемые «совещательные конторы», т.-е. замаскированные синдикаты и прочие организации капитала, вчера еще политически девственные, вотировали сегодня недоверие самодержавно-полицейской государственности и заговорили языком либерализма. Городский купец показал, что в деле оппозиции он не уступит «просвещенному» помещику. Думы не только присоединялись к земствам, но подчас становились впереди их; подлинно купеческая московская дума выдвинулась в это время в передний ряд.

Борьба разных отраслей капитала между собой за милости и даяния министерства финансов временно отодвигается перед общей потребностью в обновлении гражданского и государственного порядка. На место простых идей: концессия и субсидия—или бок-о-бок с ними—становятся более сложные идеи: развитие производительных сил и расширение внутреннего рынка. Наряду с этими руководящими мыслями через все петиции, записки и резолюции организованных предпринимателей проходит острая забота об успокоении рабочих и крестьянских масс. Капитал разочаровался во всеисцеляющем действии полицейской репрессии, которая одним концом бьет рабочего по живому телу, а другим—промышленника по карману, и пришел к торжественному выводу, что мирный ход капиталистической эксплуатации требует либерального режима. «И ты, Брут!»—вопит реакционная пресса, видя, как московские купцы-старообрядцы, хранители древнего благочестия, прикладывают свои руки к кон-

ституционным «платформам». Но этот вопль пока еще не останавливает текстильного Брута. Он должен описать свою политическую кривую, чтобы в конце года, в момент, когда пролетарское движение достигнет зенита, снова вернуться под защиту веками освященной, единой и нераздельной нагайки.

V.

Но знаменательнее и глубже всего было влияние январской бойни на пролетариат всей России. Из конца в конец прошла грандиозная стачечная волна, сотрясая тело страны. По приблизительному подсчету стачка охватила 122 города и местечка, несколько рудников Донецкого бассейна и 10 железных дорог. Пролетарские массы всколыхнулись до дна. Стачка вовлекла около миллиона душ. Без плана, нередко без требований, прерываясь и возобновляясь, повинувшись лишь инстинкту солидарности, она около двух месяцев царила в стране.

В разгар стачечной бури, в феврале 1905 г., мы писали ⁶⁶⁾: «После 9 января революция уже не знает остановки. Она уже не ограничивается подземной, скрытой для глаз работой возбуждения все новых и новых слоев,—она перешла к открытой и спешной перекличке своих боевых рот, полков, батальонов и корпусов. Главную силу ее армии составляет пролетариат, поэтому средством своей переклички революция делает стачку.

«Профессия за профессией, фабрика за фабрикой, город за городом бросают работу. Железнодорожный персонал выступает застрельщиком стачки. Железнодорожные линии являются путями стачечной эпидемии. Предъявляются экономические требования, которые почти сейчас же удовлетворяются—вполне или отчасти. Но ни начало стачки, ни конец ее не обуславливаются в полной мере. Характером предъявленных требований и формой их удовлетворения. Стачка возникает не потому, что экономическая борьба уперлась в определенные требования,—наоборот: требования подбираются и формулируются, потому что нужна стачка. Нужно предъявить самим себе, пролетариату других мест, наконец, всему народу свои накопленные силы, свою классо-

вую отзывчивость, свою боевую готовность, нужна всеобщая революционная ревизия. И сами стачечники, и те, которые их поддерживают, и те, которые им сочувствуют, и те, которые их боятся, и те, которые их ненавидят,—все понимают или смутно чувствуют, что эта бешеная стачка, которая метается с места на место, потом снова срывается и вихрем мчится вперед,—все понимают или чувствуют, что она не от себя, что она творит лишь волю пославшей ее революции. Над операционным полем стачки, а это—вся страна, нависает что-то грозное, зловещее, напоенное дерзостью.

«После девятого января революция уже не знает остановки. Не заботясь о военной тайне, открыто и шумно, издеваясь над рутинной жизни, разгоняя ее гипноз, она ведет нас к своему кульминационному пункту».

9-ое января *).

От этого дня революционный пролетариат России ведет свое летосчисление, как христиане — от рождения Христа.

Пятый снег покрыл могилы тех, кто шел 9 января 1905 г. к царю с петицией — шел и не вернулся... Пять лет. А кажется, будто это было вчера. И в то же время, оглядываясь на пережитое, хочется спросить: неужели всего пять лет, а не пять десятилетий? Неужели так недавно еще наши петербургские рабочие направлялись со своих окраин к Зимнему дворцу: с церковными хоругвями и царскими портретами — с верой в иконы, с надеждой на царя? И неужели темный священник со взбалмошной головою мог быть их вождем? Тех самых рабочих, которые несколько месяцев спустя создали Петербургский Совет Рабочих Депутатов⁶⁷⁾ и на знамени своем написали: Демократическая Республика!

Великая эта школа — революция. Суеверия, которые накоплялись веками, она разрушает в несколько месяцев, в несколько дней... Стаечная буря 1905 г., восстание «Потемкина Таврического»⁶⁸⁾, великая октябрьская забастовка⁶⁹⁾, конституционный манифест⁷⁰⁾, восстание севастопольского флота⁷¹⁾, декабрьское восстание в Москве⁷²⁾, аграрный пожар⁷³⁾, первая Дума⁷⁴⁾, свеаборгское восстание⁷⁵⁾, вторая Дума⁷⁶⁾, государственный переворот 3 июня⁷⁷⁾, третья Дума⁷⁸⁾ — вот какие события развернулись за это пятилетие. И у преддверья их стоит 9 января.

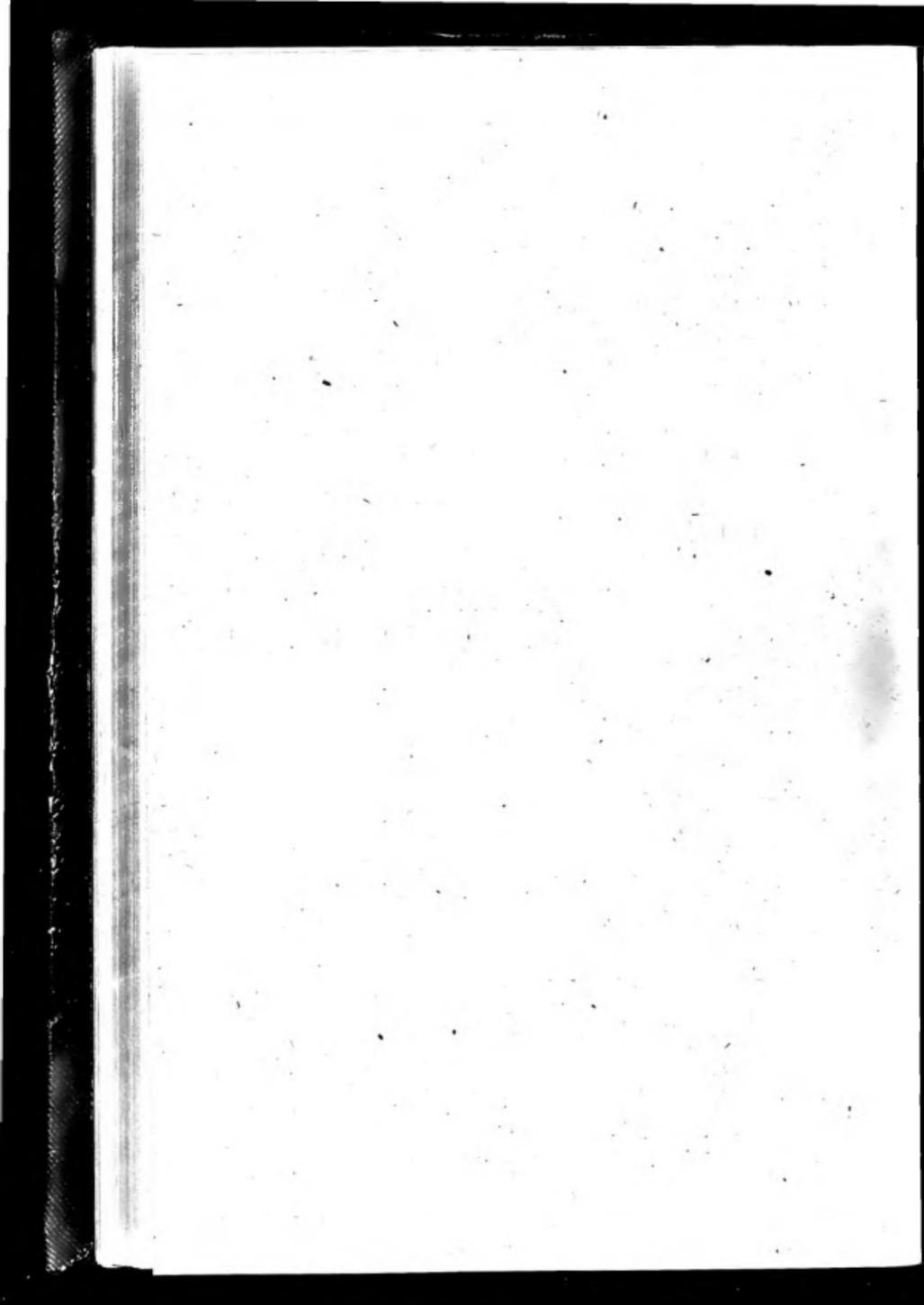
До 9 января революция была идеей. 9 января она стала плотью и кровью масс.

*) Напечатано в „Правде“⁷⁹⁾, № 9, 1(14) января 1910 г.

Революция не освободила рабочих от рабства. Но она освободила их от ложной веры и ложных надежд. Она сделала их непобедимыми, ибо научила временные поражения рассматривать, как ступени к грядущей победе.

Кровь свою рабочие 9 января пролили не даром. Павшим в этот день вечная память и вечная слава! Нам, живым, они оставили в наследство завет великий: довести их дело до конца!

ПРИЛОЖЕНИЯ

Петиция петербургских рабочих.

«Государь! Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга разных сословий, наши жены и дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь. Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немного просим, мы желаем только того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсудили наши нужды. Но в этом нам отказали,—нам отказали в праве говорить о наших нуждах, находя, что такого права за нами не признает закон. Незаконными также оказались наши просьбы: уменьшить число рабочих часов до 8-ми в день, устанавливать цены на нашу работу вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией заводов, увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до одного рубля в день, отменить сверхурочные работы, лечить нас внимательно и без оскорблений, устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега.

Все оказалось, по мнению наших хозяев и фабрично-заводской администрации, противозаконно, всякая наша просьба—преступление, а наше желание улучшить наше положение—дерзость, оскорбительная для них.

Государь! Нас здесь многие тысячи, и все это люди только по виду, только по наружности,—в действительности же за нами, как и за всем русским народом, не признают ни одного человеческого права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать нужды, принимать меры к улучшению нашего положения. Нас поработили с помощью твоих чиновников и при их содействии. Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса и народа, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку. Карают, как за преступление, за доброе сердце и отзывчивую душу. Пожалеть забитого, бесправного, замученного человека—значит совершить тяжкое преступление. Весь народ рабочий и крестьяне отданы на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей, совершенно не только не заботящегося об интересах народа, но попирающего эти интересы. Чиновничье правительство довело страну до полного разорения, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведет Россию к гибели. Мы, рабочие и народ, не имеем никакого голоса в расходовании взимаемых с нас огромных поборов. Мы даже не знаем, куда и на что деньги, собираемые с обнищавшего народа, уходят. Народ лишен возможности выражать свои желания, требования, участвовать в установлении налогов и расходовании их. Рабочие лишены возможности организовываться в союзы для защиты своих интересов.

Государь! Разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь? И разве можно жить при таких законах? Не лучше ли умереть,—умереть всем нам, трудящимся людям всей России? Пусть живут и наслаждаются капиталисты—эксплоататоры рабочего класса и чиновники—казнокрады и грабители русского народа.

Вот что стоит перед нами, государь, и это-то нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему воз-

возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение. Взгляни без гнева внимательно на наши просьбы: они направлены не ко злу, а к добру как для нас, так и для тебя, государь. Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо народное представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собою. Ведь ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивай его помощь, прими ее повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих. Пусть тут будут и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель,— пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания. Для этого повели, чтобы выборы в Учредительное Собрание происходили при условии и всеобщей, и тайной, и равной подачи голосов.

Это—самая главная наша просьба; в ней и на ней зиждется все, это—главный и единственный пластырь для наших больных ран, без которого эти раны будут сочиться и быстро двигать нас к смерти. Но одна мера все же не может залечить всех наших ран. Необходимы еще и другие, и мы прямо и открыто, как отцу, говорим тебе, государь, о них от лица всего трудящегося класса России. Необходимы:

I. Меры против невежества и беспорядка русского народа.

1) Немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки.

2) Немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии.

3) Общее и обязательное народное образование на государственном счете.

4) Ответственность министров перед народом и гарантия законности правления.

5) Равенство перед законом всех без исключения.

6) Отделение церкви от государства.

II. Меры против нищеты народной.

1) Отмена косвенных налогов и замена их прогрессивным подоходным налогом.

2) Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу.

3) Исполнение заказов военного и морского министерства должно быть в России, а не за границей.

4) Прекращение войны по воле народа.

III. Меры против гнета капитала над трудом.

1) Отмена института фабричных инспекторов.

2) Учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий выборных рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе, как с постановления этой комиссии.

3) Свобода потребительно-производительных профессиональных рабочих союзов—немедленно.

4) 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

5) Свобода борьбы труда с капиталом—немедленно.

6) Нормальная заработная плата—немедленно.

7) Непременное участие представителей рабочих в выработке законопроектов о государственном страховании рабочих—немедленно.

Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе. Лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей родины от рабства и нищеты, возможно ее процветание, возможно рабочим организовать для защиты своих интересов от наглой эксплуатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничьего правительства.

Повели и поклялись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой и славной, а имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовешься на наши мольбы,—мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу... Пусть наша жизнь будет жертвой для пострадавшей России. Нам не жаль этой жертвы. Мы охотно приносим ее».

Письмо Г. Гапона к рабочим.

Родные! Братья товарищи-рабочие!

Мы мирно шли 9 января к царю за правдой, мы предупредили об этом его опричников-министров, просили убрать войска, не мешать нам идти к царю. Самому царю я послал 8 января письмо в Царское Село, просил его выйти к своему народу с благородным сердцем, с мужественной душой. Ценою собственной жизни мы гарантировали ему неприкосновенность его личности. И что же? Невинная кровь все-таки пролилась...

Зверь-царь, его чиновники, казнокрады и грабители русского народа, сознательно захотели быть и сделались убийцами наших братьев, жен и детей. Пули царских солдат, убивших за Нарвской заставой рабочих, несших царский портрет, прострелили этот портрет и убили нашу веру в царя.

Так отомстим же, братья, проклятому народом царю и всему его змеинному отродью, министрам, всем грабителям несчастной русской земли. Смерть им всем, вредите всем,—кто чем и как может. Я призываю всех, кто искренно хочет помочь русскому народу свободно жить и дышать, — на помощь! Всех интеллигентов, студентов, все революционные организации (социал-демократов, социалистов-революционеров)— всех! Кто не с народом, тот против народа!

Братья-товарищи, рабочие всей России! Вы не станете на работу, пока не добьетесь свободы. Пищу, чтобы накормить себя, и оружие разрешаю вам брать, где и как сможете. Бомбы, динамит—все разрешаю. Не грабьте только частных жилищ и лавок, где нет ни еды, ни оружия. Не грабьте бедняков, избегайте насилия над невинными. Лучше оставить девять сомнительных негодяев, чем уничтожить одного не-

винного. Стройте баррикады, громите царские дворцы и палаты. Уничтожайте ненавистную народу полицию!.

Солдатам и офицерам, убивающим невинных братьев, их жен и детей, всем угнетателям народа—мое пастьерское проклятие! Солдатам, которые будут помогать народу добиваться свободы—мое благословение! Их солдатскую клятву изменнику-царю, приказавшему пролить невинную кровь, разрешаю.

Дорогие товарищи-герои! Не падайте духом! Верьте, скоро добьемся свободы и правды: неповинно пролитая кровь тому порукой. Перепечатавайте, переписывайте все, кто может, и распространяйте между собой и по всей России это мое послание и завещание, зовущее всех угнетенных, обездоленных на Руси восстать на защиту своих прав. Если меня возьмут или расстреляют, продолжайте борьбу за свободу. Помните всегда данную мне вами—сотнями тысяч—клятву. Боритесь, пока не будет создано Учредительное Собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, где будут избраны вами самими защитники ваших прав и интересов, выставленных в вашей петиции изменнику-царю.

Да здравствует грядущая свобода русского народа!

Священник Георгий Гапон.

9 января 1905 года, 12 часов ночи.

„Искра“ № 85,

27 января 1905 г.

К рабочим всех стран!

Только что совершилось преступление, которому нет прощения, и жертвой его был целый народ!

Поднялись тысячи рабочих, еще веривших в человеколюбивые чувства того, кто называл себя их отцом, кого называли царем-миротворцем!

Они просили прекращения гибельной войны, улучшения своей несчастной доли, дарования необходимых политических реформ, уже завоеванных всеми народами Запада.

Николай II и его советники, вместо всякого ответа, — велели стрелять в них. В этот мрачный, кровавый день мужчины, женщины, дети — толпа мирная и безоружная — пали под ударами дикой солдатчины, бессознательной пособницы самой гнусной тирании.

Порядок царит сегодня в Петербурге.

Соперник Абдул-Гамида еще царствует на трупах своего народа!

Но между царизмом и всеми теми, кого объединяет отныне одно и то же чувство неудержимого возмущения, вырыта пропасть, и новые репрессии лишь увеличат ее.

Напрасно те, кто не отступил перед убийством, чтобы поддержать гнусный режим, льстят себя надеждой остаточить движение, охватившее уже все классы народа, присоединяя к ужасу бойни еще произвол массовых арестов: отныне началась решительная схватка, и героизм русского пролетариата, авангарда революции, порука в том, что борьба будет доведена до конца, до разрушения режима, являющегося чудовищным наследием прошлого, самой опасной угрозой вольностям всей Европы.

Нужно, чтобы в этой борьбе наши русские братья могли рассчитывать не только на нашу духовную солидарность, но и на действительную помощь социалистических партий всего мира.

Борьба, которую они ведут,—наша борьба! Враг, который их гнетет,—враг всего человеческого рода!

С горячим призывом обращается Международное Социалистическое Бюро ко всем, кто может каким бы то ни было способом — действием, влиянием, агитацией — содействовать делу освобождения, делу, которое будет одним из самых грандиозных и самых многообещающих событий истории.

Отдавая приказ о петербургской бойне, Николай II подписал смертный приговор царизму!

Долой самодержавие!

Да здравствует международный социализм!

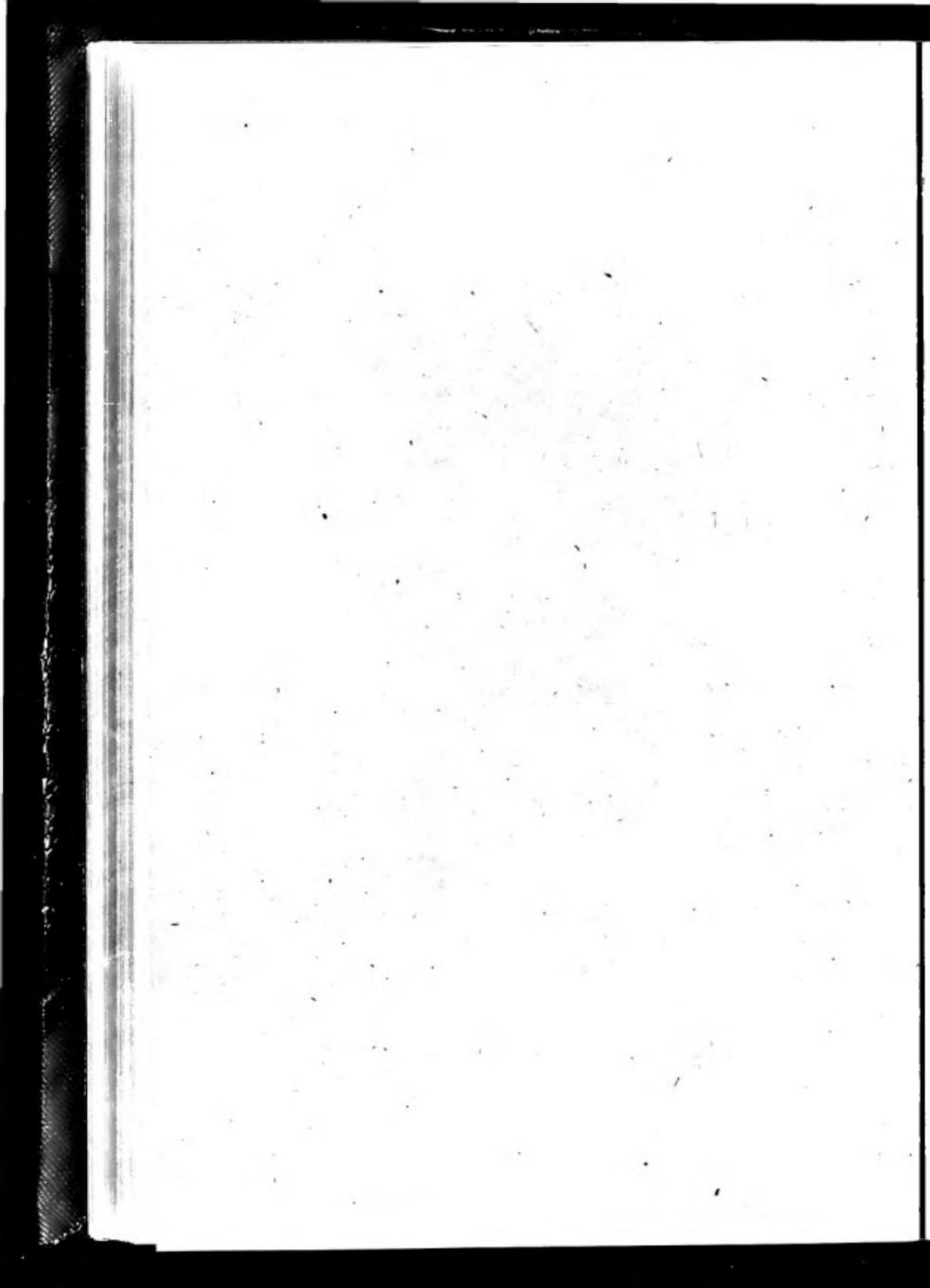
Исполнительный Комитет Международного
Социалистического Бюро:

Эмиль Вандервельде.

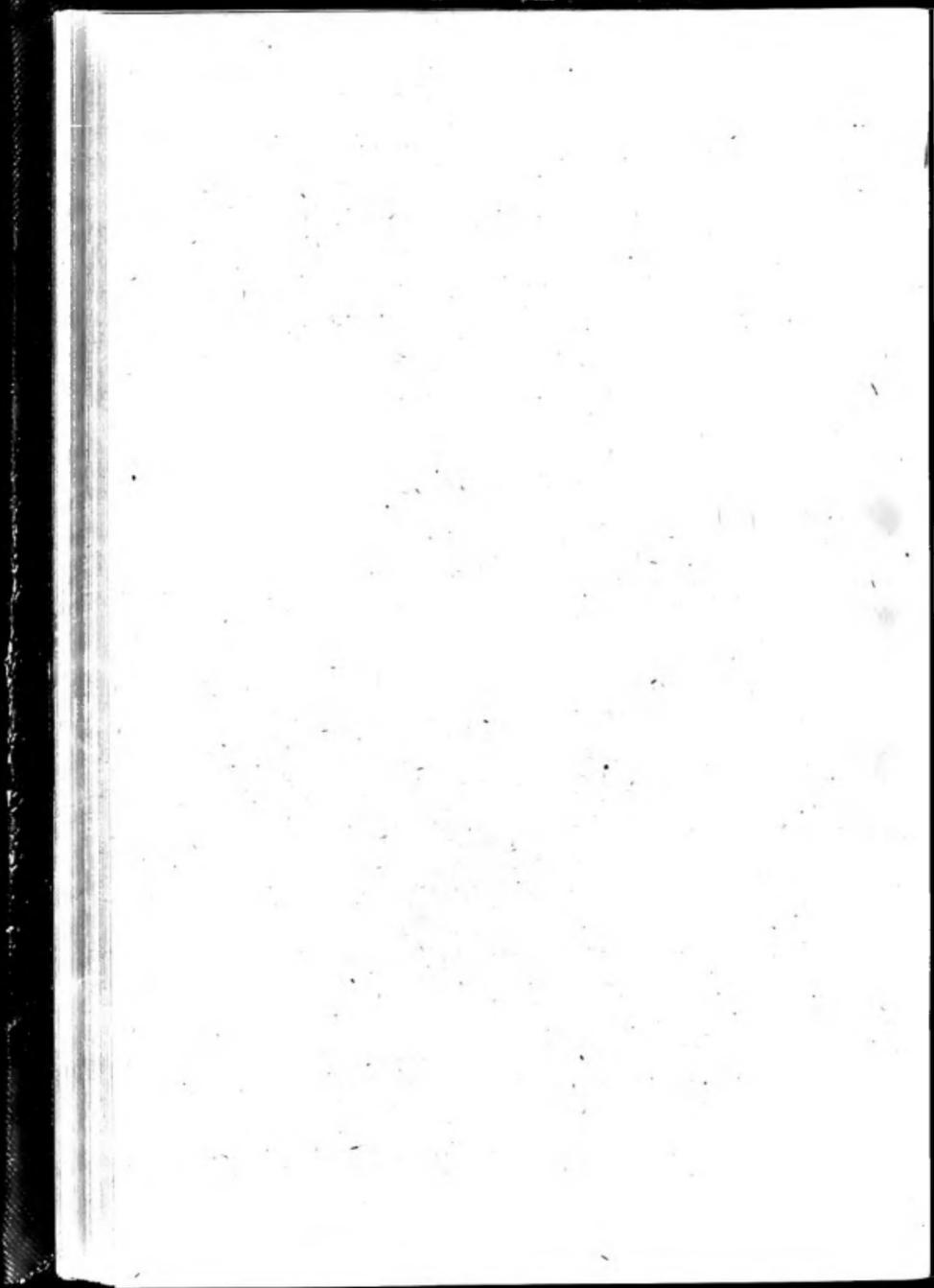
Эдуард Анселе.

Секретарь *Виктор Серви.*

„Искра“ № 85,
27 января 1905 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. «До 9-го января» представляет собою брошюру, написанную в конце 1904 г. и изданную лишь после 9-го января. Исчерпывающее объяснение ее происхождения и характера мы находим в одном письменном документе, принадлежащем перу тов. Троцкого:

«Исходя в сущности из известного положения Плеханова о том, что русское революционное движение победит, как рабочее, или не победит вовсе, а в 1904 году, на основании опыта бурных стачечных движений 1903 года, пришел к выводу, что царизм будет низвергнут всеобщей стачкой, на основе которой развернутся открытые революционные столкновения, которые, развиваясь и расширяясь, внесут разложение в армию и лучшие ее части толкнут на сторону восставших масс. Эта брошюра была мною сдана заграничному издательству меньшевиков, которые тогда тактически еще не определились и в среде которых шла внутренняя борьба, при чем Мартов отстаивал позицию: класс против класса (его программная статья в 1-м номере «Социал-Демократа» популярного издания), а Вера Ивановна Засулич и другие отстаивали политику соглашения с либералами и поддержки буржуазии, Мартов вскоре сдал позицию и с небольшими оговорками стал проводить политику Дана, который, в свою очередь, лишь плутовато прикрывал Засулич обрывками марксистской фразеологии. Меньшевики всячески затягивали печатание моей брошюры, а когда разразилось 9-ое января в Петрограде, вполне подтверждавшее значение всеобщей стачки, объявили брошюру устаревшей. В корректуре с брошюрой познакомился т. Парвус, который занимал тогда вполне интернациональную революционную позицию. Парвус сделал тот вывод, что из революции, движущей силой которой является рабочий класс, а решающим методом — всеобщая стачка и восстание, вытекает переход власти к рабочим в случае победы революции. В этом смысле Парвус написал предисловие к моей брошюре, и вместе с ним мы настояли на ее появлении. Она вышла под заглавием «До 9-го января». В предисловии к брошюре я разбирал ход и смысл событий 9-го января».

2. Русско-японская война — явилась результатом безумной внешней политики царизма, направленной группой бюрократов, заинтересованных в грабеже Дальнего Востока. Объективные возможности войны были заложены в выходе Японии в конце 90-ых годов на широкую империалистическую дорогу, на пути которой стояла царская Россия с ее портами: Дальний, Порт-Артур, с богатейшим Сахалином, протекторатом над Манчжурией и т. д. Царское правительство спровоцировало войну, не успев подготовить ни военные, ни материальные ресурсы. Русско-японская война, по замыслу ее организаторов, должна была также разрядить накаленную социальную атмосферу внутри России. Ослепленные царские бюрократы рассчитывали

на сплошной триумф в борьбе с «азиатцами». Все расчеты самодержавия оказались неверными. С первых же дней войны русская армия и флот стали терпеть поражения. Внутри России война привела к неслыханному обострению классовой борьбы и вызвала поразительные настроения не только в среде с.-д., но и в некоторых либеральных кругах.

Поражение царской России сильно подорвало международное положение этого европейского жандарма. Либеральные круги всех стран с нескрываемым удовлетворением встретили крах царизма на Востоке. Лишь боязнь великих держав, что Япония не в меру усилится на Дальнем Востоке, помогла России закончить войну и заключить мир на менее тяжелых условиях, чем они вытекали из размеров победы Японии. В самой России война, дав сильный толчок революционному движению, привела в конечном результате страну к небывало широкому стачечному движению, завершившемуся образованием Совета.

3. Съезд земских деятелей, происходивший в Петербурге 6—8 ноября 1904 г., в сущности, представлял из себя частное совещание земцев. Запрещенный ранее Плеве, «съезд» был разрешен его преемником Святополк-Мирским, который считал, что для ликвидации брожения надо дать земцам поговорить о своих делах. К тому же проигранное Лаоянское сражение заставило правительство заговорить более мягким языком с либералами. Президиум совещания был избран в составе: председателя Шипова и двух товарищей председателя—И. И. Петрукевича и князя Г. Е. Львова (председателя временного правительства в 1917 г.). Собравшееся на частной квартире совещание усиленно охранялось полицией от вторжения рабочих и студентов. Основным вопросом порядка дня был вопрос о конституции. Ни земского, ни рабочего вопроса совещание не коснулось. По вопросу о конституции произошел раскол между различными группировками совещания. В этом основном вопросе нужно было выработать решение, которое удовлетворило бы различные течения среди земцев. Группу либерально-славянофильскую, руководимую председателем съезда Шиповым, надо было примирить с конституционным характером движения; «серых» отцов провинции с политическим характером совещания; группу рядовых членов—с ярко-оппозиционной тенденцией решений съезда. Немногих же представителей демократизма уговаривали удовлетвориться неопределенной формулой о «желательности» Учредительного Собрания, без упоминания о всеобщем избирательном праве. Большинство в этом земском парламенте осталось /за конституционалистами, которые продиктовали ему свою политическую программу требования созыва народного представительства с правом решающего голоса,—тогда как правая группа Шипова настаивала лишь на старой земской формуле законосовещательного представительства. За резолюцию шиповцев было подано 27 голосов (см. отчет в «Правде»; в своем «сжатом очерке» тов. Покровский указывает другую цифру—38). Конституционное большинство съезда считало необходимым добавить указания на то, в чем должно выражаться участие народных представителей: «1) в осуществлении законодательной власти, 2) в установлении государственной росписи доходов и расходов и 3) в контроле за законностью действий администрации». Оба мнения зафиксированы в резолюции: «в виду частного характера совещания,—пишет «Освобождение»,—большинство, не желая насильственно мнение меньшинства, не возражало против включения формулы последнего в окончательную редакцию заключений съезда.

Постановления съезда и его требования конституции так и остались частным мнением либеральных земцев, не оказав по существу никакого влияния на правительство. Доказательством этого является указ 12 декабря 1904 г., ни слова не говоривший о народном пред-

ставительстве и весьма неопределенно о некоторых административных послаблениях.

4. «Новое Время» — петербургская ежедневная газета, издававшаяся с 1876 г. Ее редактором-издателем был Суворин. Газета занимала крайне консервативную позицию с самого первого дня своего существования. Будучи по существу официозом, «Новое Время» на своих страницах неизменно вело бешеную кампанию против революционной демократии, рабочего класса и радикальной интеллигенции. Травля «инородцев», юдофобство, красной нитью проходит через все руководящие статьи газеты. Орган бюрократических верхов, «Новое Время» не отличалось особой устойчивостью политической позиции и обычно меняло свое направление в связи с персональными изменениями в министерстве. В революции 1905 г. заняло крайне-реакционную позицию, требуя решительных мер по отношению к революционерам и бастующим рабочим.

Ниже мы помещаем характеристику «Нового Времени», принадлежащую *тов. Троцкому (написанную им в 1906 г., но не вполне законченную):

«Новое Время» — газета литературная, политическая и продажная, издается Сувориним в течение 40 лет. Газета, как известно, несчетное число раз меняла свое «направление», но эти перемены происходили всегда в очень узких пределах, — именно в рамках борьбы разных министров, министерств и ведомств. «Новое Время» стояло за классицизм при министерстве просвещения Делянова и против классицизма — при Ванновском; за бараний рог — при Пасеве, за «доверие» — при Святополк-Мирском. При всех этих переменах «Новое Время» оставалось органом литературного негодяйства. Ненависть к демократии, радикальной интеллигенции, социалистическому пролетариату и революционному крестьянству выражалась и выражается во множестве статей, написанных слюною бешеной собаки. Юдофобство проходит через все превращения «Нового Времени», ибо бесправие евреев входило в программу в всех министрах самодержавия.

«Суворин получает для своей газеты дорогие казенные объявления и имеет в своем распоряжении железнодорожные киоски. Он получает сведения из министерских канцелярий.

«Новое Время» поддерживало Витте, как министра финансов, с леной у рта отстаивало питейную реформу, стояло за воинственную политику на Дальнем Востоке, оправдывало русско-японскую войну, восхваляло военного гения Куропаткина и Родивеневского, скрывало правду, лгало, обманывало.

«В 80 и 90 годы «Новое Время» было официальным органом торжествующего негодяя, властителя дум современности. Но эти времена безвозвратно прошли. В начале нового столетия «Новое Время» и его герой-негодяй оказались окруженными атмосферой всеобщего негодующего презрения, которое сгущается с каждым днем. В ночь с 17 на 18 октября 1905 г. случайная толпа, собравшаяся на Невском, пропела у окна «Нового Времени» анафема!

«Анафема тебе! Будь проклят, Иуда» — вот крик, которым молодая демократическая Россия провозжает в могилу позорного хозяина позорной газетной шайки».

5. В течение 1904 г. тихоокеанский *) флот потерял 2 крупных поражения. Первое произошло у Порт-Артура, когда 26 января

*) Фактический материал для примечаний о войне доставлен редакции Военно-Историческим отделом Штаба РККА.

главные силы тихоокеанской эскадры, в составе 15 вымпелов, стоявшие на открытом внешнем рейде Порт-Артура, были совершенно неожиданно атакованы японскими миноносцами. В результате броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич» и крейсер «Аллада» получили тяжелые повреждения. На следующий день, 27 января, около 11 часов утра, вся японская эскадра, под командой Того, показала перед крепостью и открыла огонь. Русские суда отвечали, держась под защитой береговых батарей, которые, по мере доставки снарядов, последовательно вступали в бой. С развитием их огня японский флот отступил. Бой продолжался около 40 минут, при чем у нас были повреждены броненосцы «Полтава» и крейсера «Аскольд» и «Новик». Японские суда получили лишь незначительные повреждения, которые скоро были исправлены.

Второе сражение произошло на Желтом море 28 июля. По приказанию наместника Алексеева, порт-артурская эскадра должна была, прорвавшись через блокирующий японский флот, идти во Владивосток. Начальник флота адмирал Виттефт и весь командный состав, за единичными исключениями, возражали против такого решения и подчинились лишь категорическому приказанию. Утром 28 июля эскадра вышла из Порт-Артура в боевом порядке: впереди крейсер «Новик» с 8 миноносцами, затем 6 броненосцев и за ними 3 крейсера. В первом часу дня раздались первые выстрелы с японской эскадры, состоявшей из 4 броненосцев, 6 крейсеров и нескольких миноносцев, под личным начальством Того. Русские начальники, не веря в успех, несмотря на бодрый дух команд, старались уклониться от боя и проскользнуть во Владивосток, но вследствие медленности хода судов это им не удалось. В результате 5 броненосцев, 1 крейсер и несколько миноносцев вернулись в Порт-Артур; крейсер пришлось затопить у берегов Сахалина, а остальные суда (1 броненосец, 2 крейсера и несколько миноносцев) нашли убежище в нейтральных портах, где разоружились. Японский флот не потерял в сражении ни одного судна.

По этому поводу в официальной морской истории говорится: «Сражение 28 июля дало японцам не столько успех материальный, сколько моральный; в нем русская эскадра потеряла веру в своих адмиралов и после возвращения в Артур невольно покорила участи быт погребенной в Артурской гавани».

Постоянные неудачи русского флота объяснялись: 1) его технической отсталостью; 2) плохой подготовкой судовых команд и особенно командного состава.

6. В течение 1904 г. русская армия потерпела ряд жестоких поражений, из которых главными были:

1) Лаоянское. В этом сражении со стороны русской армии участвовало свыше ста тысяч штыков, десяти тысяч сабелей и около 600 орудий, со стороны японской—88.000 штыков, 3.400 сабель и 470 орудий. С обеих сторон были чрезвычайно сильные потери, исчислявшиеся для русских в 16.000 чел., для японцев—в 23.000. По утверждениям военных авторитетов, Лаоянское сражение было проиграно благодаря исключительно-трусливой тактике Куропаткина. По этому поводу в монографии германского генерального штаба говорится следующее: «В положении Куропаткина всякий решительный полководец, вместо того, чтобы признать себя побежденным и отступить, произвел бы салютационную стрельбу из пушек и принудил бы историю присутствовать себе победные лавры».

2) Вторым крупным сражением было Шахейское, в котором со стороны России участвовало: 150.000 штыков, 14.300 сабелей и 760 орудий, а со стороны Японии—112.800 штыков, 4.100 сабелей и

498 орудий. Потери в этом сражении были еще более крупные, при чем в русской армии их были вдвое больше.

3) Третье поражение русской армии произошло в бою при Сандеу, при чем здесь количественное превосходство было целиком на стороне России (она имела почти вдвое более штыков и в 4 раза больше шашек).

4) Последним крупным сражением, явившимся решающим этапом в русско-японской войне, было Мукденское. Это сражение было чрезвычайно ожесточенным (на 500.000 сражавшихся было 10.000 убитых и раненых) и закончилось полным разгромом русской армии.

Одной из главных непосредственных причин непрерывных поражений русской армии была неспособность высшего командования. Победа заключалась не столько в неумении, сколько в недостатке решительности, предприимчивости и готовности брать на себя ответственность. Вся система, существовавшая в русской армии, способствовала не развитию, а подавлению инициативы, столь необходимой для военного начальника.—Что касается самого Куропаткина, то он являлся как бы злым гением войны. Главнейшей его особенностью был полный паралич оперативной воли. При этом основном недостатке даже некоторые бесспорные достоинства (ум, хотя и мелочный, разнообразные фактические знания, административный опыт и редкое трудолюбие) шли во вред делу, так как побуждали его во все вмешиваться и повсюду подавлять всякую самостоятельность.

7. Насколько бессистемно и бессмысленно велась война, показывает тот факт, что царская клика, спровоцировавшая войну, вместе с тем с самого ее начала повела курс на оборонительное положение. Вот что писал, например, Николаю Куропаткин, назначенный командующим войсками, в своем докладе от 24 июля 1903 года:

«Мы должны держаться против Японии оборонительного способа действий. Хотя мы и выдвигаем свои войска на линию Мукден-Лаоян-Хайчен, но отстоять южную Манчжурию в первый период войны, если туда вторгнется вся японская армия, мы не можем.

Мы должны, как и два года назад, готовиться, что Порт-Артур будет отрезан на довольно продолжительное время и, не допуская наши войска до частного поражения, должны отступать по направлению к Харбину до тех пор, пока прибывшими с тыла подкреплениями не будем усилены настолько, что получим возможность, перейдя в наступление, разгромить японцев.

Для проведения этого осторожного плана в жизнь русской армии в первый, отступательный период войны следовало уклоняться от боя, лишь задерживая неприятеля, вынуждая его терять время на развертывание войск, на большие обходы, на исправление испорченных дорог, мостов, перевалов и т. д. Между тем, Куропаткин, отчасти вследствие своей нерешительности, отчасти же подчиняясь наставлениям главнокомандующего адмирала Алексеева, дал неприятелю целый ряд кровопролитных боев и сражений (см. примечание б), что явно противоречило приведенному выше общему плану. Все эти боевые столкновения были разыграны, так-сказать, наполовину, то-есть не доводились до конца, а прерывались приказами об общем отступлении. Вследствие этого в войсках постепенно укоренялась мысль, что драться хорошо не стоит, так как, в конце-концов, все равно прикажут отступать. Эта гибельная система продолжалась до самого удаления Куропаткина с должности главнокомандующего, что произошло уже после Мукденского сражения. Результатом ее была демо-

рализация армии, окончательно утратившей способность к наступательным операциям.

8. В конце декабря 1903 г. и в начале 1904 г. на заседаниях тверского земства одним из руководителей последнего, И. И. Петрункевичем, был поднят вопрос о том, чтобы просить правительство, занятое в то время пересмотром крестьянского законодательства, разрешения рассмотреть на земских собраниях ряд вопросов, касающихся Тверской губ. В дополнение к этому предложению было предложено также: 1) ходатайствовать перед правительством о том, чтобы все законопроекты, касающиеся населения Тверской губ., предварительно рассматривались на собраниях тверского земства, 2) чтобы заключения, даваемые тверским земством, направлялись в подлежащие ведомства и там имелись бы в виду при составлении окончательного законоположения, 3) чтобы в центральных учреждениях при рассмотрении законопроектов о тверском населении были приглашены представители тверского земства. Оба предложения были приняты большинством голосов. В ответ на это правительство издает повеление, в котором говорится, что деятельность тверского земства уже давно обращает на себя внимание «своими действиями, не соответствующими требованиям государственного порядка». Поэтому, Правительствующий Сенат предоставляет министру внутренних дел право: 1) назначать на ближайшее трехлетие председателей и членов Тверской и Новоторжской управ, отменяя предполагавшиеся выборы, 2) сохранить на 1904 г. действие земской сметы для Тверской губ. Далее, министру предоставляется право воспрещать пребывание в Тверской губ. «лицам, вредно влияющим на ход земского собрания». И, наконец, ему же поручается отстранять от службы по земству «лиц, вредных для общественного порядка и спокойствия». 8 января 1904 г. Николай II дал свое согласие на эти действия.

9. Стасюлевич (род. в 1826 г.)—видный либеральный деятель. В течение 42 лет (с 1866 г. по 1903 г.) состоял редактором знаменитого «толстого» журнала «Вестник Европы». Историк и публицист. В 1907 г. выступил кандидатом в Государственную Думу на выборах в первой курии в Петербурге от либеральной оппозиции. С 1909 перешел руководство «Вестника Европы» Арсеньеву и Козаевскому. Умер в 1913 году.

10. Арсеньев (род. в 1837 г.)—публицист, юрист и критик. Либеральный деятель 2-ой половины XIX века. Был постоянным сотрудником умеренно-буржуазных органов—сначала «Русского Вестника», затем «Отечественных Записок». Был председателем Совета присяжных поверенных Петербургской судебной палаты. Сотрудничал в умеренно-либеральном «Вестнике Европы» с его основания, с 1 марта 1860 г. Арсеньев руководил «внутренним обозрением» в этом журнале, а позже стал его редактором. Одновременно Арсеньев играл видную роль в земском движении Петроградской губернии, много раз избирался в уездные и губернские гласные и участвовал в земских съездах. В делегации от литераторов и профессоров, посланной к Витте и Святополк-Мирскому накануне 9 января с требованием избежать кровопролития, был, между прочим, и Арсеньев (см. прим. 64).

11. «Русские Ведомости»—ежедневная газета, выходившая в Москве с 1863 г.; основана Н. Ф. Павловым. В основных политических вопросах занимала умеренно-либеральную позицию. В эпоху реакции 80-ых и 90-ых годов «Русские Ведомости» были единственной оппозиционной газетой. В 1896 г. газета переходит к Скворцову, после смерти Скворцова—к группе редакторов-издателей: Соболевскому, Понинову и Анучину. В 1905 г. «Русские Ведомости» стояли на позиции умеренно-кадетского направления. В позднейшие годы эта газета пользовалась большой популярностью в кругах буржуазной интелли-

генции и мелкой буржуазии, выгодно эксплуатируя свою умеренную оппозицию царско-стольническому режиму.

В 1906 г. Л. Д. Троцкий дал следующую политическую характеристику этой газеты:

«Русские Ведомости», газета умеренного либерализма, в настоящее время примыкает к кадетской партии. В течение 80-ых и 90-ых годов «Русские Ведомости» были единственной оппозиционной газетой. В то время, как десятки других газет закрывались правительством, «Русские Ведомости» не шли дальше предостережений и временного закрытия.

«Русские Ведомости» приобрели репутацию честной газеты,—известно, что газету, как и человека, называют честной, когда она не отягачается ни умом, ни талантом, ни характером. Честность «Р. В.» нужно понимать в том смысле, что эта газета не брала взяток от дутых промышленных предприятий, не получала правительственных субсидий и не занималась политическими доносами. Но о политической безупречности «Р. В.», даже с точки зрения умеренного либерализма, не может быть и речи.

«Такая ягвучность не доставалась даром: она приобреталась путем применения ко всему, в том числе—к подлости. Программа газеты состояла в соединении умереннейшего профессорского либерализма в политической области с бессильным народническим прожектерством в сфере социально-экономической. Излюбленным прием агитации состоял в приписывании каждому правительственному акту самых либеральных намерений. Таким путем газета надеялась, с одной стороны, отстоять свое существование, с другой, незаметно и безболезненно перетянуть правительство на путь либерализма.

«Типичным представителем духа «Русских Ведомостей» был покойный Джаншиев, написавший популярную в свое время колонепоклоненную книгу «Эпоха великих реформ».

12. «Русское Богатство»—журнал, выходивший в Петербурге с 1876—77 г. Основателем его и редактором-издателем был Н. Савич. Журнал вначале занимался исключительно экономическими вопросами и лишь с 1880 г. переходит и на обще-литературные темы. Несмотря на частые смены редакторов и издателей, «Русское Богатство» за все время своего существования сохраняет неизменным свой характер либерально-демократического органа с явно народническими тенденциями.

В 80-ых и 90-ых гг. «Русское Богатство» вместе с «Русскими Ведомостями» являются оппозиционными органами и проводниками идей 60-ых и 70-ых гг. В этом журнале начали свою литературную деятельность такие писатели, как Горький, Гаршин, Вересаев, Чириков, Короленко и другие. Долгое время редактировали журнал Н. К. Михайловский и В. Г. Короленко. В состав редакционной коллегии входили видные писатели: Анненский, Горьфельд, Иванчин-Писарев, Пешехонов и Якубович.

В основных политических вопросах «Русское Богатство» примыкало к либеральному народничеству, которое позднее консолидировалось в партию народных социалистов. Во время войны «Русское Богатство» стояло на оборонческой позиции. Те же номера этого журнала, которые вышли после Октября, были наполнены интеллигентским брожением против Советской власти.

13. «Русь»—большая ежедневная газета, выходившая в Петербурге до 1908 г. Во время революции 1905 г. отражала интересы либераль-

ной буржуазии. Ее редактором-издателем был А. А. Суворин. В 1908 г. газета заменилась «Новой Русью».

14. Петрункевич, И. И.—до революции 1905 г. был одним из крупных земских деятелей. Несколько раз высылался в административном порядке—сначала в Костромскую губ., затем в Тверь и Смоленск за участие в земском движении. В 1905 г. Петрункевич принимает самое активное участие во всех съездах земских и городских деятелей. Был избран членом делегации, шедшей к царю 6 июня 1905 г. с петицией о необходимости созыва народных представителей. С первого же дня основания кадетской партии Петрункевич становится ее видным и активнейшим членом. Был избран от Тверской губ. в I Государственную Думу, где на первом заседании произнес речь о необходимости объявления амнистии.

15. Статья эта, принадлежащая И. Петрункевичу, была помещена в № 41 (1904) журнала «Право» под названием «Война и наши задачи».

16. «Право»—еженедельный юридический журнал, выходивший в Петербурге с 1899 г., под редакцией Гессена и Лазаревского. Ближайшими сотрудниками были крупнейшие деятели либерализма—Кузьмин-Караваев, Набоков, Петражицкий, Трубецкой и др.

Вначале журнал был исключительно научно-юридическим органом, но впоследствии, под влиянием роста общественных сил, превращается в серьезный политический еженедельник. Особенно большое впечатление на либерально-демократические круги производили статьи кн. С. и Е. Трубецких, Петрункевича и др., требовавших созыва народных представителей, широкой амнистии, всеобщего голосования и т. д. Журнал фактически являлся органом кадетской партии, отражая идеологию ее профессорски-интеллигентских слоев.

17. «Наши Дни»—ежедневная радикальная газета, выходившая с ноября 1904 г. взамен закрытого «Сына Отечества». Ее редактором был М. П. Невежин, издателем—С. П. Юрицын. В декабре 1905 г. за напечатание знаменитого финансового манифеста Совета Рабочих Депутатов газета была закрыта.

18. К началу войны японский флот имел: 6 броненосцев, 8 броненосных крейсеров, 12 легких крейсеров-разведчиков, 8 мореходных канонерских лодок, 19 эскадренных миноносцев, 9 эскадренных миноносцев меньшего размера и 19 номерных миноносцев.

Русский флот в общем был вдвое сильнее японского, но на Дальнем Востоке находилась лишь тихоокеанская эскадра в составе: 7 броненосцев, 4 броненосных крейсеров, 7 легких крейсеров-разведчиков, 6 мореходных канонерских лодок, 2 минных крейсера, 12 эскадренных миноносцев, 12 эскадренных миноносцев меньшего размера и 10 номерных миноносцев.

Одного взгляда на карту достаточно, чтобы понять, какую огромную роль должны были играть морские силы в предстоящей войне. В японском плане войны первым пунктом было поставлено уничтожение или, по крайней мере, блокирование русского флота. Для достижения этого японцы предполагали произвести на него внезапное нападение без формального объявления войны, что уже было применено ими в отношении Китая в 1894 году. Выполнение японского намерения облегчалось тем фактом, что русский флот был разбросан по разным портам. К тому же, находившиеся в Порт-Артуре главные силы эскадры с 18 января были выведены из закрытой гавани и поставлены на открытом внешнем рейде, без принятия необходимых мер охранения. Как известно, 26 января русская Порт-Артурская эскадра была атакована японцами и потеряла ряд судов. Ослабленная этими потерями, она укрылась во внутренней гавани и на-время отказалась от всяких наступательных действий. Пользуясь этим, японцы приступили к высадке I армии Куроки на западном берегу

Корей. Адмирал Макаров, прибывший в Порт-Артур в конце февраля, пытался придать действиям флота более активный характер, но 31 марта он погиб на броненосце «Петропавловск», затонувшем от японской мины. После него флот вернулся к прежней пассивности, так как адмиралы Алексеев и Витгефт поставили главной целью—сбережение судов к последнему периоду войны. Пользуясь пассивностью Порт-Артурской эскадры, японцы, в период с 22 апреля по 10 мая, высадили 2 армию Оку уже прямо на берега Манчжурии, всего в 100 километрах к востоку от Порт-Артура. Эта чрезвычайно рискованная операция была произведена без всякой помехи со стороны русского флота, хотя на море было еще равновесие сил. Войска 3, 4 и 5 японских армий также высадились, совершенно беспрепятственно, на берега Манчжурии. Русский флот продолжал укрываться во внутренней гавани Порт-Артура, предоставляя сухопутной армии расхлебывать заваренную кашу. В стратегическом отношении присутствие флота в Порт-Артуре являлось даже вредным, так как желание выручить его побуждало сухопутную армию к отдельным наступательным операциям, нарушавшим общий план действий. Наконец, после неудачной попытки прорваться во Владивосток, 28 июля, эскадра окончательно заперлась в Порт-Артуре, где и погибла, а ее экипажи и артиллерия вошли в состав сухопутной обороны крепости.

19. Макаров—адмирал. Большая часть его службы протекла в плаваниях. Получив весьма недостаточное школьное образование, Макаров всю жизнь учился, интересуясь всеми отраслями сложного морского дела. Его перу принадлежат многочисленные труды по разнообразным техническим вопросам, а также сочинение «Расуждения по вопросам морской тактики». В конце девяностых годов, заинтересовавшись экспедицией к Северному полюсу, выработал проект, по которому был построен ледокол «Ермак». К началу японской войны Макаров был главным командиром Кронштадтского порта. Предвидя разрыв на Дальнем Востоке, он усердно просил о переводе туда, но его не пускали. Вообще Макарова сильно недолюбливали в правящих кругах, считая его человеком беспокойным и чересчур самостоятельным. Узнав о выводе Порт-Артурской эскадры из внутренней гавани на внешний открытый рейд, Макаров написал управляющему тогда морским министерством адмиралу Авелану письмо, предупреждая его об угрожающей катастрофе, которая действительно и разразилась в ночь с 26 на 27 января. После того, как положение на море было уже в корне испорчено, состоялась назначение Макарова командующим флотом на Дальнем Востоке. Прибыв в Порт-Артур 24 февраля, он нашел эскадру ослабленную материально, «при отсутствии потерь со стороны неприятеля», и—что еще важнее—в удрученном моральном состоянии. Командному составу не хватало необходимого тактического образования и даже простого умения управлять своими судами при совместных действиях, вследствие чего почти каждый выход эскадры в море сопровождался какой-нибудь аварией. На этом фоне энергичная фигура адмирала Макарова выделялась тем ярче. Макаров погиб 31 марта на броненосце «Петропавловск», затонувшем от японской мины.

20. Все эти сухопутные поражения относятся к апрелю—сентябрю 1904 г. Первым из них было поражение в бою под Тюренченом (18 апреля 1904 г.), в результате которого русские потеряли сильную оборонительную линию на р. Ялу.

13 мая 1904 г. произошел бой у Циньчжоу*). Овладев Циньчжоуским перешейком, японцы открыли себе доступ на Квантунский

*) В тексте книги эта местность неверно называется Кинчжоу. Р. е. д.

полуостров и занял Порт-Дальний, обратив его в базу как для армии, осаждавшей Порт-Артур, так и для армий, наступавших на север вдоль железной дороги. Третьим был бой при Вафангоу (1 и 2 июня 1904 г.), предпринятый с целью помешать, посредством наступления, осаде Порт-Артура, но окончившийся полной неудачей. Результатом следующего сражения при Ташичао **) (10 и 11 июля 1904 г.) было отступление от Ташичао и потеря ветви железной дороги на Инкоу. Совершенно исключительное значение имело Ласянское сражение (17—22 августа 1904 г.). Лаоян являлся центром сосредоточения русской армии в Манчжурии, и на укрепление его с самого начала было обращено особое внимание. В виду этого оставление Лаояна произвело удручающее впечатление на русскую армию. Проигрыш наступательного сражения на Шахэ (22 сентября—4 октября 1904 г.), хотя и не сопровождался особыми материальными потерями, но окончательно подорвал моральное состояние русской армии, так как за несколько дней до сражения в приказе от 19 сентября Куропаткин хвастливо объявил: «Пришло для нас время заставить японцев повиноваться нашей воле, ибо силы манчжурской армии ныне стали достаточны для перехода в наступление».

21. Плевне (род. в 1846 г.)—в первые годы своей служебной карьеры работал по ведомству юстиции. Его работа в петербургской палате в 70-ых гг. была тесно связана с борьбой против революционного движения этого периода. Плевне неоднократно приходилось делать личные доклады Александру II по делам о политических преступлении (он докладывал, между прочим, о взрыве в Зимнем дворце). В 1881 г., в эпоху расправы с народолюбцами, Плевне назначается директором департамента государственной полиции и входит в состав комиссии статс-секретаря Каханова по составлению положения о государственной охране. В 1884 г. Плевне—сенатор и товарищ министра внутренних дел. В 1896 г. он получает звание статс-секретаря, а в 1899 г. назначается министром статс-секретарем Финляндии.

После убийства Сипягина (4 апреля 1902 г.) Плевне назначается министром внутренних дел и становится ближайшим к Николаю человеком. Организатор первых в России еврейских погромов, специалист по сыску и провокации, Плевне всеми мерами способствует развитию полицейского социализма. Под его покровительством пышно расцветает зубатовщина. В борьбе с растущим революционным движением он проявил себя решительным сторонником крайних мер. Борьба с «красолой», во всех ее видах, составляла главное содержание его деятельности. Он усмиряет крестьянские волнения в Полтавской и Харьковской губ., подвергает административным ревициям земские учреждения Московской, Вятской, Курской и др. губ., закрывает Воронежский местный уездный комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Во время кишиневских погромов он проявляет преступное бездействие. Плевне был решительным сторонником и одним из инициаторов русско-японской войны, в которой он видел средство для отвлечения масс от внутренних дел.

5 июля 1904 г. Плевне был убит бомбой, брошенной в его карету эсером Сазоновым. Убийство было организовано боевой организацией социалистов-революционеров при ближайшем участии инженера Азефа, известного провокатора, посланного самим Плевне в египетскую организацию от департамента полиции. Деятельность Плевне возбудила против него не только ненависть революционных кругов, но и явную враждебность со стороны либерального общества.

22. Святослав М-ярский, П. Д.—генерал, был губернатором в Пензе и Екатеринославе. В 1900 г. был назначен товарищем министра

***) В тексте стоит неверное название: Дашичао. Ред.

внутренних дел (Сипягина) и командиром отдельного корпуса жандармов. В 1902 г. Святополк-Мирский, в связи с назначением Плеве, которого он недолюбливал, уезжает генерал-губернатором в Вильну. После убийства Плеве был назначен (26 августа 1904 г.) министром внутренних дел. Назначение Святополк-Мирского было встречено либеральным обществом, как симптом решительного перехода правительства к новой политике. «Искра» в свое время характеризовала министерство Святополк-Мирского, как «министерство приятных улыбок». 16 сентября 1904 г. Святополк-Мирский произнес речь, при представлении ему чинов министерства, в которой обещал относиться с доверием к сословным учреждениям и к населению вообще. Эта речь дала повод назвать эпоху управления Святополк-Мирского эпохой «весны» и «доверия». Свою программу Святополк-Мирский формулировал неопределенно: он—друг прогресса и свободы, но поскольку они не противостоят основам существующего государственного строя. За время его управления политика репрессий несколько смягчилась, политические аресты стали реже. Тем не менее, когда накануне 9 января к нему являлся депутация профессоров и литераторов с требованием избежать кровопролития, Святополк-Мирский отказался ее принять. 18 января 1905 г. Святополк-Мирский получил отставку.

23. Здесь имеется в виду князь Святополк-Мирский, тогдашний министр внутренних дел.

24. «Гражданин»—газета-журнал, издавалась с 1875 г. еженедельно кн. В. П. Мещерским. С 1887 г. «Гражданин» становится ежедневным. Ответственным редактором в 1872 г. был Градовский, затем Ф. М. Достоевский и Пуцыкевич и, наконец, сам кн. Мещерский. С 1893 г. ответственным редактором становится Филиппус. Выступил вначале с относительно умеренной консервативной программой, газета постепенно, год за годом, переходит на все более резкую реакционную позицию, являясь литературным столпом дворянской реакции 80—90-ых гг. В 1905 г. и позже газета открыывает на своих страницах широкое место для систематической, повседневной травли революционной демократии. Газета открыто объявляла себя представительницей дворянских стремлений и вела самую беззастенчивую погромную черносотенную агитацию.

25. «Московские Ведомости»—крайне реакционная газета, возглавлявшаяся вначале знаменитым Катковым. От других реакционных газет отличалась своей решительностью и последовательностью. Ее постоянными лозунгами были—православие, самодержавие, народность. С 1905 года становится официальным органом монархической партии. Открыто призывает к погромам революционных рабочих, интеллигенции и евреев.

26. Здесь речь идет о земском съезде 6—8 ноября 1904 г. (см. примечание 3).

27. Хижняков, В. В.—накануне революции 1905 г. был гласным Черниговского земства и участником всероссийского съезда земских деятелей. После организации «Союза Освобождения» становится его активным членом. В 1905 г. принимал к левым либералам тила Прокоповича. Вместе с последним, Кусковой и другими, Хижняков сотрудничал в «Товарище».

28. В середине ноября 1904 г. в Киеве, на заседании литературно-артистического общества, после доклада «о поэзии Огарева», гласный Черниговского земства и участник всероссийского земского съезда Хижняков, только-что вернувшийся из Петербурга, сделал пространное сообщение о решениях этого съезда. Хижняков подробно остановился на письме Милюкова, полученном съездом, на основных постановлениях съезда и т. д. Сообщение было встречено рукоплесканиями. Внезапно из публики раздается протестующий голос. «Вы,—говорит

оратор, обращаясь к Хижнякову,—не должны были расходиться, не дождавшись удовлетворения ваших требований. Вы забыли о рабочем классе. Вы умолчали о главном—о всеобщем, равном и тайном голосовании. Вы больше занимались болтовней, чем делом». Эта реплика была восторженно встречена социал-демократической частью собрания. Отвечал Водовозов, который призывал социал-демократов к единению, к совместным действиям, говорил о недопустимости раскола и т. д. Собрание резко раскололось на две части: социал-демократическую и земскую.

29. Водовозов, В. В. (род. в 1864 г.)—бывший член редакции газеты «Наша Жизнь», известный публицист. В феврале 1887 г. был арестован и сослан на 5 лет в Архангельскую губернию. Специально-правовед. Накануне революции 1905 г. читал лекции по государственному праву. Написал ряд исследований по вопросам права и форм голосований. Сотрудничал во многих периодических изданиях либерально-демократического направления.

30. Витте (род. в 1849 г.)—начал свою служебную деятельность начальником службы движения Одесской ветви Юго-Западных железных дорог. В 1879 г. Витте работал в Петербурге в качестве начальника отделения эксплуатации в правлении Юго-Западных железных дорог. В 1888 г. Витте был назначен директором департамента железнодорожных дел и председателем тарифного комитета, а в 1892 г. стал управляющим министерством путей сообщения. В конце того же года Витте был назначен на пост министра финансов, который он занимал 11 лет. На этом посту он и произвел знаменитую реформу,— введение золотого обращения. В 1903 г. Витте вступает в обязанности председателя комитета министров. Последняя должность была фактически почетной отставкой, так как комитет до революции 1905 г. не имел никакого значения. Это перемещение с поста всемогущего хозяина финансов на пост безвластного председателя комитета произошло под напором дворянско-помещичьих элементов правительства (главным образом, Плеве), недовольных покровительственным отношением Витте и его занграванием с умеренными либералами. Во время событий 9 января Витте снял с себя всякую ответственность за действия правительства. Летом 1905 г. Николай посылает Витте в Портсмут для заключения мирного договора с Японией. За успешное выполнение этого поручения Витте был возведен в звание графа. В дни октябрьской стачки, когда победил курс на соглашение с буржуазией, Витте оказался наиболее подходящим человеком на пост премьерера. Манифест 17 октября является детищем Витте. После разгрома революции, когда самодержавие почувствовало под собой твердую почву, Витте опять сошел со сцены. Мавр Витте сделал свое дело. Последняя опала Витте длилась вплоть до его смерти (1915 г.).

31. «Наша Жизнь»—ежедневная радикально-демократическая газета, выходившая в Петербурге с 6 ноября 1904 г. Ее основателем был известный экономист проф. Л. В. Ходский. Газета занимала левое место в русской легальной печати. Ее сотрудники почти все состояли членами «Союза Освобождения». Первый номер «Нашей Жизни» подвергся предостережению; его розничная продажа была запрещена. Вскоре последовало второе предостережение, а 5 февраля 1905 г. третье и закрытие газеты на 3 месяца. С 6 мая 1905 г. газета возобновляется при следующем составе редакции: Прокопович, Кускова, Хижняков, Богучарский, Водовозов, Нортугалов, Щеголев, Рыкачев и др. Первые четверо вскоре вышли из состава редакции. Не будучи официально органом какой-либо партии, газета фактически являлась органом «Союза Освобождения». За напечатание деклараторского (финансового) манифеста Совета Рабочих Депутатов газета была закрыта. В революции 1905 г. «Наша Жизнь» отражала настроения либе-

ральной интеллигенции. Поэтому в начале революции она резко критиковала правительство, восхищалась борьбой масс, проповедовала борьбу до конца. Во время октябрьской стачки «Наша Жизнь» уже стала проявлять признаки недовольства чрезмерными требованиями пролетариата и героическим размахом его борьбы. Ноябрьская забастовка была ею встречена уже полувраждебно, а кампания за 8-часовой рабочий день дала ей повод начать поход против утопической тактики с.-д. Статья, о которой упоминается в тексте, озаглавлена: «Земство и бюрократия».

32. Трубецкой, С. Н.—проф., крупный либеральный деятель, получил широкую известность своей речью, которую произнес в Петергофском дворце 6 июня 1905 г. перед Николаем II, как депутат съезда городских и земских деятелей. В речи заключалось ходатайство о созыве народных представителей. С этого времени популярность Трубецкого среди либеральной буржуазии непрерывно растет. Несмотря на то, что упомянутая речь была встречена всеобщим ликованием и поддержкой либеральной части буржуазии, она ни к каким результатам не привела. Ровно через два месяца был издан манифест о созыве «Булыгинской Думы», ничего общего с народным представительством не имевшей. Избранный на пост ректора Московского университета, Трубецкий вел упорную борьбу с московской администрацией, настаивавшей на закрытии университета. 29 сентября 1905 г. он внезапно скончался.

33. Статья князя С. Н. Трубецкого «Два пути» была помещена в «Правде», № 44 (1904 г.). Основное содержание ее было таково: После убийства Плеве обнаружилось, что его политика решительно осуждается всем русским обществом. Даже реакционный «гражданин» устами Мещерского высказывается за неправдливость линии «официального консерватизма». Это всеобщее осуждение политики Плеве и ему подобных объясняется явной необходимостью, в целях защиты порядка и общественной безопасности, утвердить начала гражданских свобод и дать простор общественной самостоятельности. Это необходимо, прежде всего, для сохранения престола. Только решительный переход к новому пути спасет Россию от смут и волнений. Это—путь правового государства, путь тесного единения престола и всего народа.

34. Эта программа была опубликована в № 1 «Освобождения» под заголовком «От русских конституционалистов» и состояла из требований умеренно-либерального характера.

35. «Освобождение»—либеральный двухнедельник, выходивший с 1 июля 1902 г. сначала в Штуттгарте, а потом в Париже. Его редактором был бывший социал-демократ и бывший марксист П. Б. Струве. Уже в первом № этого журнала была подчеркнута крайняя умеренность политических требований освободителей. Они сводились к созыву бессословного народного представительства, избранного губернскими земствами и думами больших городов. «Освобождение» являлось, таким образом, органом оппозиционных земских кругов и либеральной буржуазии. В дальнейшем, под влиянием роста революционных сил, «Освобождение» поворачивает несколько влево. С 1903 г. журнал становится органом «Союза Освобождения». Временами он признает требование всеобщего, равного и прямого голосования, и вообще принимает демократическую окраску. Богатство фактического материала доставляет ему большое распространение среди либеральной части буржуазии и дворянства. В начале революции, под влиянием сильного крена интеллигенции влево, «Освобождение» занимает уже нейтральную позицию. В дни апогея стачечного движения журнал резко нападает на революционную социал-демократию за ее «крайности», за развязывание стихийного движения масс, и пр. После 17 октября 1905 г., журнал прекращается.

В 1906 г. тов. Троцкий дал следующую политическую характеристику этому журналу:

«Освобождение», либеральная газета, издавалась с 1902 г. за границей, сперва в Штуттгарте, затем в Париже. Редактировал «Освобождение» г. Петр Струве, перебежчик из рядов социал-демократии. «Освобождение» отличалось при своем возникновении крайне умеренным характером. Оно переняло от земцев программу Земского Собора, как представительства дворянских земств и купеческих дум (см. № 1 «Освобождения»). Политическая поверхностность и литературная посредственность составляли основные черты этой нелегальной газеты, которая, за отсутствием в России всякого свободного слова в то время, пользовалась значительным успехом в буржуазных и либерально-бюрократических кругах общества. Под влиянием революционных событий в России «Освобождение» стало испытывать давление со стороны своих левых сотрудников и временами высказывалось за всеобщее избирательное право. Впрочем, дилетантная беспринципность редактора лишала демократизм «Освобождения» всякого значения: газета противоречила себе на каждом шагу и, под влиянием первого ветра, передвигалась слева направо и справа налево.

«Основная задача «Освобождения», выступающая сквозь все его противоречия, может быть охарактеризована так: объединить вокруг либеральных земцев демократическую интеллигенцию; посредством этой демократической интеллигенции создать в населении доверие к земцам,—и затем использовать популярность земцев для соглашения с царским правительством. Народной революции «Освобождение» боялось, не верило в нее и все время стояло на антиреволюционной точке зрения. За два дня до 9 января 1905 г. «Освобождение» писало: «Революционного народа в России нет». В последнем №, во время октябрьских дней, «Освобождение» нападало на социал-демократов за университетские митинги, сыгравшие огромную роль в русской революции. После 17 октября редактор «Освобождения» вернулся в Россию, где в еженедельной газете «Полярная Звезда» стал на крайнем правом крыле кадетской партии и в нападках на революционеров соперничал с «Новым Временем». «Полярная Звезда», как и ежедневная газета Струве «Дума», погибла за отсутствием читателей».

36. Эта цитата взята из статьи «Наши внутренние дела», помещенной под псевдонимом К. С. в «Освобождении», № 61, 1904 г.

37. «Сын Отечества»—ежедневная газета, выходившая в Петербурге с 18 декабря 1904 г. по 5 февраля 1905 г. Редактором-издателем за это время подписывался С. Юрицын, фактическим редактором был Г. И. Шрейдер, сыгравший затем видную роль в эпоху керенщины. Закрывая 5 февраля, газета снова начинает выходить в марте. По отношению к Государственной Думе она сначала проявляет неопределенную политику, затем выправляется и решительно проводит тактику бойкота. С ноября 1905 г. редактором становится Г. И. Шрейдер, издателем С. И. Юрицын. С 15 ноября в состав редакции входят: Кудрин, Мякотин, Пешехонов, Шрейдер, Чернов. Газета становится органом партии эсеров. За напечатание манифеста Совета Рабочих Депутатов газета приостанавливается, а Шрейдер отдается под суд. 7 декабря «Сын Отечества» возобновляется под названием «Наши Дни» (редактор Арефин, издатель Юрицын). За напечатание воззвания союза военнослужащих «Наши Дни» закрываются, успев выпустить всего только два номера. Отражая взгляды радикальной интеллигенции, «Сын Отечества» естественно отражал и эволюцию настроений этих групп. Про-

тия его половинчатости, резких поворотов и т. д. социал-демократические газеты вели беспощадную борьбу.

38. Здесь имеется в виду ноябрьский съезд (1904 г.) земских деятелей.

39. Шипов—лидер земского движения 90-ых и 900-ых гг. Долгое время был гласным Московского губернского земства; в течение 11 лет—с 1893 по 1904 г.—председатель Московской губернской земской управы. Организатор съездов земских деятелей. На ноябрьском съезде земских деятелей (1904 г.) Шипов был избран председателем и руководил правой группой съезда (так-наз. меньшеинство) (см. прим. 3). В 1905 г. Шипов входит в состав «Союза 17 октября» и является решительным сторонником соглашения между правительством и земцами. В 1906 г. избирается от московского земства в Государственный Совет. Осенью 1906 г., после того как «Союз 17 октября» высказался за военные полевые суды, Шипов выходит из его состава и становится одним из активнейших членов партии мирнообновленцев. После Октябрьской революции Шипов был руководителем крупнейшей белогвардейской организации, так-наз. «национального центра».

40. Введенный в 1864 г. институт земских учреждений показателен для правительственной политики по отношению к среднему слою дворянства.

Судебная реформа в целом живо заинтересовала лишь городскую интеллигенцию, для массы же среднего дворянства практическое значение имел только мировой суд, выбиравшийся на земских собраниях. До земского положения 1864 г. и низший суд и низшая полиция на местах были целиком в руках местных помещиков, которые выбиравли уездных судей и уездного исправника. После же реформы Александра II в руках местного населения осталась только местная суд, а полиция перешла к центральной власти в лице исправника, назначавшегося сверху. Средние помещичьи слои дворянства на местах были лишены тем самым самостоятельной судебной власти.

41. См. статьи К. С. «Кп. Святополк и судьба земского съезда», «Освобождение», № 60 от 7 ноября 1904 г.

42. «Искра»—заграничный орган РС.-Д.Р.П., основанный Лениным Мартовым и Потресовым, совместно с группой «Освобождения Труда». В конце 1900 г. в редакцию вошли: П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, В. И. Ленин, Ю. О. Мартов, Г. В. Плеханов и А. Н. Потресов. В течение 1900—1903 гг. «Искра» проделала громадную работу по собиранию сил российской с.-д., ведя беспощадную теоретическую борьбу с оппортунизмом в лице тогдашнего «экономизма». II Съезд РС.-Д.Р.П. (Лондон 1903 г.) признал громадное значение работы, проделанной «Искрой», и объявил ее центральным органом партии. В связи с вопросом о руководстве партийной работой Ленин придавал сугубо важное значение составу редакции Ц. О. Благодаря его давлению съезд удалил из редакции колеблющихся—Аксельрода, Засулича и Потресова—и выбрал новую редакцию в составе Ленина, Плеханова и Мартова (последний отказался в нее войти). В виду того, что вскоре после съезда Плеханов встал на путь сближения со своими старыми политическими друзьями, Ленин оказался вынужденным покинуть «Искру» и с № 51 уже в ней не работал. После окончательного перехода Плеханова на позицию меньшевиков, «Искра», прозванная «новой» в отличие от «старой»—денинской, превращается из революционного органа в газету организационного оппортунизма и половинчатой критики либерализма. Новая «Искра» заманивает свое существование во время первой революции, 8 октября 1905

Здесь имеется в виду статья: «Ялание либералов народу».

43. *Vade mecum*—буквально значит (по-латыни): иди со мной, употребляется в смысле: путеводитель. Это слово здесь упо-

треблено по аналогии с известным полемическим сочинением Плеханова (Vademecum для редакции «Рабочего Дела»), написанным против «экономистов».

44. «Революционная Россия»—центральный орган партии асеров. Только два первые номера вышли—незаконно—в России в конце 1901 г., следующие номера выходили за границей. Журнал стремился примирить социал-демократов с эсерами и сочувственно относился к либералам. Богатый фактическими корреспонденциями из России, журнал имел широкое распространение. На его страницах были впервые сформулированы тактические основы деятельности партии с.-р. Старая «Искра», в лице Ленина и Плеханова, вела беспощадную идейную борьбу с «Революционной Россией». Именно тогда Плеханов бросил свое крылатое слово о «социалистах-реакционерах».

45. Гредескул (род. в 1864 г.)—профессор Харьковского университета. По приказанию министра Дуринова, был заключен в тюрьму и перед самыми выборами в I Думу сослан в Архангельскую губернию. Редактировал газету «Мир» (впоследствии закрытую); был одним из руководителей кадетской партии. В I Думе был избран вторым товарищем председателя Думы. В дни Советской власти Гредескул эволюционировал влево, и его политические выступления в 1920 г. предвосхитили «сменовеховство». В последние годы Гредескул работает как профессор Ленинградских вузов.

46. Уланд—знаменитый немецкий поэт, историк литературы и вюртембергский политический деятель (1787—1862). После революции 1848 г. был избран во франкфуртский парламент, где явился членом левой, определенным сторонником велико-германской партии (стоявшей за включение Австрии в будущую объединенную Германию) и демократом.—Цитируемое в тексте стихотворение написано в 1817 г. (Den Landständen zum Christophstag 1817). Первая строка приведена не вполне точно,—у Уланда сказано: Und kann es nicht sein Ziel erstreben, и т. д. (Если же оно (т.-е. ваше последнее, решительное слово) не сможет добиться цели, и т. д.).

47. Киевская стачка была ответом на забастовки в Баку и Одессе. 21 июня Комитет партии обратился с воззванием ко всем типографщикам и железнодорожным рабочим, в котором говорилось: «Бросайте немедленно работы. Наши одесские и бакинские товарищи ждут нашей поддержки». В воззвании был выставлен ряд (15) требований, в том числе о 8-часовом рабочем дне и о повышении зарплаты на 40—50%. В тот же день прекратили работу все рабочие железнодорожных мастерских, депо и малого ремонта, а также южно-русского машиностроительного завода,—всего 4.000 человек. В листке к типографщикам Комитет предлагал выставить требование об увеличении заработной платы на 30%, о 8-часовом рабочем дне, об устройстве вентиляции и лучшего освещения в типографиях. 22 июня типографщики в числе 500—600 человек присоединились к стачке. Через несколько дней бастовал весь Киев. Город оказался без электричества, газа и хлеба. Город, конечно, был объявлен на военном положении, были пущены в ход войска. Стачка прекратилась 30 июня.

48. Одесская стачка в 1903 г. В июне 1903 г. была объявлена стачка рабочими механического завода Рестель. Администрация завода наняла швейкбрехеров, которые работали под охраной полиции. Стачка провалилась, и вера рабочих во всемогущество «Комитета Независимых», руководившего стачкой, была сильно поколеблена. В это же время на бумагоджутовой фабрике Родоконали вспыхнула стачка, руководимая Одесским Комитетом Р.С.—Д.Р.П. Эта стачка через несколько дней была выиграна. Экономические требования рабочих частично были удовлетворены. 1 июля начинается большая стачка на Большом вокзале. Ближайшим поводом к ней явилось увольнение одного

рабочего котельного цеха. Котельщики потребовали возвращения рабочего и удаления некоторых мастеров. Это требование было единодушно поддержано рабочими других цехов. Началась агитация за всеобщую железнодорожную стачку. 2 июня уже бастовал весь Большой вокзал. Были выставлены следующие требования: 1) 9-часовой рабочий день, вместо 10-часового, 2) увеличение заработной платы, 3) возвращение уволенных товарищей, 4) удаление некоторых мастеров, 5) вежливое обращение и ряд других мелких требований. «Независимые» решительно противодействовали всякой деятельности Одесского Комитета Р.С.-Д.Р.П. среди железнодорожников. Тем не менее, листки Одесского Комитета и речи его представителей встречались восторженно огромной частью рабочих. 6 июля состоялось собрание бастующих железнодорожников, где представителями социал-демократов подробно разбирались политические вопросы о борьбе рабочего класса в России, о задачах рабочих, о социал-демократической партии. Возгласы ораторов «дойди самодержавие!», «да здравствует политическая свобода!» и др. дружно поддерживались рабочими. 4 июля начинается забастовка портовых грузчиков, требующих увеличения заработной платы до 2 рублей в день и сокращения рабочего дня на полчаса. С 6 июля к забастовке примыкают матросы, кочегары, угольщики. Так как часть моряков состояла членами кассы «Комитета Независимых», то последнему пришлось взять на себя руководство стачкой. Председатель «Комитета Независимых» Шавевич с первого же дня предложил сократить требования до минимума. Моряки не соглашались, умеренные требования Шавевича их не удовлетворяли. 13 июля началось сильное брожение среди кондукторов и кучеров конки. 15 июля конка и трамвай прекращают движение. Утром 16 июля прекращают работы фабрики Жако, Родоконоки и другие. 17 июля происходит огромная демонстрация рабочих, направляющаяся в Рубов сад. 18 июля в том же Рубовом саду дезорганизаторская, провокационная роль «независимых» сказалась еще ярче и выпуклее. Независимцы повели усиленную агитацию среди рабочих против социал-демократов. Последних выводили из сада и грозили передать в руки полиции. Собрание без политического руководства, разлагаемое независимцами, призывавшими разойтись, не могло продолжаться: большинство стачечников разошлось по своим фабрикам и заводам, где перешло к обсуждению своих частных требований. Несмотря на все препятствия, социал-демократам удалось кое-где выступить. На следующий день, 19 июля, градоначальник Арсеньев издает приказ:

«Вследствие возникших в городе беспорядков сим объявляю во всеобщее сведение, что при неподчинении требованиям полицейской и административной власти я принужден буду для восстановления порядка — на основании закона — употребить силу оружия».

Уже к 18 июля по городу были расположены войска в полном вооружении. «Комитет Независимых», как главный виновник беспорядков, был распушен. С 19-го войска начали расправу.

Хотя стачка ни к каким ощутимым политическим и экономическим результатам не привела, тем не менее, ее значение было огромно. Она уяснила всем рабочим политику «независимых», политику самодержавия, политику социал-демократии. Зубатовская организация «независимых» потерпела решительный крах. Наиболее сознательная часть рабочих, примыкавшая к «независимым», отошла к социал-демократам. Авторитет социал-демократической организации среди рабочих значительно возрос. Шавевич был арестован и выслан из Одессы.

49. Т.-е. «Кровавого воскресенья» 9-го января. «Петербургское восстание», является, конечно, неправильной характеристикой этого исторического события, ибо 9 января никакого восстания не было, а имела место лишь мирная демонстрация рабочих. Термин «петербургское восстание» был, повидимому, взят из иностранной прессы, которая всячески раздувала происходившие в Петербурге события, и расстрел мирной демонстрации превратила в восстание.

50. О характере и размерах этой стачки дают нам представление нижеисследующие выдержки из прокламации Петербургского Комитета, выпущенной 10 января в связи с бакинской стачкой:

«Вот уже скоро три недели, как рабочие Баку, этого крупнейшего на Кавказе промышленного центра, предъявивши требования экономического и политического характера, дружно прекратили работу. Всеобщая стачка огромными пожаром охватила все, за незначительными исключениями, промысла, фабрики, заводы, мастерские, типографии. Забастовали рабочие на доках и пристанях. Вастуют целые районы, целые заводские поселки,—все рабочие отдельных предприятий без различия пола, возраста и национальности,—русские, армяне, грузины, персы, татары. Это внушительная грандиозная манифестация. Жизнь в этом громадном, оживленном городе замерла, остановилась. Ковчиг не ходит. Телеграф и телефон не действуют. Газеты не выходят несколько дней. По временам на улицах появляются толпы демонстрирующих рабочих. Происходят стычки с казаками и полицией. Стачка длится,—рабочие настойчиво и неуклонно идут к поставленной цели. Повторяем,—это грозная исполнская манифестация...

Как один человек, поднялся пролетариат одного из крупнейших городов России, и он истит самодержавию за все его пресупления, за тот гнет и бесправие, которые железными тисками давят русского пролетария, за бессмысленную войну с Японией, за Кишиневский погром и Якутскую бойню—за все, что в продолжение столяких лет вывало к протесту и искало себе выхода.

Потрясающим трагизмом и неуклонной энергией были полны отдельные глубоко-знаменательные эпизоды первого сражения, данного русским пролетариатом русскому самодержавию: это расстрел рабочих на Киевском вокзале, их демонстрация с трупами убитых, часто наблюдавшееся уклонение солдат от стрельбы, солидное спокойствие манифестантов в Одессе

Таковыми же и более замечательными эпизодами будет, вероятно, богата и нынешняя стачка.

Если летние стачки 1903 г. развернули русскому правительству и всему миру всю ту громадную солидарность и единомыслие, которые может проявлять русский пролетариат в своей классовой борьбе за политическую свободу,—то нынешней, если даже она ограничится пределами одного Баку, суждено, повидимому, стать исполнской демонстрацией его энергии и настойчивости в деле достижения раз навсегда поставленной цели.

Собирайтесь же теснее, товарищи, под знамена социал-демократии, и пусть смелое выступление бакинских рабочих найдет себе горячий отклик в сердцах их петербургских собратьев. Удесятерим же свою энергию в нашей повседневной революционной работе, будем всюду и везде выяснять смысл происходящих на юге событий, будем собирать деньги на поддержку стачечников, будем готовить почву для такой же грандиозной стачки здесь, в Петербурге. Как могучий удар тарана, она сметет последние твердыни самодержавия, она может обратиться в по-

следнюю и решительную схватку русского народа с русским самодержавием.

Долой самодержавие! Да здравствует всеобщая стачка! Искренний привет товарищам.

51. Струве—один из крупных политических вождей русской буржуазии. В эволюции Струве наиболее ярко отразились этапы развития ее политической идеологии. В начале 90-ых годов Струве активно участвовал в идейной борьбе с народниками, вынустив в 1894 г. напечатать книгу «Критические заметки», которая критиковала народничество с точки зрения марксизма. Но уже тогда, объявляя себя «критически-мыслившим марксистом», Струве усердно призывает «на выучку к капитализму», что вызвало критику слева со стороны В. И. Ленина. В 1898 году Струве еще числится с.д. и становится автором знаменитого манифеста I съезда партии, в котором он писал пророческие слова о том, что чем дальше на Восток, тем буржуазия делается все пооднее. Через 1—2 года Струве выступает уже критиком марксизма и с.д. по всему фронту. В политической экономии он критикует теорию трудовой ценности, в социологии и философии—материалистическую диалектику (особенно революционные «скачки»), в политике—позицию «Искры». До 1905 года Струве является лидером союза «революционных» интеллигентов с либеральными земцами; революция же отталкивает его еще более вправо. В годы столыпинщины Струве подводит идейный базис под третьеиюньскую монархию и империалистические вождедения крупного капитала, ратует за союз «науки и капитала» и оплевывает революционное прошлое русской интеллигенции. Революция 1917 года сразу делает Струве активным контр-революционером. После Октября Струве занимает пост министра во врангелевском правительстве. В последние годы издает в Праге реакционно-мистический журнал «Русская Мысль».

52. Гапон—родился в 1870 г. в Полтавской губернии, в семье бедного казака. Учился в Полтавской духовной семинарии, по окончании которой некоторое время служил земским статистиком. По настоянию жены, принял священнический сан, затем вскоре поступил в петербургскую духовную академию, а по окончании последней получил место в петербургской пересыльной тюрьме. Еще будучи слушателем академии, он связался с рабочими и сблизился с начальником московского охранного отделения Зубатовым и др. высшими чинами полиции, на службе у которой находился за все время своей деятельности в рабочих организациях. В том же году Гапон основал в Петербурге «Общество фабричных и заводских рабочих» по типу зубатовских организаций и был его председателем. В начале 1904 г. Гапоном был организован кружок рабочих полиграфического дела, который к концу года насчитывал до 70-80 человек. Кружок открыл на Васильевском острове чайную, в которой устраивал беседы. Упоминая о своих связях с полицией, Гапон объяснял их тем, что они необходимы для выполнения задач его организации. Мечтая об устройстве клубов по всей России для объединения всех рабочих, Гапон предполагал, при общей экономической вспышке, предъявить политические требования. Во время своих бесед Гапон высказывал и некоторые положения своей будущей петиции. К декабрю 1904 г. Гапоновское общество фабрично-заводских рабочих имело уже районные организации по всему Петербургу. Несмотря на недоверие сознательных рабочих и предостережения социал-демократических организаций, Гапону удалось объединить в своих организациях большое количество рабочих. Забастовки первых чисел января 1905 г. и натиск рабочей массы вынудили Гапоновское общество принять на себя руководство движением. Вместо революционной борьбы стихийное движение масс было направ-

влено Гапоном на путь ходатайства перед царем. Он лично выступал в последние дни перед 9 января на всех собраниях районов, произносил везде горячие зажигательные речи. Во время шествия к Зимнему дворцу Гапон был ранен, но спасен своими друзьями. При помощи эсера, инженера Рутенберга, он бежал за границу.

В Париже Гапон пробовал-было сойтись с революционными организациями, несколько раз встречался с Плехановым, но обнаружил полное невежество в политических вопросах, честолюбие и властолюбие. Позднее он совершенно отошел от революционных организаций, не без основания подозревавших его в связи с охранкой.

После октябрьской амнистии политических деятелей Гапон возвратился в Россию, вновь завел связь с охранкой, получил от нее задание—восстановить разрушенное Общество фабричных и заводских рабочих, получил деньги, намеревался даже издавать свою газету, но 28 марта 1906 г. на даче под Петербургом, в Озерках, был убит тем же Рутенбергом.

53. Постановление большинства ноябрьского земского совещания о предоставлении решающего голоса народным представителям (см. примечание 3) побудило «реформатора» Мирского сделать доклад Николаю о необходимости ряда реформ. В связи с этим докладом царь созвал совещание министров, которое поручило Витте написать проект соответствующего указа. Проект указа под заглавием: «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» и был выработан Витте совместно с Нольде и подписан всеми членами совещания. Утверждая проект, Николай, при активном участии Витте и Победоносцева, вычеркнул основной пункт о необходимости привлечения общественных деятелей в законодательное учреждение. Манифест был опубликован 12 декабря; он говорил об административных реформах и, в очень туманных выражениях, о расширении прав населения и свободы печати. В подкрепление вычеркнутого пункта, следом за манифестом было издано «правительственное сообщение», которое запрещало обсуждать в общественных собраниях вопрос о конституции. Вполне естественно, что подобный указ ни в малой мере не мог удовлетворить даже самых умеренных земцев. Витте сам признается в своих «Воспоминаниях», что указ лишь обострил отношения между самодержавием и «обществом». Но возбуждение либералов, как подобает, ограничилось лишь новыми банкетами. Практические результаты манифеста свелись к некоторым проявлениям веротерпимости по отношению к старообрядчеству и сектантству и к изменению положения в школе западных губерний.

54. «Весна». Убийство Плеве явилось серьезным предостережением для реакционной политики царского правительства. Плеве обещая своей политикой добиться быстрого и решительного уничтожения революционной храмы, а в результате—погиб от руки революционера. Пресемника Плеве нашли только через месяц. Новый министр внутренних дел, Святополк-Мирский (см. о нем прим. 22), хотя был тоже жандармом, но в отличие от Плеве—жандармом «либеральным». Его первым шагом явилось уверение «в благожелательности и доверии к общественным сословным учреждениям». Издатель реакционной газеты «Новое Время», Суворин, назвал эту эпоху сближения народа с властью «весной». Первое время после назначения князя Святополк-Мирского, вся пресса, не исключая и реакционной («Гражданин», «Новое Время» и др.), приветствовала, в лице назначенного министра, новый период в истории русского государства—период доверия, единения правительства с народом. Святополк-Мирский пытался в своей политике найти среднюю линию между самодержавием и ограниченным народным представительством. Новый министр предполагал опереться в своей политике на земцев. Для этого он созвал совещание пред-

ставителей земских управ. Однако, возбужденный тон прессы внушил ему опасения за исход совещания, так что, в конце-концов, последнее было запрещено и должно было собраться полулегально на частной квартире. Съезд земских деятелей определенно высказался за конституцию. Это решение съезда было восторженно встречено либерально-демократическими кругами и явилось исходным пунктом для бесчисленного количества банкетов, на которых неизменно выносилось приветствие земскому съезду. Резолюции, заявления, протесты, записки, петиции принимают в этот период эпидемический характер. В ответ на них правительство 12 декабря издает указ, в котором вскользь говорится о некоторых административных реформах, но неперемённым условием дальнейших реформ ставится сохранение «незыблемости основ самодержавной империи». О народном представительстве в указе не упоминалось ни словом. Через два дня после издания этого указа было опубликовано правительственное сообщение, которое запрещало даже обсуждать постановления земского съезда. Были запрещены всякие собрания, собрания, митинги. Снова начинаются гонения на печать. 31 декабря князь Святополк-Мирский издает циркуляр, в котором разъясняется, что пересмотр положения о крестьянах будет производиться на основе проекта Плева. Этим циркуляром все политические иллюзии, внушенные половинчатой политикой Святополка, были окончательно рассеяны. Половинчатые решения больше уже никого не удовлетворяли, а, наоборот, только еще сильнее возбуждали массы. 9 января окончательно положило предел политике доверия. Спустя несколько дней после Кровавого Воскресенья, Святополк-Мирский должен был уйти. С его уходом формально заканчивается эпоха «весны».

55. Трепов, Д. Ф. (родился в 1855 г.). Сын знаменитого петербургского градоначальника. В 1896 г. был назначен московским обер-полицеймейстером. На этом посту Трепов проявил себя как организатор и сторонник зубатовских организаций. После событий 9 января был назначен петербургским генерал-губернатором. Здесь он продолжал вести ту же политику, что и в Москве. Поднимается гонение на печать: 5 февраля по распоряжению Трепова закрываются две крайние либерально-демократические газеты, «Сын Отечества» и «Наша Жизнь». В свою бытность петербургским генерал-губернатором Трепов имел большое влияние на Николая. В мае 1905 г. он был назначен товарищем министра внутренних дел и командующим отдельным корпусом жандармов. С этого времени он становится вдохновителем всей правительственной политики. Во время всеобщей политической забастовки, 14 октября, он издает исторический приказ: «Патронов не жалеть и холостых залпов не давать». Усирение октябрьского восстания, черносотенные погромы, карательные экспедиции—все это проводилось под неустанным руководством Трепова. Во время работ I Государственной Думы Трепов стал высказываться за некоторые уступки «обществу» и был против роспуска Думы.

1 июля 1906 г. предполагалось покушение на Трепова, но по ошибке был убит похожий на него наружностью генерал-майор Козлов. Убийца (Васильев) был казнен. 2 сентября 1906 г. Трепов неожиданно скончался. В его лице царское самодержавие потеряло крупнейшего деятеля по борьбе с революционным движением.

56. Людовик XVI—французский король, наследовал своему деду Людовику XV в 1774 г., в то самое время, когда брожение во Франции все более и более усиливалось. Господство двух высших сословий, дворянства и духовенства, вызвало в растущей буржуазии (так-наз. третье сословие) острое недовольство, и ее оппозиция становилась с каждым годом все сильнее и опаснее для абсолютистского государства. Под все растущим влиянием этой оппозиции Людовик XVI прибегает к крайнему средству—к союзу Генеральных

Штатов, которые не созывались в течение 176 лет. Право выборов было дано всем французам, достигшим 25-летнего возраста и уплачивавшим определенную сумму налога. 5 мая 1789 г., в Версале, Генеральные Штаты были открыты. Первые недели прошли в бурных спорах по вопросу о голосовании. Третье сословие предлагало совместные заседания и голосования, привилегированные сословия на это не соглашались. Споры ни к чему не привели. 17 июня третье сословие объявляет себя Национальным Собранием, как представителей 96% французского народа. 23 июня Людовик XVI приказывает восстановить старый порядок и голосование производить по сословиям. Национальное Собрание отказывается подчиниться. После восстания 14 июля, закончившегося взятием Бастилии, Людовик XVI утверждает декрет Национального Собрания об уничтожении феодальных порядков. С этого времени он уже фактически не царствует. Встревоженный быстрой сменой событий, он то приспосабливается к новому порядку, то реагирует против них посылкой тайных воззваний к иностранным державам. В июне 1791 г. Людовик XVI с семьей попытался бежать в Лотарингию, но в Варенне был задержан и возвращен обратно. 14 сентября 1791 г. Людовик XVI приносит присягу новой конституции, выработанной Национальным Собранием, но продолжает тайно вести переговоры с иностранными государствами и с французскими эмигрантами. Отказ Людовика санкционировать декрет Национального Собрания, направленный против эмигрантов и мятежных священников, и раскрытие сношений Людовика с иностранцами вызывают восстание 10 августа 1792 г. Национальное Собрание постановляет созвать Национальный Конвент для установления порядка власти во Франции. 21 сентября в Париже открывается Национальный Конвент. Главнейшим его решением было объявление Франции республикой. Вслед затем жирондистами поднимается вопрос о судьбе короля. Громадным большинством голосов Людовик XVI признается виновным в заговоре против свободы нации и общественной безопасности. По вопросу о наказании голоса разделились. Большинство 383 против 310 Людовик XVI был приговорен к смертной казни и на следующий день, 21 января 1793 г., был гильотинирован.

57. Здесь имеются в виду великая французская революция XVIII в. и австро-немецкая 1848 года. Обе эти революции знаменовали политическую ликвидацию феодализма, являющуюся результатом торжества торгового капитализма и развивавшейся промышленности над феодальным цеховым способом производства. Немецкая и в особенности французская революции происходили на той ступени экономического развития этих стран, когда промышленный капитализм еще делал только свои первые шаги и не успел создать многочисленного класса наемных промышленных рабочих и резко провести разделение труда по всей стране. Именно этим объясняется, напр., исключительная роль Парижа во французской, Вены — в австрийской революции.

Россия XX века, будучи экономически отсталой по сравнению со странами Западной Европы, была несравненно более развитой индустриально, чем Франция или Германия 48 г. Донбасс, Бакинский нефтяной район, Урал, сталелитейные заводы Юга, текстильный район Центральной России опоясывали крестьянскую Россию и в решительную минуту стали во главе народной революции во всех частях страны. Неслыханно острый процесс концентрации промышленности создал в течение 2—3 десятилетий сплоченные кадры фабричных рабочих, а политический гнет был благоприятствующим фактором для усвоения пролетариатом классовый, с-д. идеологии.

58. Эта книжка называлась: «Записка по крестьянскому делу». «Обществ. Польза» 1905 г. «Записка» Витте подробно разбирает вопросы и решения местных сельско-хозяйственных комитетов. Основные

выводы «Записки» следующие: конечной целью крестьянского законодательства должно явиться устранение обособленности крестьян «от прочих сословий»; но это устранение сословных отличий не должно в то же время затронуть «тех особенностей сословного строя, которые необходимы для пользы самого крестьянства и всего государства».

59. 9 января правительство двинуло против рабочих крупные военные силы; на Васильевском острове была расположен полностью весь Финляндский полк, 2 эскадрона улан, 2 эскадрона казаков и рота Беломорского полка. Частями командовали ген. Самгин и полковник Орлов. У Полцейского моста расположился Семеновский полк, у Зимнего дворца—Преображенский. 9 января войскам не разрешалось подпускать к себе толпу ближе, чем на 50 шагов, 10 января—ближе, чем на 300. Стреляли из ружей. Точное число залпов неизвестно. Пушечных залпов не было: в прокламации о пушечном залпе говорится по ошибке, которая объясняется ложными сведениями, усердно распространявшимися в то время заграничной печатью о событиях в России.

60. Эта прокламация найдена в архивах Киевского Губернского жандармского управления. Прокламация была издана типографией Бюро Центрального Комитета, во главе которого стоял тов. Красин. Точную дату ее издания установить нельзя, но ряд обстоятельств заставляет думать, что прокламация была издана в марте 1905 г.

61. Петербургская группа ЦК—объединяла петербургских меньшевиков. Одновременно в Петербурге существовала большевистская организация, возглавляемая Петербургским Комитетом. Петербургская группа весной 1905 г. обладала довольно крупными литературными силами и выпустила большое количество прокламаций. В числе их была издана и данная. Летом 1905 г. группа была провалена провокаторм Николаем—Золотые Очки.

62. Эта петиция приведена нами в приложении 1.

63. Виктор Адлер—известный австрийский политический деятель (род. в конце 60-ых гг. пр. столетия). Вначале был радикалом, затем в середине 80-ых гг. стал социал-демократом. Адлер является одним из основателей австрийской социал-демократической партии. В начале своей социал-демократической деятельности он вел ожесточенную кампанию за избирательное право австрийских рабочих. Вся деятельность австрийской социал-демократии в течение двух-трех десятилетий проходила под его политическим руководством. Одновременно Адлер играл видную роль во II Интернационале. В исторической полемике между ревизионистами и ортодоксальными марксистами Адлер занял колеблющуюся позицию. В вопросах тактических, на конгрессах II Интернационала, он неоднократно поддерживал реформистские группы,—Жореса и др. Вполне естественно, что в 1914 г. В. Адлер переходит окончательно на сторону социал-патриотизма. 4 августа 1914 г. Адлер голосует в рейхстаге за военные кредиты. Не во всем соглашаясь с разившейся во время войны ультра-шовинистической агитацией с.-д. фракции, Адлер в общем и целом мирился с ней.

64. Поведение либералов перед лицом надвигавшихся событий 9 января обнаруживало крайнюю растерянность. В то время, как на рабочих окраинах массы лихорадочно готовились к выступлению,—либеральная интеллигенция не знала, как ей поступить. Ей был известен как мирный характер демонстрации, так и военные приготовления правительства. Поздно ночью, накануне 9 января, была избрана делегация от интеллигенции в составе Арсеньева, Аяленского, Пешехонова, Гессена, Мякотина, Смерского, М. Горького и др. Делегация отправилась к Сятополк-Мирскому. Последнего не оказалось дома, и делегацию приняла товарищ министра—ген. Рыздзевский. Он сообщил, что правительству все известно, что все меры уже приняты и что теперь необходимо

угговорить рабочих отказаться от выступления. Затем делегация отправилась к Витте. Последний ее принял, но сообщил, что все это дело не касается его ведомства. Сам Витте в своих записках так описывает это посещение:

«Вечером 6-го ко мне вдруг явилась делегация переговоров по поводу дела чрезвычайной важности. Я ее принял. Между ними я не нашел ни одного знакомого. Из них по портретам я узнал почетного академика Арсеньева, писателя Анненского, Максима Горького, а других не узнал. Они начали мне говорить, что я должен, чтобы избежать великого несчастья, принять меры, чтобы государь явился к рабочим и принял их петицию, иначе произойдет кровопролития. Я им ответил, что дела этого совсем не знаю и потому вмешиваться в него не могу; кроме того, до меня, как председателя комитета министров, это совсем не относится. Они ушли недовольные, говоря, что в такое время я привожу формальные доводы и уклоняюсь.

Как только они ушли, я по телефону передал Мирскому об этом инциденте». (Витте, «Воспоминания», т. 1).

10 января вся делегация, за исключением Арсеньева и Кузина, была арестована по ордеру № 204 директора департамента полиции Лопухина.

65. **Зубатовщина**—попытка введения в России полицейского социализма, проводившаяся с благословения Плеве (названа по имени начальника московского охранного отделения Зубатова). Эта идея возникла вместе с появлением массового рабочего движения. В конце 90-ых годов XIX века представители власти подумывают о том, как бы перевести рабочее движение с социал-демократического пути на рельсы полицейского социализма, отвлечь внимание рабочих от агитации революционеров. В феврале 1902 г. Зубатов организует в Москве «Общество взаимного вспомоществования рабочих механического производства». На протяжении 1902—1903 гг. зубатовские организации возникают во многих городах. Организуя рабочих в эти мирно-просветительские общества, ставленники полиции неизбежно наталкиваются на необходимость принимать участие в забастовках. Так, например, в Одессе (1903 г.) зубатовская организация в целом принимает активное участие в забастовке. В виду того, что деятельность зубатовцев стала внушать серьезные опасения в смысле развязывания массового движения, правительство положило конец деятельности Зубатова, распустив его организации и разогнав их руководителей.

Позднее эта попытка была воскрешена в Петербурге под руководством священника Гапона, который организовал общество под названием «Собрание русских фабрично-заводских рабочих»; последнее имело районные отделения во всех рабочих центрах Петербурга. Невозможность удержать рабочие организации в рамках намеченной деятельности сводила на-нет все попытки подобного рода. Однако, они сыграли известную роль в развитии и оформлении классового сознания и организационных навыков в рабочих массах.

66. Автор имеет в виду статью «Политические письма», напечатанную в №№ 90 и 93 «Искры» за 3 и 17 марта 1903 г.

67. Петербургский Совет Рабочих Депутатов в 1905 г. возник в разгар событий Октябрьской стачки. На первом заседании, 13 октября, присутствовали лишь делегаты Невского района, но уже на втором, 14 октября, были представлены все крупные районы. 17 октября в четвертом своем заседании Совет избрал Исполнительный Комитет, в который вошли с совещательным голосом представители партий: три—от большевиков, три—от меньшевиков и три—от социалистов-революционеров. Деятельность Совета заключалась в руководстве

революционной борьбой не только петербургского, но и всероссийского пролетариата. Октябрьская всероссийская стачка прекращается организованным путем по декрету Совета, ноябрьская—целиком проходит под его руководством. Совет поддерживает также связь с Советами и революционными организациями, возникающими в других городах России. Петербургским Советом были выдвинуты следующие лозунги: Демократическая Республика; Учредительное Собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права; свобода печати, собраний, союзов и стачек; 8-часовой рабочий день.

Петербургский Совет Рабочих Депутатов в продолжение почти двух месяцев был фактически правительством революционной России: по его декретам останавливалась вся жизнь, его требованиям подчинялись не только капиталисты, но и окончательно растерявшееся царское правительство. Совет издавал свой орган, «Известия Совета Рабочих Депутатов» (всего вышло 10 номеров).

После ареста Исполнительного Комитета, 3 декабря, Совет был пополнен новыми делегатами. На 8 декабря им была объявлена третья политическая стачка—декабрьская,—но восстановить свою деятельность в прежнем объеме он уже не мог. После подавления декабрьской стачки правительством Совет окончательно прекращает свое существование.

68. Восстание 14 июня 1905 года на лучшем в то время броненосце Черноморского флота «Князь Потемкин-Таврический» не было фактом случайным и неожиданным: это был частичный и преждевременный взрыв обширного, смело задуманного плана всеобщего восстания, которое должно было охватить весь русский флот Черного моря и весь юг России. Формальным поводом для восстания «Потемкина» послужил инцидент с «гнилым мясом», но его истинные причины коренились гораздо глубже. После позорного исхода русско-японской войны среди матросов флота началось сильное революционное брожение, находившее себе благоприятную почву в невыносимых условиях казарменного режима того времени. Ненависть к офицерам была особенно сильна во флоте, где всякие дисциплинарные проступки наказывались особенно жестоко; здесь ярче, чем в армии, проявлялся классовый антагонизм солдат и офицеров. Матрос—промышленный рабочий противопоставлялся офицеру—дворянину и помещику. Подготовку к восстанию Черноморского флота тщательно вел Крымский социал-демократический союз; восстание должно было вспыхнуть в июле месяце, во время больших морских маневров и охватить весь Черноморский флот. Восстание же во флоте должно было послужить началом всеобщего военного восстания. Хотя благодаря преждевременной вспышке на «Потемкине» общее восстание Черноморского флота не состоялось, но примеру «Потемкина» последовал «Георгий-Победоносец», а позже разразились большие волнения на судах Черноморского и Балтийского флота. Восстание на «Потемкине» явилось преддверием к кровавым событиям в Севастополе 15 ноября 1905 года.

Самое восстание произошло следующим образом: 12 июня 1905 года «Потемкина», взяв с собой 2.000 учебных и боевых снарядов, ушел из Севастополя к острову Тендер для испытания (в то время это был совершенно новый броненосец) и 13 июня, вместе с приданным миноносцем № 267, прибыл к месту назначения. Миноносец затем был командирован в Одессу за провизией, которую должен был закупить офицер с «Потемкина». Вечером миноносец вернулся, привез гнилое мясо, которое на другой день было дано в пищу матросам. Матросы, узнав об этом, решили не есть супа. Командир броненосца, капитан Голиков, особенно не любимый матросами за его грубое обращение и совершенно не понимавший и не учитывавший начавшегося в Севастополе революционного движения среди матросов, попытался силой

заставить их съесть суп, угрожая применением оружия и виселицей. Возмущенная команда выбросила его за борт, затем убила и 7 других офицеров. Овладевши всем броненосцем, восставшие арестовали остальных офицеров и выбрали командиром броненосца прапорщика Алексеева. Революционный броненосец решил идти в Одессу, где в это время происходили кровавые события в Порту и на Персыпи, вызванные забастовкой и восстанием рабочих. В Одессу «Потемкин» и миноносец прибыли 14 вечером, здесь к нему был присоединен военный пароход «Веха». Прибывши в Одессу, команда броненосца решила оставшихся живых офицеров отправить на берег, а также похоронить убитого во время восстания старшим офицером матроса Вакуличука, для чего была отправлена особая делегация к командующему войсками. Растерявшееся военное начальство разрешило похороны. Похоронную процессию сопровождали толпы народа. Эскорты войск пытались несколько раз стрелять в нее. Желая поддержать восставших в Одессе рабочих, революционная команда броненосца решила перейти в наступление и открыть огонь по городу. Бомбардировка Одессы была произведена на другой день после похорон, но никакого существенного вреда городу не принесла. Вскоре под Одессой появилась севастопольская эскадра, посланная для умирения «Потемкина». «Потемкин» пошел ей навстречу. Произошел известный «молчаливый бой», результатом которого явилось присоединение к «Потемкину» «Георгия-Победоносца». Так как и на остальных судах эскадры адмирала Кригера наблюдалось большое сочувствие к восставшим, то адмирал повернул эскадру в Севастополь. «Георгий-Победоносец», команда которого не обладала достаточной организованностью и революционной выдержкой, испугалась военных приготовлений в Одессе и вскоре ушел обратно в Севастополь. После измены «Георгия» на «Потемкина» началось брожение, в результате которого броненосец ушел в Констанцу, из Констанцы в Феодосию, из Феодосии опять в Констанцу, где под влиянием ряда неудач и благодаря отсутствию единого руководства малосознательная часть команды взяла верх. В итоге «Потемкин» сдался румынским властям. Вскоре после этого он вместе с миноносцем № 267 вернулся в Россию и был переименован в «Пантелеймона». Только небольшая часть его команды осталась в Румынии, остальные вернулись в Россию.

69. Всероссийская политическая стачка 7—21 октября 1905 г. вырастает, как следующий этап, после летних экономических стачек. Восстание черноморских моряков, кампания по выборам в булыгинскую Думу, университетская автономия, превратившая здания высших учебных заведений в места массовых революционных митингов пролетариата, вместе с общим ростом рабочего движения, пробуждают политическую активность масс и повышают их революционную сознательность. Начавшись с частичной забастовки наборщиков типографии Сытина в Москве (19 сентября), стачка захватывает к 25-му всю промышленность Москвы и с лозунгами демократической республики и гражданских свобод выходит на улицы. Присоединением к забастовке рабочих Московско-Казанской железной дороги, а вслед за ней и всего московского узла, подается сигнал к всеобщей политической забастовке. 9 октября съезд железнодорожников, происходящий в Петербурге, декретирует общие требования железнодорожной забастовки «8-часовой рабочий день, гражданские свободы, амнистия, Учредительное Собрание». Паралич железнодорожного и телеграфного аппаратов в связи с полным прекращением работы на заводах и фабриках грозит приостановкой всякой жизни в стране. (Подробное описание хода октябрьской стачки см. в книге Троцкого «1905», глава «Стачка в Октябре»). Постановлением Совета Рабочих Депутатов стачка была прекращена 21 октября.

70. Манифест 17 октября 1905 г., составленный Витте, был подписан в дни 1-й всеобщей политической стачки, которая парализовала правительственный аппарат и грозила превратиться в вооруженное восстание. Манифест заключал в себе обещания: гражданских свобод; всеобщего избирательного права, в том числе и для тех классов, кои были лишены их указом об учреждении Думы (6 августа 1905 г.); предоставления Думе прав законодательного органа. Несмотря на то, что манифест фактически давал одни лишь обещания (в самый день его опубликования, 18 октября, был издан и приказ Трепова «патронов не жалеть»), он все же имел большое значение, как первая уступка царского правительства революции. Издание манифеста было переломным пунктом в отношении к самодержавию различных общественных групп. До 17 октября против абсолютизма, за конституцию, стояли более или менее решительно все группировки: «почти не было правых, или если они были, то вихомолку, в скрытом состоянии. 17 октября заставило многих опомниться, образовались партии, заговорил патриотизм, чувство собственности, и русская телега начала волочить оглобли направо», — пишет Витте в своих воспоминаниях. Лишь виновник появления манифеста — революционный пролетариат — правильно оценил царское обещание. Решение продолжать забастовку было ответом Совета Рабочих Депутатов на предательский манифест.

71. В октябре 1905 года в Севастополе начались сильные волнения среди рабочих, перекинувшиеся в ноябре и в Черноморский флот. Матросами были выставлены целый ряд просьб и требований: 1) о сокращении срока службы во флоте и об облегчении самой службы; 2) о том, чтобы офицерство в обращении с матросами считалось с их человеческим достоинством; 3) о созыве Учредительного Собрания; 4) об осуществлении манифеста 17 октября. Вместо того, чтобы прислушаться к этим просьбам и требованиям, командование флота ответило на них репрессиями, которые вызвали открытые брожения. Матросы стали часто собираться на митинги и обсуждать свое положение. 11 ноября на один из этих митингов, где собралось несколько тысяч матросов, явился адмирал Писаревский и приказал матросам разойтись, грозя в противном случае применить оружие. В адмирала был произведен выстрел, которым он был ранен; этот факт послужил толчком к восстанию. К матросскому движению присоединилась часть Брестского полка (очень ненадолго) и запасной батальон. Руководителем матросского движения позже стал оставший лейтенант Шмидт, незадолго перед тем выпущенный из-под ареста за речь, произнесенную им на похоронах жертв мирной манифестации в Севастополе: он убеждал тогда матросов не увлекаться и не облагать оружие. Но теперь, когда все просьбы и требования матросов были отклонены, утром 15 ноября на крейсере «Очаков» появился адмиральский флаг и сигнал: «Командую флотом Шмидт» и была послана телеграмма царю: «Славный Черноморский флот, храня зветы и преданность царю, требует от вас, государь, немедленного созыва Учредительного Собрания и не повинуется больше вашим министрам».

Шмидт, ставший во главе матросского движения, не был организатором восстания, он пошел на «Очаков» по призыву матросов, явившихся к нему ночью 13 ноября за помощью, но сам не верил в успех начатого дела. Восставшими были захвачены 4 миноносца и транспорт «Прут», на котором содержались арестованные матросы «Потемкина». Арестованных освободили, а офицеров с названных судов препроводили на «Очаков». Остальные суда эскадры остались, после резких колебаний, на стороне правительства. В 3 часа дня, 15 ноября, начался морской бой между восставшими судами и эскадрой, а в 4 часа 45 минут он уже окончился полной победой эскадры. Миноносцы были приведены в негодность, а на крейсере «Очаков» вспыхнул пожар.

Участники восстания были арестованы и заключены в казематы Очаковской крепости. 6 марта 1906 года, по приговору военно-морского суда, на острове Березань были расстреляны лейтенант Шмидт и его главные помощники: матросы Частник, Гладков и Антоненко.

72. Между тем как ноябрьская стачка в Питере обнаружила уже признаки упадка революционной энергии петроградского пролетариата, который начал уставать от многомесячной борьбы, рабочий класс Москвы, реагировавший менее активно на события второй половины 1905 г., к декабрю сохранил еще свои силы. Политическое руководство революцией в Москве находилось в более твердых руках, чем в Питере, и было более централизовано. Москва была цитаделью большевиков. Тогда как движение в революционном Питере достигло своего апогея в октябре, рабочая Москва к этому времени еще начинала только раскачиваться; к тому же московский гарнизон, по своему составу более рабоче-крестьянский, чем питерский, легче поддавался с.-д. агитации. В конце ноября среди московского гарнизона началось сильное брожение. Это брожение совпало с движением рабочих, вызванным известиями об аресте Петроградского Совета. Московский Совет решил объявить забастовку, предварительно опросив крупнейшие фабрики и заводы. На историческом заседании 4 декабря, посвященном этому вопросу, присутствовало 950 представителей от рабочих организаций. Районные комитеты высказались за немедленное объявление всероссийской забастовки и за призыв населения к вооруженному восстанию.

На следующем заседании (6 декабря) было постановлено выпустить воззвание к рабочим, солдатам и гражданам (№ 1 «Известий») с призывом к забастовке и вооруженному восстанию. Всероссийская забастовка была объявлена в 12 час. дня 7-го декабря. Забастовка охватила большинство промышленных предприятий, телеграф, почту и железные дороги, за исключением Николаевской, которой правительство придавало особенное значение. Она была занята военным железнодорожным батальоном. Уже во время вооруженного восстания рабочие дружины осаждали Николаевскую ж. д., но были отбиты.

С начала декабря в Москве происходили волнения в гарнизоне. 4 декабря был образован Совет Солдатских Депутатов, пославший своих представителей в Совет Рабочих Депутатов. Но к началу баррикадной борьбы московским властям удается разными способами нейтрализовать революционно настроенные части гарнизона. Восстание проходит, таким образом, без поддержки гарнизона и подавляется прибывшими ввзне воинскими частями.

Первая баррикада была построена к вечеру 7 декабря на Страстной площади. Московский градоначальник генерал Дубасов вызвал для подавления восстания два отряда, из которых один был помещен в манеж, другой в Красных казармах Александровского гренадерского полка. Отряды были смешанного характера: рота пехоты, казаки 34-го Донского и драгуны-сумцы. Эти части пускались в ход городской администрацией без всякого плана для рассеяния толпы. Пресня была организована лучше других районов и держалась дольше всех. Революционные дружины были очень малочисленны; в большинстве случаев велась партизанская борьба. Баррикадная борьба боевых дружин длилась с 9 по 18 декабря. 18-го Пресня была очищена от последней баррикады. Подавление восстания было произведено преимущественно из Петербурга гвардейцами Семеновского полка и Ладозскими пехотным полком, прибывшим из Варшавского округа. Обстрелы вела привезенная из Твери артиллерийская бригада. Всем этим сводным отрядом командовал полковник Мин.

Московский восстание, несмотря на свой печальный исход, имело огромное историческое значение; влияние его уроков сказалось не только на русской, но и на европейской социал-демократической мысли. Опыт

московского восстания неоднократно отмечался в произведениях Ленина. В своем новом издании «Социальной революции» (после 1905 г.) Каутский открыто признал, что московское восстание опровергло старые представления о невозможности уличных боев и непригодности баррикад в эпоху развитого капитализма.

73. Крестьянское движение в 1905 г. закончилось жестоким разгромом. Тем не менее выступления крестьян не прекращаются. С начала 1906 г. широко развивается крестьянское забастовочное движение. Главнейшим требованием являлось понижение арендной платы. Особенной силы забастовочное движение достигло в Юго-Западном районе. В Каменецком уезде Подольской губ., в Могилевской губ. крестьяне снимают с работ рабочих и батраков. Помещикам предъявляются требования об увеличении заработной платы. Наиболее широко развивалось забастовочное движение в районах наибольшего распространения свекловичной культуры. На свекловичных плантациях Винницкого, Брацлавского, Гайсинского уездов работа временно приостанавливалась совершенно. Во многих уездах организовывались забастовочные комитеты, устанавливавшие цены на рабочие руки и следившие за тем, чтобы ниже установленных цен никто не работал. Были попытки организовать совещания крестьянских депутатов. Перед первым мая по селам распространялись прокламации—с призывом принять участие в празднестве. В Брацлавском и Гайсинском уездах организовывались «советы крестьянских депутатов».

Руководили движением социал-демократические организации. Были организованы сельские, волостные и уездные комитеты для руководства как экономической борьбой крестьянства, так и его политической борьбой. Устраивали собрания, на которых обсуждались наказы депутатам в Государственную Думу. На выборах во 2 Думу от крестьян проходит большое количество лиц, принадлежащих к революционным партиям. Столкновения с полицией происходят очень часто. Количество крестьянских арестов достигает огромной цифры. Результаты аграрного движения отразились, прежде всего, на арендных ценах, которые были значительно понижены, и на заработной плате, которая повысилась в довольно крупных размерах.

74. Государственная Дума была учреждена законом 6 августа 1905 г. Выборы в 1 Думу производились по избирательному закону министерства Витте, от 11 декабря 1905 г., по которому часть рабочих получала избирательное право в рабочих куриях.

Сессия 1 Думы продолжалась 72 дня: с 27 апреля по 10 июля 1906 г.

Партийный состав Думы выяснился лишь после открытия сессии, так как выборы по партийным спискам не производились. Из 524 принимали участие в работе сессии всего 493 депутата, остальные 6 человек не успели прибыть и 25 не были еще выбраны.

По партийности 493 депутата делились следующим образом: около 160 членов принадлежало к кадетам; партия демократических реформ насчитывала до 14 членов; в июне образовалась небольшая фракция партии мирного обновления, составившаяся из Н. Н. Львова (ушедшего от кадет), нескольких членов союза 17 октября и небольшого количества беспартийных правых; направо от перечисленных партий стояла группа беспартийных правых, образовавшая к концу сессии партию прогрессистов—12 членов. Рядом с партией конституционных демократов имелось пять организованных в особые партии национальных групп: польская, эстонская, латышская, литовская и украинская. Они соединялись иногда в один союз автономистов, насчитывавший к моменту закрытия Думы приблизительно 70 членов. На лево от кадет стояла весьма значительная, сперва неопределенная, группа беспартийных левых, в значительной части состоявшая из крестьян.

В первые дни сессии большинство этой группы образовало сильную трудовую фракцию. Количественный состав группы колебался: вначале число ее членов было близко к 100, затем оно несколько сократилось. Сюда же входили социалисты-революционеры и социал-демократы, вошедшие в Думу вопреки партийным директивам, требовавшим бойкота выборов. После прибытия кавказских депутатов образовалась самостоятельная социал-демократическая фракция—17 членов. Социалисты-революционеры отдельной фракции не образовали.

29 апреля Дума сформировала свой президиум в составе председателя Муромцева (к.-д.), товарищей председателя кн. Долгорукова (к.-д.) и профессора Гредескула (к.-д.), секретаря кн. Шаховского, товарищей секретаря Шапошникова, Косошкина, Рыжкова, проф. Г. Ф. Шершеневича и Понятовского.

После оглашения приветствий и выборов мандатной комиссии последовал целый ряд (5 дней) заседаний, посвященных выработке ответного адреса царю. Затем наступили дни «законодательной работы», состоявшей, как известно, главным образом, из бесплодных запросов правительству. 12 мая был предъявлен запрос председателю совета министров по поводу смертных приговоров в Прибалтийском крае, и обсуждался законопроект о неприкосновенности личности. 13 мая в Думе был заслушан ответ правительства на адрес Думы. 8 июля был издан указ о роспуске Думы и о назначении дня созыва 2-ой Думы на 20 февраля 1907 г.

Выборы в 1-ую Думу, как известно, прошли при бойкоте с.-д. и рабочего класса. Деятельность Думы, оправдав основное положение партии,—что Дума будет игрушкой в руках самодержавия, истинником конституционных иллюзий,—тем не менее показала целесообразность ее использования как агитационной трибуны. Именно этот урок и был извлечен из первоначального опыта Лениным, когда он выступил защитником участия в выборах во 2-ую Думу.

75. Непосредственным поводом к Свеаборгскому вооруженному восстанию послужил арест комендантом крепости миной роты. В середине июля, в части Балтийской эскадры, стоявшей в Ревеле, началось сильное брожение. В целях предупреждения десанта матросов эскадры на острова Свеаборгской крепости комендант отдал приказ поставить мины у входа в Свеаборгский рейд. За неподчинение приказу минеры были окружены пехотой, обезоружены и посажены под арест. Солдаты и матросы гарнизона крепости решились во что бы то ни стало освободить своих товарищей. В 12 часов ночи на 18 июля на Лагерном острове прогремел условный сигнальный выстрел 9-фунтовой пушки, и все артиллеристы (3 роты), расположенные на Лагерном острове, бросились освобождать минеров. Последовавшая кровавая схватка артиллеристов с двумя ротами первого Свеаборгского крепостного батальона послужила началом этого знаменитого восстания.

В момент восстания гарнизон крепости Свеаборг состоял из крепостного пехотного полка, крепостной артиллерии (9 рот), миной роты и др. частей. Кроме того, в восстании приняли участие и матросы Свеаборгской флотской роты, расположенной в казармах полуострова Скутудден.

Революционная пропаганда в частях гарнизона крепости, ведшаяся социал-демократами и социал-революционерами, пала на благоприятную почву, подготовленную действиями начальства, в особенности интендантского, снабжавшего части гарнизона негодным обмундированием и сапогами. Наиболее революционно настроены были артиллеристы, явившиеся главными застрельщиками восстания. За ними шли минеры и матросы. Наименее подготовленным оказался Свеаборгский крепостной пехотный полк, который после некоторых колебаний остался на сто-

роне правительства и, вместе с вызванными частями 2-го Финляндского полка и частью эскадры Балтфлота, подавил восставший гарнизон.

В Свеаборге более 6 месяцев до восстания уже существовал революционный комитет, который вел пропаганду в гарнизоне. Комитет поддерживал связь с социал-демократической и социал-революционной организациями Финляндии. Обе партии незадолго до восстания развили энергичную деятельность по подготовке последнего. 2 июля 1906 года, при получении известий о том, что в Кронштадте готово вспыхнуть восстание, в Гельсингфорсе было устроено заседание военных организаций обеих партий, на котором было решено немедленно же приступить к оповещению всех военных судов о готовящемся восстании и постараться добиться сосредоточения их под Свеаборгом. Но революционная энергия свеаборгских артиллеристов преуменьшила дело. Восстание вспыхнуло внезапно, стихийно, гораздо раньше, чем парторганизации успели сделать что-либо для обеспечения его успеха. Массы не были, да и не могли быть подготовлены к нему. В это время революционное движение в России переживало временный упадок. Только еще начинался период нового собрания сил. Этот факт и явился главной и основной причиной поражения. Рабочие и крестьянские массы России не могли поддержать восстания, и оно было подавлено. Решающую роль при подавлении восстания сыграла часть эскадры Балтфлота, открывшая неожиданно для восставших огонь из дальнебойных тяжелых орудий.

Несмотря на поражение, Свеаборгское восстание и вслед за ним и в связи с ним вспыхнувшие восстания в Кронштадте и на крейсере «Память Азова» имели огромное моральное значение. Ярко выраженный политический характер восстания целой такой крупной крепости, как Свеаборг, заставил царское правительство сильно трепетать за свою судьбу. Оно еще раз напомнило самодержавию об ободустром характере армейских штыков, на которые оно опиралось. С другой стороны, оно явилось могучим боевым откликом на призыв социал-демократической фракции и трудовой группы Государственной Думы к армии и флоту.

76. Начало работ 2 Государственной Думы относится к 20 февраля 1907 г. В состав 2 Думы вошло 505 депутатов, разбиившихся весьма неравномерно на несколько партий. В противоположность 1 Думе, кадеты имели во 2 Думе уже только относительное большинство. В отношении левых партий 2 Дума отличалась от 1 наличием в ней с.-д. фракции в количестве 65 человек. Вообще состав 2 Думы был очень пестрый, благодаря многочисленности группировок разных политических оттенков. Ближе к кадетам подходила фракция трудовиков (101 человек), которые вместе с кадетами составили абсолютное большинство Думы. Особую группу с особыми целями образовали полки (39 человек). Основным вопросом, вокруг которого объединялись и противопоставлялись все эти группировки, являлось отношение к революции. Представители рабочего класса требовали от правительства отмены смертной казни и амнистии для революционеров; правые выносили порицание политическим убийствам и террору; правительство настаивало на удалении из среды народных представителей лиц, обвиняемых в революционных речах и деяниях.

Роспуск 2 Думы 3 июня 1907 г. завершила собой эпоху революции 1905—1907 года, являясь выражением факта временной победы самодержавия. Наступила эпоха столыпинской реакции.

77. Правительство, убедившись на опыте 2 Думы, что при существовании широкого избирательного права для рабочих, крестьян и городской бедноты ему не добиться такой палаты, которая целиком представляла бы интересы помещичьей государственной власти, решило совершенно длительно представительство широкие массы населения. С этой целью 3 июня 1907 г. было издано «Положение о выборах

в Государственную Думу», явившееся настоящим государственным переворотом.

Это положение дало возможность совершенно механически перекрыть избирательный закон с тем, чтобы обеспечить в будущей Думе большинство представителям дворянского землевладения и крупного капитала. Рассчитывая на контр-революционную либеральную буржуазию и зная, что в любую минуту оно может опереться на нее, правительство предоставляло 53 места кадетской партии. Результатом избирательного закона 3 июня явилась реакционная 3 Дума (см. прим. 78).

3-июньский переворот был лишь звеном в общей цепи политических мероприятий Столыпина, который стремился постепенно перевести Россию на буржуазные рельсы, не ущемляя в то же время интересов помещичьей России. Как известно, деятельность этого русского Бисмарка потерпела крах, и его смерть (он был убит в 1912 г.) совпала с новым подъемом революционной волны.

78. 1 ноября 1907 г. собралась Государственная Дума третьего созыва—«Третья Дума». «Положение о выборах в Государственную Думу 3 июня 1907 г.» предопределило и состав и деятельность будущего представительства народной власти. Число выборщиков от крестьян и рабочих было по этому закону сильно сокращено, зато число выборщиков от помещиков значительно увеличилось. Третья Дума вполне характеризуется ее классовым составом: в ней сидели представители, главным образом, помещиков, а также фабрикантов, купцов, банкиров. Одни из них называли себя октябристами, другие националистами и т. д., но за всеми этими оттенками скрывалась одна и та же черносотенная сущность.

Левая оппозиция в этой черносотенной Думе была представлена, на общее число депутатов в 300 человек, 19 социал-демократами и 14 трудовиками. Центр составляли 53 кадета.

Третья Дума, будучи преимущественно помещичьей по своему составу, заботилась исключительно об интересах помещиков; за них она стояла при проведении закона о мировом суде, законов о земском и городском самоуправлении, в налоговом законодательстве и т. д. Нечего и говорить, что Дума занималась бешеной травлей национальных меньшинств и совершенно игнорировала интересы рабочих и крестьян.

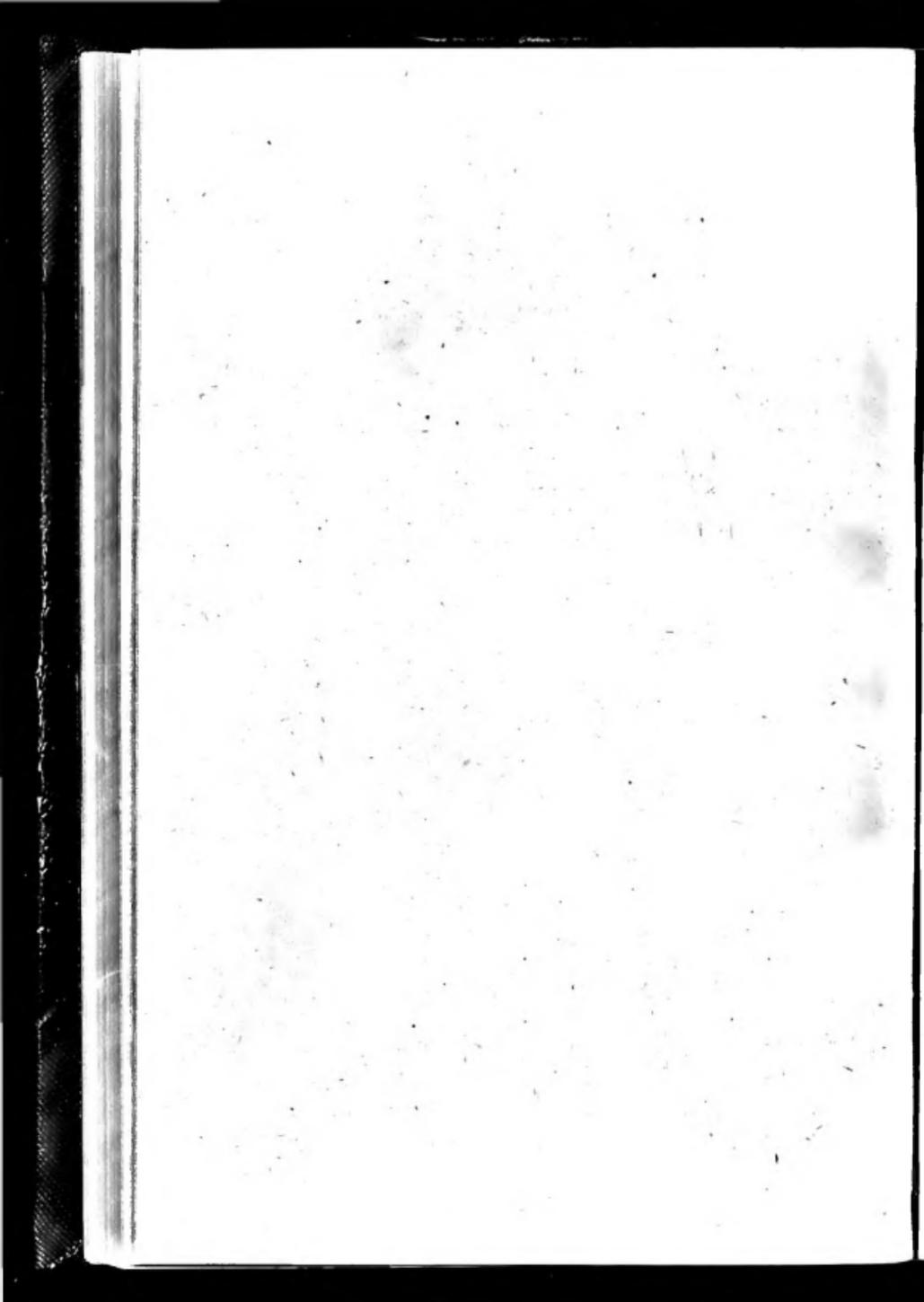
Дума просуществовала 5 лет, вплоть до окончания ее срока. В истории большевизма 3 Дума явилась крупным этапом, ибо вопрос об участии на выборах и пребывании в Думе с.-д. депутатов вызвал образование отзовистского и ультиматистского течений, объединившихся в 1909 г. в группу «Вперед». В непримиримой идейной борьбе с этой «карикатурой на большевизм» выковывалось великое орудие пролетарской борьбы—ленинизм.

79. «Правда»—выходила с 3 октября 1908 г. по 23 апреля 1912 г. в Вене, вначале как орган Украинского Союза «Спилька», затем как общепартийное предприятие. Редактировалась Л. Троцким. Пленумом ЦК 1910 г. было решено ввести в редакцию «Правды» представителя ЦК (был введен Л. Б. Каменев) и предложить ближайшей парт-конференции объявить «Правду» органом ЦК. Вскоре же после введения представителя из ЦК начались трения внутривнутрипартийного характера, которые закончились выходом представителя ЦК из редакции.

В отношении партийного поведения редакция «Правды» в № 3 от 27/III 1909 г. говорит, что рабочая газета «Правда» поставила своей задачей «служить сплочению социал-демократических рабочих, как примыкающих к двум господствующим фракциям, так и внефракционных,—на почве действительных экономических и политических задач пролетариата под знаменем социал-демократической партии». Таким

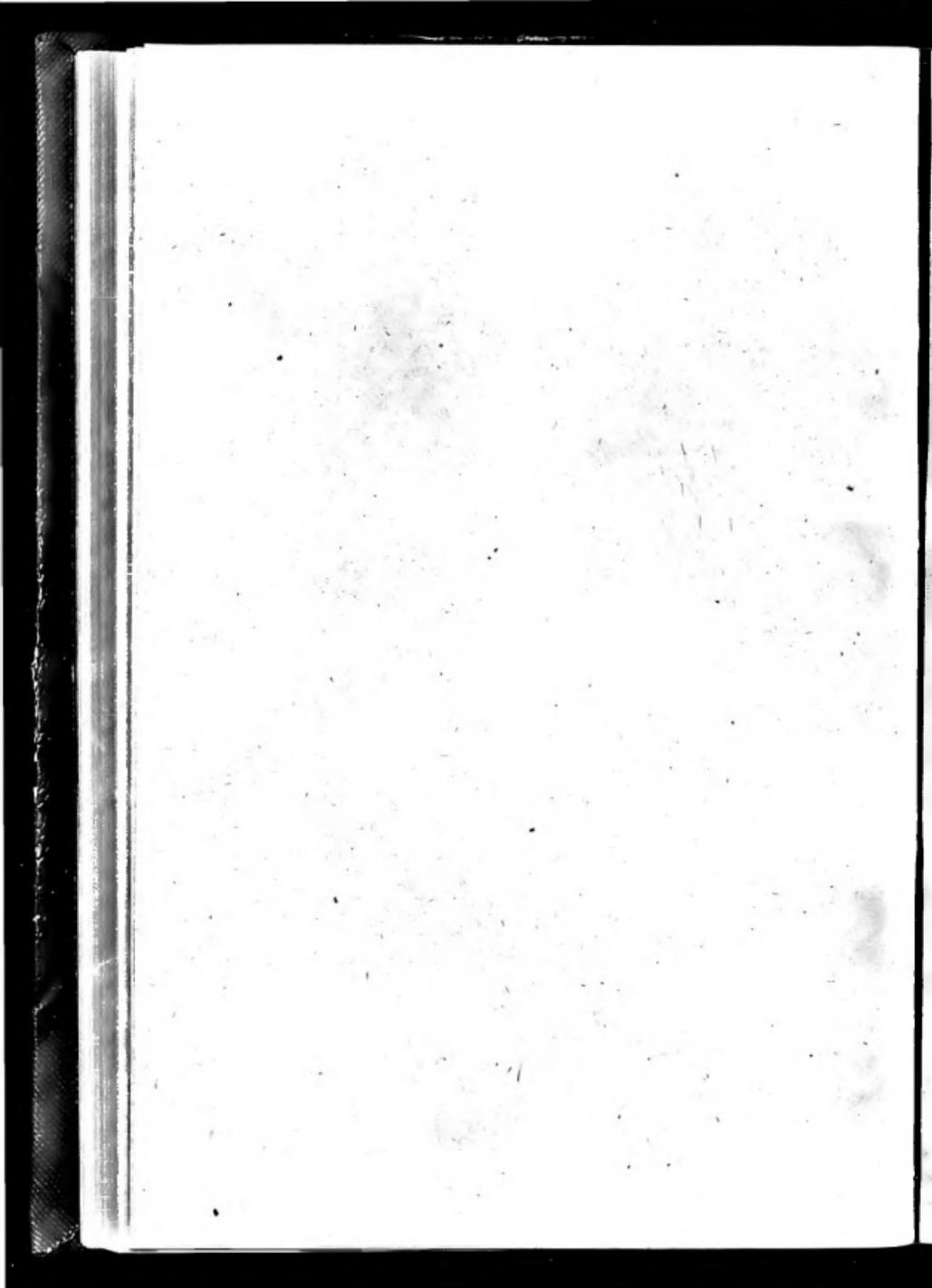
образом, «Правда» была органом партийного примиренчества, стремясь создать условия для объединения ликвидаторов и большевиков. Одним из главных—и, конечно, ошибочных—тезисов «Правды» было утверждение, что рабочие партийные низы чужды фракционности, которая является лишь достоянием интеллигентских верхов. Ошибки примиренчества, вполне естественно, отражались и на «Правде». Ошибочно видя причины фракционности в пережитках старых интеллигентских споров, «Правда» проходила мимо классовых корней разделения Р.С.-Д.Р.П. на отдельные фракции и выдела поэтому в повышении политического уровня с.-д. рабочих залог уничтожения фракционности. Центральный орган партии за время существования «Правды» вел с последней резкую идейную борьбу.

Исторический архив
Института В. И. Ленин

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
До десятого января.	5
Крестьяне, к вам наше слово!	72
Товарищи рабочие!	81
9-ое января (глава из книги „1905“)	83
9-ое января (статья из „Правды“ № 9, 1910 г.)	93
Приложения	95
Примечания	107

1908

Зр. 50к:

Цена ~~60~~ коп.

>

9

